

№ 12 • 1982

РАБОТНИЦА

60 лет СССР

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса — это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присущими ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии — ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреодоляя заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене — политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным проидам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинской идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплавиваются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо знают: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы, — в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претворяется в жизнь. Партия будет и

впредь делать все для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Продовольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, об укреплении социально-политического и идейного единства советского общества, братской дружбы народов СССР, об идеологической закалке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетарского, социалистического интернационализма.

Неизменна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день. Эта благородная идея пронизывает Программу мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую деятельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантур не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бдительность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, Советский Союз будет упорно бороться за то, чтобы отвлечь от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, миролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой — будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и организатора. В служении рабочему классу, трудовому народу — высшая цель и смысл всей деятельности партии. Непокколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целеустремленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсегда вошло в историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

Речь

Товарищи!

Наша партия и страна, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, планетного коммуниста, верного сына советского народа — Леонида Ильича Брежнева.

Из жизни ушел крупнейший политический деятель современности. Ушел наш товарищ и друг, человек большой души и большого сердца, чуткий и доброжелательный, отзывчивый и глубоко гуманный. Беззаветная преданность делу, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, мудрая осмотрительность в принятии ответственных решений, принципиальность и смелость на крутых поворотах истории, неизменные уважение, чуткость и внимание к людям — вот те замечательные качества, за которые ценили и любили Леонида Ильича в партии и в народе.

Прошу почтить светлую память Леонида Ильича Брежнева минутой молчания.

Леонид Ильич говорил, что каждый день его жизни неотделим от тех дел, которыми живут Коммунистическая партия Советского Союза, вся Советская страна. И это было действительно так.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление, освоение целины и исследование космо-

Речь

Дорогие товарищи!

Политбюро поручило мне выступить перед участниками настоящего внеочередного Пленума ЦК.

Наш внеочередной Пленум ЦК носит действительно чрезвычайный характер. Страна и партия в глубоком трауре. Ушел из жизни Леонид Ильич Брежнев.

Советский народ потерял выдающегося руководителя, который почти два десятилетия стоял во главе партии и государства, отдавая все свои силы и огромные способности во имя счастья советских людей, во имя дела коммунистического строительства в нашей стране. Мы можем сказать, что человечество потеряло великого, поистине неутомимого борца за идеалы мира, свободы и социального прогресса. Мы, советские коммунисты, наши братья в социалистических странах, наши соратники в мировом коммунистическом движении потеряли талантливого продолжателя ленинского дела, человека, у которого учились беззаветной верности интересам трудящихся.

Слова бессильны выразить всю горечь нашей утраты, но в эти скорбные дни великой помощью всем нам служат уроки жизни дорогого всем нам Леонида Ильича.

Леонид Ильич в полной мере обладал даром целиком жить интересами общества, интересами народа. Так было всегда, начиная с юношеских лет и до последнего дня жизни.

Леонид Ильич хорошо знал, что одни благие пожелания — это пустой звук. Мало высказать правильные мысли, нужно подкрепить их четкой организаторской работой, сделать понятными и доступными широким массам трудящихся. Он любил людей. Он умел доверять людям.

Леонид Ильич был человеком исключитель-

товарища Ю. В. АНДРОПОВА

са — все это великие вехи на пути труда и борьбы советского народа и в то же время — вехи биографии коммуниста Леонида Ильича Брежнева.

С именем и делами Леонида Ильича неразрывно связаны рост могущества и углубление всестороннего сотрудничества стран великого социалистического содружества, активное участие мирового коммунистического движения в решении исторических задач, стоящих перед человечеством в нашу эпоху, укрепление солидарности всех сил национального освобождения и социального прогресса на земле.

Леонид Ильич Брежнев навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов, за устранение нависшей над человечеством угрозы мировой ядерной войны.

Мы хорошо знаем, что мир у империалистов не выпросишь. Его можно отстоять, только опираясь на несокрушимую мощь Советских Вооруженных Сил. Как руководитель партии и государства, как Председатель Совета Оборона СССР Леонид Ильич постоянно уделял внимание тому, чтобы обороноспособность страны находилась на уровне современных требований.

Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет бесценно возглавлял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил

он в организацию дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неоценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии.

С именем Леонида Ильича связаны принципиальная борьба нашей партии в защиту марксизма-ленинизма, разработка теории развитого социализма, путей решения самых актуальных задач коммунистического строительства. Его деятельность в мировом коммунистическом движении по праву получила высочайшую оценку братских партий, наших зарубежных братьев по классу, товарищей по борьбе за социализм, против гнета капитала, за торжество великих коммунистических идеалов.

Жизнь Леонида Ильича Брежнева оборвалась, когда его мысли, усилия обращены были на решение крупнейших задач экономического, социального и культурного развития, определенных XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК. Осуществление этих задач, последовательное проведение в жизнь внутреннего и внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства, который был выработан под руководством Леонида Ильича Брежнева, — наш первоочередный долг. И это будет наша лучшая дань светлой памяти ушедшего от нас руководителя.

Велика наша скорбь. Тяжела утрата, которую мы понесли.

В этой обстановке долг каждого из нас, долг каждого коммуниста еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, сделать на своем посту, в своей жизни как можно больше для блага советского народа, для укрепления мира, для торжества коммунизма.

Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

У нас, товарищи, есть такая сила, которая помогала и помогает нам в самые тяжелые моменты, которая позволяет нам решать самые сложные задачи. Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа.

Наш Пленум собрался сегодня для того, чтобы почтить память Леонида Ильича Брежнева и обеспечить продолжение дела, которому он отдал свою жизнь.

Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

ного мужества. Он доказал это не только в Великую Отечественную, которую прошел от первого до последнего дня. Мужество не изменяло ему на всем жизненном пути. И он высоко, очень высоко ценил в каждом товарище смелость, принципиальность, стойкость при любых испытаниях.

Быть рядом с Леонидом Ильичом, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку.

Леонид Ильич Брежнев оставляет нам драгоценное наследство. Наша 18-миллионная партия едина и сплочена. Советский народ беззаветно верит в мудрость партии. Нормами нашей жизни стали требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив, нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества.

Беречь и развивать этот стиль руководства, дорожить всем, что завещал нам своим словом и делом Леонид Ильич, — наш долг перед его памятью, наш долг перед партией и страной. Прочным залогом того, что так будет, служит руководящее ядро партии, ее Центральный Комитет, Политбюро, сформировавшееся при решающем участии Леонида Ильича.

От имени Политбюро я хочу выразить глубочайшую убежденность, что наш Пленум продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром, что партия твердо пойдет дальше ленинским курсом, который на современном этапе четко и полно выражен в решениях XXIII—XXVI съездов КПСС. Внутренняя и вне-

шняя политика нашей партии, в разработку и осуществление которой громадный вклад внес Леонид Ильич Брежнев, будет проводиться уверенно, последовательно и целеустремленно.

Нашими ориентирами были, есть и будут благо народа и сохранение мира на земле.

У нас есть развернутая, хорошо взвешенная социально-экономическая программа. Экономика должна быть экономной. Такова установка партии. А это означает техническое перевооружение индустриального и аграрного секторов, совершенствование управления и, конечно, улучшение организации труда, рост его производительности. На этой базе будет неуклонно развиваться экономика нашего государства, повышаться благосостояние народа. На этой же базе будет крепнуть обороноспособность страны.

У нас есть широкая, конкретная Программа мира для восьмидесятых годов. Она отвечает чаяниям народа. Разрядка, разоружение, преодоление конфликтных ситуаций, устранение угрозы ядерной войны — вот задачи, которые мы ставим перед собой. Мы хотим надежной безопасности для себя, для своих друзей, для всех народов мира.

Дорогие товарищи!

Все мы, очевидно, сознаем, что крайне трудно восполнить урон, который причинила нам кончина Леонида Ильича. Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно. Дружная, совместная работа во всех партийных органах обеспечит дальнейшие успехи как в коммунистическом строительстве, так и в нашей деятельности на международной арене.

Политбюро ЦК КПСС, обсудив создавшееся положение, поручило мне предложить Плену-

му избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Андропова Юрия Владимировича. Думаю, нет нужды рассказывать его биографию. Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране как самоотверженный, преданный делу ленинской партии коммунист, как ближайший соратник Леонида Ильича.

За плечами у Юрия Владимировича разносторонняя деятельность в области внутренней и внешней политики, идеологии. Был он и комсомольским вожаком, и крупным партийным работником, и дипломатом. Немало труда им вложено в укрепление социалистического содружества, в обеспечение безопасности нашего государства.

Леонид Ильич высоко ценил марксистско-ленинскую убежденность, партийность, широкий кругозор, его выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневскую заботу об интересах народа, брежневское отношение к кадрам, решимость всеми силами противостоять проiscaм агрессоров, беречь и укреплять мир.

Юрию Владимировичу присущи партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе. Политбюро единодушно считает: товарищ Андропов достоин доверия Центрального Комитета, доверия партии.

Дорогие товарищи! Склоняя свои головы перед светлой памятью Леонида Ильича, мы торжественно обещаем, что будем неустанно продолжать нашу созидательную работу. Все, что не успел совершить Леонид Ильич, что наметила под его руководством партия, будет сделано.

Юрий Владимирович АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая биография продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судоверфи им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник парти-

занского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим подотделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Несколько лет он являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается

председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт претворению в жизнь решений партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Да здравствует 60-летие образования Союза ССР — праздник интернационального единства, дружбы и братства всех советских народов!

(Из Призывов ЦК КПСС).

Любоваться здесь было нечем. И час назад и два спустя все та же серовато-рыжая плоскость. Из окна вагона даже не поймешь, гуляет ли там ветер: нечему качнуться, одна голая приземистая колючка. Еще верблюд мелькнет. Но эка диковинка старому человеку в азиатской тибетейке! А он все смотрит. Хотя путь этот знает со времен, когда на голове появилась вмятина — память о погоне за басмачами.

Ехал Рашид Тухтынбаев из Алты-Арыка в Тамбов. Там сын, Галибжон. В авиационном училище имени «товарица Марины Расковой». Последнее выговаривалось с особой гордостью.

Ехали в Тамбов и тяжеленный чемодан с рисом, травами и казан, в котором можно было бы искупать младенца. «Будет маленький плов». У Галибжона день рождения. Товарищей позовет. Сколько товарищей?.. «Сколько группа — все товарищи».

Он стоял у окна, точно нес вахту. В коридор выглянула девушка с книгой. Бросила скучающий взгляд и уже хотела скрыться, как он живо обернулся и сказал:

— Скоро здесь совсем другая земля будет.

На станции, где ходко сбывали верблюжьи носки, подсел новый пассажир. Стоило ему выйти с полотенцем, старик и его зацепил:

— Говорят, сибирская вода сюда придет. Вот земля будет!

Сперва это походило на нехитрый способ завязать разговор. Только нет, он не искал знакомств. Скажет — и опять к стеклу. Тут было другое. Низкорослый человек в сапогах с галошами и вмятиной под тибетейкой напомнил вдруг хозяина, который позвал вас в дом, где не все еще устроено, и ему оттого неловко, и он торопится объяснить, как все будет, когда и до этого уголка дойдут руки: «Вот здесь будет торшер и журнальный столик». У Рашида Тухтынбаева это звучало немножко по-иному: «Здесь будет большая вода».

Звучало паразитично просто, будто речь шла о бесспорном. И что нам эта задача по плечу: ведь оно у нас небывалой широты. Пусть у одного прикрыто фуфайкой, у второго — бешметом, у третьего — буркой... Действую-то они слитно!

Потом мы помогали Тухтынбаеву выгрузиться. Завидев на перроне молоденьких курсантов-авиаторов, кто-то спохватился:

— Отец, а как по-узбекски — самолет?

— Ил-62, — глазом не моргнул старик.

Он умел шутить. Мне же вспомнился случай совсем не шуточный.

...Я в классе новичок. И учитель новый.

— Товарищ Юсупов, — представляется он, и дальше ничего не понять. Начинается урок узбекского языка. Сосед по парте придвигает учебник: «Сказал — стихи учить». Беспомощно

заглядываю на страницу и... Что такое? В непонятном тексте вижу знакомое слово:

Гудок кичкирди,

Ишга чакирди...

Кто-то уже переводит: «Гудок закричал, работать позвал». Нас, эвакуированных, почти полкласса. И не один я удивился, почему эти узбекские стихи начинаются по-русски.

Товарищ Юсупов объяснил:

— Узбекский язык не имеет слова «гудок». Это слово принес русский человек. У нас самое громкое что было? Кричал ишак. Теперь самое громкое — что? Кричит гудок.

Гудки кричали на железной дороге и на шелкомотальной фабрике. Долгий голос фабричного окатывал бараки, будил плосковерхие кишлаки и терялся над выжженной пустошью между Маргиланом и Ферганой.

С нетерпением ждал я новой встречи с этим обогревшим нас в войну краем. Сейчас прыгну с подножки и скажу: «Салям!»

Только, позвольте, где та пустошь? Уж той ли дорогой еду?

— Киргили, — поясняет спутник. — Во-он нефтеперерабатывающий завод. А там — политехнический институт.

Все правильно. Уже показался Маргилан. Теперь, в Москве, я могу любоваться им в любое время. Его мне нарисовала смугляшка Мафтуна.

Домик, маки. Стройное дерево с зеленым мячом кроны: надо полагать, чинара. Солнце — глазастое, нарумяненное. А поверху — голубые звезды.

Когда я похвалил звезды, художница удивилась:

— Солнце есть — звезды не бывают.

— А что же это?

— Гудок. Видишь: это — так, а это — не так.

И впрямь, над чинарой «звезды» были ярко-голубые, а к краю листа они становились мельче и тусклее. И здесь я вконец удивил девушку, спросив:

— Где ты слышала гудок?

Родители засмеялись. А потом мне поведали целую легенду о фабричном гудке.

Когда вышло постановление о борьбе с шумами, умолк и шелкокомбинатовский гудок. Но округа заволновалась: «Пропал гудок». Стали объяснять: «Не пропал, а есть решение. Для вашего же блага... А кто боится проспать, дирекция купит будильники». Уперлись на своем: «Не надо будильники, дай наш гудок». Словом, жизнь им не та без гудка. Тогда директор сказал: «Хорошо, оставим. Но до первой жалобы». И вот который год идет, а все не несут жалобу на гудок.

Мне показалось, я слышал его и в кишлаке Янги Ер. Там бело от хлопка. В колхозе Маркса почти весь его убирают машины. На одной из них Хамрали Хасанов, Герой Социалистического Труда.

— Киргиз, — уточнил председатель Маразыков. — Жена Найля — татарка. Бригадным детсадом заведует. Это, смотри, механик Якубов

ОДНА СУДЬБА, ОДНА ЗВЕЗДА

Виктор БЕЛОУСОВ

Раимжон. Таджик. Танк водил под Сталинградом. Ног нет — трактор водит. То — Эргашев Родия. Какая нация, думаешь?

Эргашева мы нашли в поле. Бульдозер его двигался по самой кромке, засыпая ложбинку меж полем и дорогой. Полосой земли станет в колхозе больше. Высунулся из кабины. Волосы стружками. Голубоглазый.

— Родья я... Ну, Родион. можно.

На портрете в клубе он в чепане, тубетейке. А из рамы кабины такое русское лицо.

Родья Гусев. Мальчишка из пригорода Ленинграда. Его взяли в свою семью Эргашака и Курбан-биби. О подобных историях услышишь в каждом месте, куда прибывала людей волна эвакуации. Это было по-человечески просто:

— Сижу в чайхане. Бола заглядывает. Как это у вас?.. Былинка, вот. Зову чай пить. Штанишки подтянул, идет. Беру чайник, беру лепешку: «Пей». Взял лепешку. Ломает. Две половинки делает. Одна оставил, одна мне дает. Я говорю: «Твоя лепешка!» Он говорит: «И вы попейте. Теплая лепешка. Возьмите, дядя».

Ах, бедана ты, бедана моя. Надо уходить, не могу. «Возьмите, дядя». А?

Пишу бумажку. Вот, говорю, работать бегу. Здесь дорогу рисовал. Мой дом. Приходи вечером. Хоп? Молчит. Не знаю, понимает наше «хоп», нет.

Иду вечером. Сидит. Та-ак... «Ну, идем домой, сынок»...

А где-то сказали: «Идем, дочка»...

Двинулся дальше бульдозер заслуженного механизатора Узбекской ССР Родиона-Родия Эргашева. Смотрел вслед председатель. Вспомнил старые тревоги: уйдет однажды Родия, совсем уйдет. Вот и жену-сибирячку сыскал...

И был такой грех. Помалкивал-помалкивал Родия, а тут по весне запросился в Ленинград. А председатель не отпускает. Понимал: нехорошо делает, родное гнездо и птицу зовет. А не пусквал. Родия — это слава колхоза. И вдруг потерять?

Но Родия не только в работе горяч. «Ах, так!» Уехал. Тешил еще председатель себя надеждой: никого там своих не найдет. Ошибся, однако. Нашел Родион близких. Ворох карточек привез. За семейным столом. У палисада с рябиной. Они и он. Валя, жена, поделилась: «Шибко зовут туда».

А он? Спрашивать не надо. Он за своим привычным делом, рядом с привычным хлопком. Ведет бульдозер. Раздвигает границу вспаханной земли. Серой, трудной, до пылинки своей.

...Под колесами грузовика Соны Керимовой нет пыли. Откуда ей взяться на улицах, окруженных морем? Сами улицы стоят на сваях. Сколько тут свай? Даже начальник промысла Нефтяные Камни точно не знает. Но каждый тут скажет: сваи были рассчитаны на 15 лет, а город на них стоит все тридцать. Спасибо ленинградцам, это они взяли на себя заботу о долговечности свай, разьедаемых Каспием. Море очень неохотно уступает нефть из-под своего дна. Как же решились люди на эксперимент, которого не знала мировая практика?

Спросите шофера Керимову, она развезит их по буровым. И Сова-хала («тетя Сова») ответит: «Знаешь, как я их называю? Садись, интернационал!»

Нефтяные Камни стоят на сваях. Но одинаково правильным будет сказать: поднялись они на дерзости, расчете и мускулах всей страны. Вот и сейчас вышла на Каспий буровая установка «Шельф-2», целый плавучий поселок столб внушительный, что вертолет на верхнем ярусе его выглядит присевшей отдохнуть стрекозой. «Шельф» будет добираться до нефти на глубинах, на которых еще никто не бурил. Под днищем его толща воды в двести метров. А уж под той водой, если еще углубиться на 5—6 километров, предполагаемая нефть. Снарядил и собрал эту базу в дорогу весь Союз: Украина, Урал, Поволжье, Северный Кавказ...

Старая Мина-баджи, председатель колхоза на земле, где сходятся Азербайджан с Дагестаном. Кто она была?

Говорили: у тебя, Мина, была добрая мать. Она не помнила: рано ушла мама. Говорили: у тебя отец был первый плотник. Она не помнила. Он упал на стройке и ослеп, и уже помнится ей, как ходили они от аула к аулу, слепец и девочка. Раз он спросил: «Зачем там шумят?» Она сказала: «Люди идут, первый палку несет, на палке красный платок». В дороге им не раз попадались добрые люди. Но что они могли дать девочке? Кусок чуречка. Сейчас навстречу им шло Доброе Время. Оно дало девочке судьбу.

...В своей Сувагиль Мина Назирова вернулась учительницей. Она везла столько книг, что фанерный чемодан не выдержал, отскочила крышка. Эту черную крышку она повесила перед школой и вывела мелом, как на классной доске: «Охумаг, охумаг вз енедэ охумаг. Ленин». Ленин сказал для всех: «Учиться...» Для русских, азербайджанцев, армян, якутов... И были то не просто слова.

В кабинете посланца Ленина секретаря ЦК Компартии Азербайджана Кирова идет разговор о книгах. Можно открыть институт, которых до революции тут просто не было. Можно подыскать здание, отобрав их у буржуев. Но где возьмешь книги на родном языке? Не так скоро наладишь их выпуск. Правда, есть один канал. В Стамбуле продается хорошая библиотека восточных книг. Но... требуется золото. Даже страшно назвать цифру. Нарком просвещения все-таки называет. «Но раз надо», — говорит Киров.

«Что, не залатав дыр, золото на книги? И для кого — инородцев?!» — всплеснул руками старый мир.

Но мы-то строили новый. Республике от вас, господа, досталось в наследство 62 азербайджанца с высшим образованием. Сейчас в Азербайджане только научных работников двадцать две тысячи, а институтов больше, чем средних школ до Октября.

Недолго пришлось быть учительницей Мине-баджи в том Сувагиле, которого уже нет. Война сделала ее председателем колхоза. Когда она приезжала в Москву принимать самые важные законы, ей говорили в гостинице: «Из Азербай-

джана? Тепло там у вас». Правильно. Только она еще из Сувагиля. А здесь семь месяцев гуляет зима. Высоко забрались сувагильцы в горы. Что загнало их туда от тепла долин? Страх. Внизу шли драки. Так был устроен тот мир, где один что-то вечно отнимал у другого. Это считалось неизбежным, раз народам даны разные языки. Веками история работала на разъединение людей... Не мыслилось, что народы могут однажды объединиться потому, что им по пути, а вместе идти и веселее, и безопаснее, и при усталости одного часть ноши его возьмет сосед. И когда на виду у всех такое объединение возникло, трещотки старого мира поторопились объявить: «Не верим!»

Не верили, что русская докторица оставит свою Кострому и будет искоренять малярию под азиатским солнцем, что армянский генерал будет командовать фронтом, освободившим Прибалтику, что украинский хлебороб будет поднимать целину Казахстана, что грузинские студенты станут гордиться рабочей спецовкой с нашивкой «БАМ»...

«Не верим!» Иначе как тогда оправдаешь, что негру можно платить меньше белого и на дымящихся улицах Бейрута вырезать палестинцев «для упорядочения соседских отношений»?!

Они и сегодня ищут червивые яблоки в саду нашей дружбы.

Лучше бы взглянули на то, что лежит на морщинистой ладони Мины-баджи. Яблоко как яблоко. Только разрезано на дольки. Чабан Шариф Ахмедов определяет по ним: нынче у председателя большой объезд. Всех чабанов наделит она яблоком. Без слов. Но они поймут, и каждый улыбнется. Ведь не верили они, что будут у Сувагиля свои яблоки.

Конечно, на горе никогда не вырастут, сказала она. Но партия дала ей поручение: переселить сувагильцев с гор в долину. Или они все еще боятся нападений? Смешной вопрос. Кто их теперь обидит? Но ведь свободной земли внизу нет.

Она привезла их к заболоченному лесу. Вот будет их земля. Место осушат, раскорчуют. Кто? Государство.

Почему же хмурятся старейшины? Или они хотят, чтобы и внуки сувагильцев сидели при керосиновой лампе, тащили на спине в гору бревно, чтобы развести очаг и согреться, и яблоки видели на картинках? Государство так не хочет. Партия так не хочет.

— Сколько надо за это платить? — спросил самый белый старик.

Уважала аксакалов Мина-баджи. А тут не выдержала, рассердилась:

— Что говоришь! В какой стране живем — знаешь?

В этой стране колосья достают до звезд. Незакатной, пятиконечной. Одна она на всех. На нашем гербе. А в колосья каждая республика вплела свою ленту. Написано на лентах на разных языках. Но одно — «...соединитесь!».

Что дает это соединение, говорит история. Говорит уже шестьдесят лет. И к голосу этому с надеждой прислушиваются на всех материках.

Прогрессивные силы всех стран, соединитесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ДЕКАБРЬ 1982
МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Читайте в этом номере:

- СЕМЬ СТРАНИЦ ИЗ ПОВЕСТИ О ДРУЖБЕ
- ЧУДО XX ВЕКА
- СЕКРЕТЫ БРИГАДИРА
- ПОРТРЕТ АКТРИСЫ: НАТАЛЬЯ ГУНДАРЕВА
- ВСЕ КНИГИ МИРА

НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО XX ВЕКА

МАЙК ДЭВИДУ,
московский корреспондент
американской газеты
«Дейли уорлд»

Незадолго до того, как нынешний экономический кризис потряс капиталистический мир, пресса большого бизнеса США с восторгом писала о «германском чуде», «японском чуде». Однако эта же пресса упорно замалчивала и продолжает замалчивать величайшее чудо XX века — шесть десятилетий братства и дружества людей более ста национальностей в Союзе Советских Социалистических Республик. Она упорно скрывает беспримерные достижения, которые превратили страну, известную в прошлом как тюрьма народов, в социалистическую семью равноправных и высокоразвитых республик.

Более того, злобная капиталистическая пресса полностью извращает роль, которую сыграл русский народ в создании этого чуда. Все подается в искаженном виде. Игнорируется даже название государства. Редко в наших газетах, журналах пишут «Союз Советских Социалистических Республик», только — «Россия». Другие народы представляются читателям страдающими от «русификации и национального угнетения». Но никто, в том числе ни один из 26 корреспондентов прессы большого бизнеса США, аккредитованных в Москве, не может привести ни одного факта, подтверждающего эту наглую клевету.

В то же время в Америке тридцать миллионов черных американцев вынуждены вести неравную борьбу за свои права. В этой борьбе погибли многие выдающиеся борцы. Был предательски убит доктор Мартин Лютер Кинг, лидер освободительного движения американских негров 60-х годов. В 1965 году во время восстания в Гарлемском гетто я стал очевидцем гнева угнетенных черных американцев. Они требовали всего лишь права жить как люди. Гарлем и другие негритянские гетто в десятках городов США усмирили с помощью полиции, которая фактически была оккупационной армией, состоящей в основном из белых.

Ежедневно негры, индейцы, пуэрториканцы, мексиканцы подвергаются расовой дискриминации. Им постоянно дают почувствовать, что они «гражданин второго сорта», увольняют их в первую очередь, а берут на работу — в последнюю. Наступление Рейгана на социальные завоевания, которых добились трудящиеся в результате тяжелой длительной борьбы, прежде всего направлено против этих меньшинств.

А что мы видим в Советском Союзе? Бескорыстная поддержка русского народа помогла поднять промышленность, сельское хозяйство, науку и культуру ранее угнетенных народов до одинаково высокого современного уровня. Я наблюдал это, когда в первый раз в качестве корреспондента 6 лет жил в Советском Союзе, и вижу это сейчас, представляя свою газету в вашей стране второй раз. Меня убеждали в этом цифры и факты, живые впечатления от посещений каждой из 15 республик, где я побывал.

Пожалуй, одно из самых наглядных достижений Великой Октябрьской социалистической революции и братского сотрудничества наций в СССР — положение женщин. Особенно ярко это заметно в республиках Средней Азии. Десять лет назад мы, моя жена Гейл и я, встретились в Туркмении с Биби Пальвановой, бывшей в то время министром народного образования. По старым обычаям ее почти девочкой продали будущему мужу, человеку значительно старше ее. И разделила бы она участь своих бабушек и прабабушек, если бы не Советская власть. Она предоставила Биби возможность учиться, получить высшее образование. Именно благодаря ему, благодаря тем правам, которые дала женщине Советская Конституция, Биби смогла подняться до поста министра. Она историк, профессор, действительный член Академии наук Туркменской ССР.

А вот судьба другой туркменки. В селении Багир, недалеко от пустыни Каракумы, нас приветствовала председатель исполнительного комитета Багирского Совета народных депутатов Огульгозел Таганова, красивая женщина в яркой национальной одежде. Много лет односельчане выбирали ее на этот пост.

Судьба Тагановой — красноречивое свидетельство изменений, происшедших в жизни Советской Туркмении. Она окончила школу и стала первой женщиной-трактористкой в Ашхабадской области. Обнаружилось, что Огульгозел обладает исключительным голосом. Сельский учитель музыки подготовил ее, и она была принята в Московскую консерваторию. Тем не менее девушку тянуло в родное селение. Когда она узнала, что мать заболела, невзирая на уговоры ректора консерватории, она вернулась домой. Вскоре односельчане избрали ее своим депутатом в Совет.

Туркменские, таджикские, узбекские и казахские женщины рассказывали нам, журналистам, как русские сестры помогали им во всем, учили пользоваться правами, предоставленными им Советской властью. Сами нередко расплачивались за это жизнью.

Для меня, в прошлом американского рабочего, одним из наиболее впечатляющих достижений социализма стали преобразования, которые позволили человеку свободно трудиться. Сейчас это воспринимается советскими людьми как должное, особенно молодежью, не знающей иного образа жизни, чем социалистический. Но я, как человек, постоянно живущий в двух мирах: в вашем и в капиталистическом, — особенно остро ощущаю разницу между трудом у вас и трудом у нас.

На днях я вернулся из Киргизии, куда ездил вместе с журналистами из 40 стран, в том числе представляющими многие молодые государства Африки, Азии и Латинской Америки. На лицах моих коллег можно было прочесть удивление, восхищение увиденным. Ведь здесь, в Киргизии, осуществлены те мечты о светлом будущем, за которое сегодня борются их народы.

Во Фрунзе меня особенно поразила швейная фабрика «40 лет Октября», потому что я хорошо знаком с «изнанкой» американских фабрик одежды: много лет назад я сам работал на таком нью-йоркском потогонном — другого слова не подберешь — предприятии. Об этом я написал пьесу «Долгая жизнь». В ней показано, как рабочие фабрики одежды мечтают найти радость в своем труде, гордиться им. И хотя за эту пьесу мне присудили первую премию в общенациональном конкурсе 1964 года, она так и не была поставлена ни в одном театре, так как автор ее — коммунист.

Моя мама долгие годы надрывалась на изнурительной работе на швейных фабриках. Большинство рабочих там, как и в Советском Союзе, — женщины. Но на этом сходство и кончается.

Что поразило меня на фрунзенской фабрике? Само здание — просторное, чистое, светлое, с хорошей вентиляцией — прекрасное место для работы. Девяносто процентов работающих здесь — женщины. Они трудятся в четком ритме на новейшем оборудовании, выпускают нарядные, удобные пальто, куртки и другую одежду для детей и подростков. Свыше миллиона изделий в год. И продается у вас детская одежда по очень низким ценам — государство субсидирует стоимость товаров для детей, вашего единственного «привилегированного класса».

Но больше всего меня поразило не само здание, не прекрасное оборудование, а отношение рабочих к производству, друг к другу, к своей администрации. Сама атмосфера работы. Я увидел рабочую власть в действии. Проявление чувства, которое выражается понятием «Мы — хозяйка нашего предприятия». Я увидел результат революции — преобразование всей жизни, необходимость которого так хорошо понимал великий Ленин. Отражением этих преобразований мне представляется, в частности, личность директора фабрики Шеркуловой и ее коллег — женщин из фабричной администрации.

Шеркулова не только прекрасно, как свои пять пальцев, знает сложную технологию производства, но и проявляет большую заботу о рабочих, профессиональном росте молодых работниц.

Журналист из африканской страны спросил Шеркулову: «Разве вам не приходится сталкиваться с серьезными трудностями в связи с тем, что большинство ваших рабочих — женщины?» Я понял, что он имел в виду. На американских фабриках одежды хозяин очень просто «решает» проблемы, стоящие перед женщинами, особенно перед матерями. Если работница больше одного раза не появляется в цехе из-за болезни ребенка (а это, как известно, часто бывает с детьми), ее не держат на фабрике. Боясь увольнения, женщины вынуждены оставлять дома детей одних, в лучшем случае просить соседку время от времени забегать к ним. Склоняясь над швейными машинками, они думают лишь об одном: «Как там ребенок?» Понять их можно: ведь они хорошо знают те опасности, которым подвергаются дети на улицах Нью-Йорка и всех наших больших городов, где царит преступность.

Женщины фрунзенской фабрики и других советских предприятий не знают этих забот. Ваши детские сады, школы, дворцы пионеров и пионерские лагеря избавили работающих женщин от страшной тревоги за детей, которая постоянно мучает их сестер в капиталистических странах.

Сегодня к постоянным заботам женщин-матерей прибавилась общая для всего человечества тревога: опасность ядерной войны. Она грозит миру со стороны ядерных маньяков, которые, к сожалению, я вынужден признать это, сосредоточились сегодня в моей стране. В прошлом варвары отбросили человечество на несколько веков назад. Сейчас, если их не остановить, они поставят точку в истории человечества. Соотношение сил в мире таково, что если сторонники мира объединят свои усилия в борьбе против грозящей опасности, можно удержать безумную гонку вооружений, предотвратить ядерную войну.

И снова ваша великая страна возглавляет борьбу за спасение человечества от нового кошмара, еще более ужасного, чем тот, который обрушила на него фашистская Германия, развязав вторую мировую войну. Небывалое движение за мир охватило нашу планету. В нем участвует и мой народ, чем я горжусь.

Летом в качестве журналиста я прошел в колоннах «Марша мира-82». Многое из увиденного не забудется. Особенно Пискаревское кладбище в Ленинграде и Хатынь под Минском, где участники Марша с сердцем почувствовали всю меру страданий советских людей в минувшую войну и их стремление к миру. В Смоленске пожилая советская женщина подошла к одной из участниц Марша — миловидной молодой норвежке и сказала: «До войны нас было семеро братьев и сестер — осталась я одна». Они обнялись и обе заплакали. И вдруг русская женщина увидела у меня в руках магнитофон. «А вы кто?» — спросила она. «Американский журналист», — ответил я. «Американский журналист?» — переспросила она с ударением на слове «американский». — Ваш президент Рейган — плохой человек, очень плохой. Он ведет мир к катастрофе». Я стал говорить о том, что сейчас миллионы людей в разных странах и в моей стране осуждают его политику подготовки к войне. «Мы не можем ждать, мы не можем ждать», — повторяла она. В ее словах прозвучали боль и тревога всех народов планеты.

Да, мы не можем ждать, мы не будем ждать! Мы не позволим безответственным политикам поставить под угрозу настоящее и будущее человечества.

У этой повести тысячи авторов. Каждый из рабочих трикотажных объединений — львовского «Луч» и ташкентского «Малики» — мог бы вписать в повесть свою страницу. Получилась бы огромная книга — потому что дружба этой уже десять лет. Мы публикуем лишь семь страниц.

повесть о

Месячник дружбы в честь Узбекистана на «Луче». Рядом с Галиной Павлык (в центре) вязальщицы с «Малики» Шаира Халмухамедова и Машкура Кадырова.

Страница 1.

**Машкура
всегда
рядом.**

На открытие ударного месячника в честь Узбекистана (он проводился в конце прошлого года), конечно же, приехали друзья-ташкентцы. В основязальном цехе состоялся многолюдный митинг. Гости с «Малики» огласили свой трудовой рапорт. Выступила тогда на митинге и молодая львовская вязальщица Галия Павлык:

— Четыре года я работаю в этом цехе и вижу, как здорово подхлестывает наших мастериц соревнование с узбекскими вязальщицами. Пользуясь присутствием здесь вязальщицы Машкуры Кадыровой, хочу вызвать ее на соревнование.

Они проработали вместе на машинах Гали Павлык всего одну смену. Но с тех пор, по словам самой Гали, ее рабочая биография словно на две эры разбилась: «до Машкуры» и «после Машкуры».

— До Машкуры я шла средне: выполняю план чуть за сто процентов и успокоюсь. По качеству тоже. Допуск вырезки (вырезка — куски полотна с дефектами) около трех метров в месяц. Я в эту норму уложусь — и не волнуюсь. Теперь так не могу. Машкура будто и не отходит от меня — стоит и смотрит, как работаю. Какой там покой! Не скажу, чтоб новенькое что-то придумала, а просто собралась, внимательней стала. Глаза сами за каждую ниточку цепляются. Вырезку свела до одного-двух метров в месяц. А последнее время и вовсе без нее обхожусь. Норму выработки довела до 110—112 процентов. Но Машкура меня все равно обгоняет — она шесть машин обслуживает, а я — четыре. Работать, конечно, интереснее стало. Сейчас ко мне даже практикантов водят — поучиться.

Страница 2.

**«Вы стали
для нас
родными».**

«Здравствуйте, Лиза! Спасибо за ваше дружеское теплое послание. Очень была удивлена, когда мне принесли вашу открытку: я перебрала всех родных и знакомых и никого не вспомнила, кто бы мог жить во Львове. Ну и не беда. Я очень буду рада с вами познакомиться и начать соревнование».

(Из письма ташкентской вязальщицы Тамары Молевой и львовской вязальщицы из Львова Елизавете Добролюбовой).

В конце 1972 года в ответ на свое предложение соревноваться вязальщицы «Луча» получили письменное согласие ташкентцев. К нему прилагался номер многотиражки, который рассказывал о двух передовых работниках «Малики»: о вязальщице Тамаре Молевой и сновальщице Екатерине Сергеевой. Это натол-

кнуло львовян на мысль, чтоб соревновались не только коллективы цехов, но и работники, непосредственно друг с другом. Первой на «Луче» вызвалась Елизавета Добролюбова.

...Еще до войны семья Лизы поселилась в Ташкенте. Здесь прошли ее детство и юность. В Лизином классе, кроме узбеков, учились русские, таджики, казахи, татары. Школа носила имя Чапаева и стояла на улице Горького. После войны вслед за братом Лиза уехала во Львов. Но, конечно, вспоминала о Ташкенте. И когда на собрании в цехе заговорили о соревновании с ташкентцами, решила первой написать Молевой, предложить соревноваться. Та согласилась. Два раза они встречались лично, а каждый месяц обменивались сводками о выполнении плана. Вслед за сводками шли письма, теплые, искренние. И сейчас, хоть Елизавета Александровна уже на пенсии, она по-прежнему вынимает из своего почтового ящика конверты с ташкентским штемпелем: «Здравствуйте, милые мои Елизавета Александровна и девочки! Совсем не было времени писать. Вы ведь знаете, что у нас реконструкция: новое здание построили, новые машины установили...» В одном из писем Молевой есть такие слова: «Вы стали для нас родными...»

Родные... Нелля Алпеева, заместитель председателя профкома «Малики», так вспоминает первый приезд делегации ташкентских трикотажников на «Луч» в 1973 году.

— Нас встретили, как родных. Когда мы шли по территории, работники выбежали из цехов, окружили нас, и со всех сторон мы слышали: «Вы наши лучшие друзья». Позже нам рассказали, что во время войны многие львовяне эвакуировались в Ташкент, жители которого делились с ними и кровом и хлебом. Так что у дружбы нашей давние корни.

Не одно предприятие из западных и центральных районов страны приняла в военные годы столица Узбекистана. Была среди них и Ростовская трикотажная фабрика. Ее объединили с небольшой ташкентской швейной. Так начиналась история «Малики».

Страница 3.

**Урок
впрок.**

Многие тогда считали этот ее шаг рискованным: Шаира всего четыре года работала вязальщицей, а вызвала на соревнование уже признанную мастерицу, кавалера ордена Ленина, украинку Нинель Ион. Было это около десяти лет назад, во время первого визита ташкентцев на «Луч».

— Шаира Халмухамедова тогда молоденькая была, худенькая такая — прямо девочка в сравнении со мной, — вспоминает Нинель Ивановна. — Но у себя в цехе уже в передовых ходила. Ловкая очень в работе. Я это сразу заметила, как Шаира за мои машины встала. Вопросами тогда засыпала: покажите то, да как вы делаете это... Понравилась она мне. Когда мы договор на соцсоревнование подписывали, я про себя-то подумала: ну, Нинель Ивановна, легкой победы не жди.

Ученицей Шаира оказалась очень способной. Ион научила молодую узбечку совмещать профессии вязальщицы и заправщицы. Это было кстати: вязальному цеху «Малики» не хватало рабочих рук. Скорость заправки гребней машины Шаира довела до 9 минут вместо нормативных 32. За смену на этом выигрывала почти полчаса. В вязальном цехе ташкентского объединения даже было создано 30 групп по изучению опыта Халмухамедовой. А Шаира не унималась: не снижая скорости заправки, перешла на обслуживание трех машин вместо двух по норме, опередив в этом свою львовскую наставницу. И вот Ион едет на «Малику» учиться у своей подруги работать на повышенном уплотнении. Движение многостаночниц, родившееся в вязальном цехе ташкентцев, перекинулось на львовский «Луч»: уже 213 вязальщиц объединения обслуживают здесь по 3—4 машины. Это позволяет каждой ежедневно выполнять норму на 140 процентов.

Сегодня Шаира Халмухамедова — одна из лучших вязальщиц своей республики. Когда и ее наградили орденом Ленина, среди первых, кто поздравил Шаиру, была Нинель Ион — наставница, соперница, подруга. Кстати, и первый тост на свадьбе Шаиры произнесла Нинель Ивановна. Такая честь — самому почетному гостю. Свое свадебное путешествие новобрачная чета совершила во Львов, где прямо в основязальном цехе молодых чествовали по всем традициям украинской свадьбы.

— Сейчас Шаира с малышом пока дома сидит, я на ее машинах работаю, молодежь обучаю. У нас ведь здесь реконструкция идет, новое оборудование осваиваем.

Эти слова Ион мы записали в Ташкенте. «У нас» — это на «Малике». Если и оговорилась Нинель Ивановна, то не случайно: четвертый месяц она и Нина Михайловна Держило работают на ташкентском объединении по просьбе «Малики», помогают молодым узбекским вязальщицам осваивать новые машины.

ДРУЖБЕ

От имени ташкентских трикотажников Нелля Алпеева преподносит работницам «Луча» узбекский каравай. Фото Б. ГОЛЬДАКА.

Страница 4. Память.

«Склоняясь перед светлой памятью героев, защитивших наш сегодняшний радостный и счастливый труд, мы рапортуем своему земляку Салимджану Ахуну о том, что социалистические обязательства за пять месяцев этого года коллектив выполнил досрочно».

(Из рапорта комсомольско-молодежной бригады вязального цеха ташкентского объединения «Малика». Июнь, 1979 г.)

Когда трикотажники «Малики» бывают во Львове, они приходят на Холм Славы, где похоронены узбек Салимджан Ахун и украинец Александр Марченко. Они погибли в боях за освобождение Львовщины. И вот уже восемь лет, как оба зачислены в почетные рабочие объединения: Александр Марченко несет свою бессменную трудовую вахту в вязальном цехе ташкентского объединения «Малика», норму за Салимджана Ахунова ежедневно выполняет «Луч»... Долгое время комсомольцы львовского объединения пытались отыскать кого-нибудь из родственников узбекского воина. И вот удача — недавно нашелся сын Ахунова. Он военный и, надо же, служит на Украине.

Страница 5. Футболка с орнаментом.

«Командировать помощника мастера Крауса Л. И. в город Ташкент на трикотажную фирму для организации школы передового опыта мастеров и оказания практической помощи в ремонте вязальных машин, наладке нового вязального оборудования. Основание: письмо с ташкентской трикотажной фирмы».

(Из приказа генерального директора львовской фирмы «Луч» Б. Г. Бойчука. 15 ноября, 1973 г.)

— Организовал тогда на «Малике» курсы повышения квалификации поммастеров, — рассказывает Леонид Иосифович Краус. — Около двух месяцев занимался с группой молодых ребят. Парни попались очень вьедливые. Я старался им объяснить главное: в наладке нет готовых рецептов на все случаи. Украинская школа трикотажников намного старше узбекской, поэтому есть чему поучиться, что передать. Вместе с ребятами мы отремонтировали две машины. Работали, на часы не глядя. Думаю, был от этого толк. Тогда же, на «Малике», мы внедрили рацпредложение, родившееся у нас на «Луче»: установили на кругловязальной машине упорное кольцо для игл. В двух словах это не разъяснишь, но суть приспособления в следующем: упорное кольцо поддерживает иглы в рабочем состоянии намного дольше, чем они смогли бы продержаться без него. Это повышает качество полотна.

Сколько командировочных удостоверений «для обмена опытом» было выписано за эти годы — из Львова в Ташкент, из Ташкента во Львов. Установили на «Малике» ширильно-сушильную машину. Добиться наивысшей производительности от новой для ташкентцев техники помогли работницы красильного цеха «Луча» Алла Петрик и Тамара Иванова. Внедрили на «Малике» метод бригадного подряда — он заинтересовал львовян. Сегодня на «Луче» так трудятся уже 53 коллектива.

Был период, когда главный инженер «Малики» Вахаб Каримов то и дело подначивал львовян: «Пора, пора вам фильмопечатную машину заводить! Мы вот на свою нарадоваться не можем: какие рисунки можно на ней печатать!» Когда же «Луч» приобрел машину, Вахабу Каримову и старшему контролеру Фариде Мухтаровой срочно выписали командировку во Львов для передачи опыта. Помощь ташкентцев намного сократила сроки освоения новой машины во Львове. Применение нового оборудования позволило львовянам выпускать полотно с самыми различными многоцветными рисунками. Какой простор для фантазии получили художники по набивке! При создании рисунков они все чаще стали обращаться к традициям национального орнамента. И недавно уже с «Малики» приезжала за опытом художница Валентина Гольцова: изучала украинское народное искусство, ходила по городу, работала в этнографическом музее... И может быть, вскоре на улицах узбекской столицы замелькают футболки ташкентского производства с элементами украинского орнамента.

Говоря словами Нелли Алпеевой, ее родной «Малики», несомненно, очень повезло на друзей. «Луч» первый среди предприятий отрасли внедрил у себя комплексную систему управления качеством продукции. Элементы этой системы постепенно перекочевывают в практику ташкентских трикотажников. И если десять лет назад «Малика» планировала выпуск лишь одного изделия с государственным Знаком качества, сегодня 20 процентов изделий ташкентских трикотажников отмечены почетным пятиугольником.

2. «Работница» № 12.

Страница 6. «Яшасин дустлик!»

Эти слова в переводе с узбекского означают «Да здравствует дружба!». Они выписаны на каравае узбекских гостей, который держит в руках заместитель председателя профкома «Малики» Нелля Петровна Алпеева. С этим даром приехали она и ее товарищи на «Луч» в очередной раз подводить итоги соревнования двух предприятий. Такие ежегодные взаимопроверочные комиссии стали доброй традицией дружбы трикотажников. И кто бы ни вышел победителем, обиженных не бывает.

«Подведены итоги трудового соперничества за первый и второй кварталы 1981 года между коллективами вязальных цехов львовского производственного трикотажного объединения «Луч» и нашего объединения «Малика». Победителем вышел коллектив вязального цеха «Малики». Однако эта победа далась нелегко. А ведь у нас еще есть немало резервов повышения эффективности и качества работы... В индивидуальном соревновании впереди также наши работницы: вязальщица Шаира Халмухамедова и сновальщица Лариса Гусева», — сообщила многотиражная газета ташкентских трикотажников «Красное знамя». Вместе с этим номером газеты во Львов ушли и такие строки:

«Не печальтесь, милые львовяне,
Что осталось место не за вами,
Верим мы, что в следующий раз
Будет первенство уже у вас!»

Автор этих строк Нелля Петровна Алпеева как, в воду глядела: по итогам третьего квартала этого же года победителем было признано трикотажное объединение «Луч».

Страница 7. Украинский пейзаж Иркина Ходжаева.

«В стародавние времена правил городом Кокандом шах. У него была любимая редкостная пиала. Хоть бы кто и тысячу раз всю землю обошел, другую такую пиалу не смог бы найти...» — воспитательница перелистнула страницу толстой, зачитанной не одним поколением детсадовцев книги с узбекскими народными сказками.

— А такие, как у нас, ведь тоже не найти? — Саша скопил свои умные глазки на полку с пестрыми пиалами.

Все призадумались. А ведь и вправду не найти! Пиалы-то особенные — их сделали из папье-маше дети ташкентского садика № 110. Из пиалок никто не пьет, но все любят ими. Большое узорчатое блюдо, куклы в узбекских одеждах, коврик, настоящие коробочки с хлопком, книги, рисунки — это все подарки от узбекских ребят. Бывает, перед праздниками приходят из Ташкента на львовский детский сад № 84 и вкусные посылки: гранаты или восточные сладости. Есть среди даров один особенно удивительный — аппликация из цветной бумаги: белая украинская хатка в зеленой степи, желтый подсолнух, голубое небо. Ну кто бы мог подумать, что автор пейзажа шестилетний Иркин Ходжаев ни разу не был на Украине...

А что знают львовские ребята об Узбекистане?
— Дети, — воспитательница окидывает веселым взглядом свою глазастую ораву, — а какая там погода?

— Жаркая. Там солнце очень большое.
— А что растет в Узбекистане?
— Больше всего хлопок. Из него делают нитки, — выпаливает Заряна.
— А из них — платья и рубашки, — дополняет Саша.
— Тутовое дерево еще растет. На нем гусеницы живут, которые тоже нитки делают, — говорит Юля.

Еще ребята знают, что во всех узбекских узорах «главный цветок — хлопок». Что когда в Ташкенте было землетрясение, «все люди ездили туда строить новые дома», что...

И в том, что они обо всем знают, нет ничего удивительного: ведь во львовский садик ходят дети рабочих «Луча», а в ташкентский — рабочих «Малики». И, следуя примеру пап и мам, они тоже крепко дружат.

Эти страницы подготовлены Л. РАХЛИНОЙ, сотрудником многотиражной газеты объединения «Луч», и Е. ЛОБОДОЙ, нашим спецкором.

Делегацию советских и американских матерей принимали в городском совете Лондона. После встречи — фотография на память.

„Учусть писать слово „мир“ по-русски“

В мае нынешнего года делегации советских и американских матерей по приглашению английской организации «Матери за мир» в течение десяти дней гостили в Англии. Разделившись на три группы, женщины отправились в разные концы страны. Группа, в которую входили Герой Социалистического Труда, заместитель директора учебного комбината Калининского ордена Ленина хлопчатобумажного комбината Любовь Парфенова, доктор педагогических наук Зоя Малькова и три американки — общественная деятельница, писательница и издатель, основатель и руководитель организации «Женщины за прекращение войны в мире» Билли Райт, ученая-лингвист и руководитель квакерской общины Джорджия Фуллер и педагог Кэти Райт, побывала в Шотландии, на севере Англии. Жили они в семьях англичан и имели широкие возможности для знакомства и общения. Состоялись десятки встреч, бесед, митингов с представителями английской общественности. Главной темой разговоров, дискуссий была тема борьбы за мир.

Матерей из СССР и США сдружила совместная поездка и общая работа, общая цель. И теперь в Калинин в адрес Любови Парфеновой приходят письма из Англии и США. Одно из них — из Аризоны от Билли Райт. К письму приложен отчет о поездке, с которым она выступает у себя на родине.

Любовь Парфенова тоже вела подробные записи о поездке в Англию, они помогают ей рассказывать своим товарищам о важной миссии матерей. Билли Райт и Любовь Парфенова были в одной группе, поэтому в своих записках они рассказывают об одних и тех же событиях. Рассказывают каждая по-своему, что позволяет шире судить, как полезна и многогранна была та работа, которую проделали английские, американские и советские матери для укрепления единства женщин в борьбе за сохранение мира на планете.

Л. ПАРФЕНОВА решила познакомить читателей «Работницы» со своими записками и записками БИЛЛИ РАЙТ. Печатаются они с сокращениями.

Л. Парфенова. Сегодня в Комитете советских женщин собрались все члены делегации советских матерей, которые отправляются в Англию. Возглавляет делегацию профессор Зоя Алексеевна Малькова. Другие мои товарищи по поездке — Фазу Алиева, поэтесса, редактор журнала «Женщина Дагестана», Тамара Хапалиук, ответственный секретарь президиума Белорусского комитета защиты мира, Оксана Брандес, преподаватель Киевского педагогического института иностранных языков, Мария Христофорова, референт Комитета советских женщин. Профессии у нас разные, но все мы матери, у всех у нас есть дети, и мы хотим мира. Именно об этом будем говорить с пригласившими нас английскими матерями.

Б. Райт. 27 апреля в Лондоне, когда члены нашей делегации наконец-то собрались вместе и познакомились, мы выбрали маршруты,

представлявшие наибольший интерес для каждой из нас... Мы получили небольшой голубой нагрудный знак, который должен был служить нашим удостоверением для тех, кто будет нас встречать. Однако эти значки повсеместно были также удобным поводом для встреч и разговоров с незнакомыми людьми, которые заинтересовывались ими, и, таким образом, это давало нам возможность рассказать о цели нашей поездки и познакомиться с простыми британцами. Мы почувствовали, что они одобряли нашу миссию и были довольны тем, что мы приехали в их страну. Но не меньше, чем проблемы сохранения мира, их волновали постоянно растущая безработица, упадок бизнеса, инфляция и безразличное отношение правительства к трудностям, которые испытывают простые люди. Никто не хотел, чтобы английские «ребята гибли в таком далеком месте», как Фолклендские острова. Мы быстро перезапустились между собой. Тот факт, что все мы матери и приехали сюда работать во имя благополучия всех детей в мире, как мне кажется, сразу создал чувство единения...

Л. Парфенова. В поездке, который вез нас в Эдинбург, мы показали друг другу фотографии своих детей и как бы познакомились семьями. У Кэти Райт, учительницы, их пятеро, двое своих и трое приемных. Самая старшая среди нас — Билли Райт, у нее тоже пять детей и есть внуки. Мы все в знак уважения стали Билли звать «мамой».

Джорджия — очень живая и общительная. Достала разговорник и пыталась со мной говорить по-русски. Сказала: «Все путешествие с вами буду учить русский язык». Стала записывать русские слова в блокнот. Сказала, что сначала запишет самые главные: «мир», «хлеб», «мама», «дочка», «мальчик», «дружба». «Я хочу мира», «Мы хотим мира». Действительно, эта первая страница ее блокнота — ключ ко всему нашему совместному путешествию и работе...

Б. Райт. Наше первое публичное собрание состоялось в Доме дружбы в центре Эдинбурга. Зал был битком набит. Для начала каждая из нас рассказала немного о себе, о целях, которыми руководствовалась, отправляясь в эту поездку, о развитии движения за мир и связанных с этим проблемах в ее стране... Вечер завершился большим чаепитием. Когда стали расходиться, я по некоторым репликам поняла, что все прошло не так хорошо, как мне казалось. Дело в том, что советским представительницам было задано в весьма агрессивной манере множество вопросов о действиях их правительства. Люба и Зоя старались как можно подробнее и убедительнее ответить. Но, расходясь после встречи, некоторые все-таки высказывались так, что советским матерям нельзя доверять. Когда я мысленно готовилась к этой поездке, я спрашивала себя: со сколькими случаями проявления антисоветизма или антиамериканизма нам придется столкнуться. Мне казалось, что мы должны найти способ

работать над тем, что волнует всех нас как матерей, независимо от наших политических систем и от разногласий, разделяющих наши правительства, в противном случае мы потерпим неудачу еще до того, как попытаемся что-либо сделать...

Л. Парфенова. Первая встреча в Доме дружбы в Эдинбурге. Народу много. Одна треть мужчин, остальные женщины. Мы представились: откуда, кем работаем. Потом вели беседы, каждый отдельно, я с помощью переводчика. Вопросов много. Особенно поразили такие: «Почему вы изобретаете новое оружие?», «Почему не разоружаетесь в одностороннем порядке?», «Почему ваша страна угрожает завоевать весь мир?» «Принимают ли у вас женщины участие в борьбе за мир?».

На следующий день на встрече в клубе квакеров опять вопросы такого же плана. Терпеливо отвечали, разъясняли, в доказательство приводили примеры, цифры. Мы рассказали о нашей стране, о прошлой войне, унесшей 20 миллионов жизней советских людей, о мирных инициативах нашего государства. Американки рассказали о своих группах борцов за мир, о том, какую работу они проводят за ядерное разоружение. Они признались нам, что только здесь услышали правду о нашей стране. Потому что в США пишут, что СССР хочет захватить весь земной шар. Они даже показали газету, где есть такой рисунок — карикатура: русский солдат, страшные его огромные руки с пальцами-когтями охватывают земной шар. «Наша пресса ежедневно пишет об угрозе, исходящей от СССР, потому так трудно верить всему, о чем вы рассказываете», — признались нам американки. На встрече с членами организации «Родители за выживание» одна выступающая даже назвала нас «русские агрессоры». Она же сказала, что не верит, будто бы могут найти общий язык люди двух идеологий — капиталистической и социалистической. Но американка Билли Райт ей ответила: «Мы второй день вместе с русскими и уже подружились. Все мы женщины-матери, дающие жизнь, и мы должны сделать все, чтобы сохранить эту жизнь. Мы успели немного познакомиться друг друга, и я думаю, что ни женщины СССР, ни женщины США и Великобритании не хотят войны».

Народу на ту встречу с членами организации «Родители за выживание» собралось много, многие пришли с детьми, целыми семьями. Вопрос за вопросом. Мне пришлось рассказать об Отечественной войне, которую я хорошо помню. Была тогда ребенком и видела, как в нашей деревне вешали партизан, расстреливали односельчан. На фронте погиб отец, нас семеро осталось на руках у матери. Перенесли и холод и болезни. Так разве мы можем допустить, чтобы и нашим детям пришлось пережить ужасы войны? Или нейтронная бомба оборвет их только начавшуюся жизнь? Допоздна не расходились люди. Они впервые услышали правду об СССР.

А ночью я долго не могла уснуть, все думала о собрании и о том, как разоблачить ту неправду, которую пишут здесь о нашей стране. Надо встретиться с возможно большим числом людей, раскрыть им глаза на то, что советские люди хотят жить в мире со всеми странами. И наше правительство делает все, чтобы предотвратить войну, жить в мире.

Б. Райт. Во время встречи с преподавателями и директором школы имени Рудольфа Штейнера состоялась одна из самых содержательных и много проясняющих бесед между директором этой школы и его советским коллегой Зоей Мальковой о проблеме воспитания детей в духе мира. В СССР, как объяснила Зоя, давно уже существует специальная методика воспитания школьников в духе мира: детям рассказывают о причинах возникновения войн, прививают уважение к истории и культуре разных народов. Поскольку деятели американской системы образования (да и почти все наши учителя) в настоящее время даже не задумываются над данной проблемой, нам необходимо сделать все, чтобы восполнить пробел, доказать, что создание специального учебного курса мира имеет не только самостоятельную ценность, но и послужит повышению сознательности американцев. Как нам рассказали, в Великобритании в результате огромных усилий был введен особый курс «Воспитание в духе мира», но он просуществовал недолго и был исключен из программ после того, как его перестали финансировать (это произошло вследствие определенного политического нажима)...

...В маленьком городке, который стоит на реке Твид (отсюда и произошло, как мы узнали, название известной ткани) для нас была организована экскурсия на шерстяную фабрику. Хотя нам всем было чрезвычайно любопытно увидеть процесс превращения шерсти в пряжу, а затем нитей в готовые красивые изделия, мы чувствовали, что эта экскурсия была устроена специально для Любы, которая работает ткачихой в Калинине. Люба очаровала работников фабрики, встав за ткацкий станок. Не говоря ни слова по-английски, она как-то умудрилась полноценно общаться с шотландскими коллегами...

Л. Парфенова. Мне, текстильщице, особенно было интересно побывать на камвольном производстве. Показали нам готовые ткани, а потом и технологический процесс. Комбинат небольшой, с законченным циклом. Работает всего 400 человек, из них 300 женщин. Меня, конечно, больше всего интересовал ткацкий цех. Станки «Зульцер» ткют костюмные ткани, фирменную шотландку. Запомнился такой эпизод: кто-то попросил для нас бобинку на память, сопровождающий отмотал 2 метра нити и дал мне, а бобина, сказал он, стоит 60 фунтов!

Экономят они везде. Это хорошо. Этому следует учиться. На станках работала ткачиха лет шестидесяти. Мы сразу друг друга поняли — я подошла и надвинула нитку. А она мне показала свой рабочий прием. И руки наши объяснились по-рабочему, без переводчика.

...За эти десять дней мы гостили в пяти семьях — и всюду нас принимали, что называется, от души. Англичане оказались общительными, простыми, дружелюбными людьми, по крайней мере те, у кого мы жили. Именно это пребывание в семьях дало нам возможность ближе познакомиться, как бы заглянуть в души англичан.

В Шотландии мы остановились в семье, где хозяйка дома — Лиза — учительница, а ее муж Джон — инженер-строитель. У них двое детей. Но Лиза сейчас не работает: не с кем оставлять ребенка. На обед Лиза приготовила какое-то национальное блюдо с мясом. За столом разговорились, и она сказала, что мясо едят раз в неделю и то немного, потому что это дорого. Зарплата у Джона 800 фунтов стерлингов. Из них 300 фунтов налог. И еще плата за аренду земли, на которой построен их дом. Паровое отопление в доме нет. Ванная комната нагревается от камина. Я налила теплой воды, вымылась, а сполоснуться было нечем. Не учла, что здесь дается ограниченное количество воды, а не то, что у нас — лей, сколько хочешь.

С Лизой мы подружились. Я подарила ей на память фартук и косынку с фирменной эмблемой нашего комбината. Подарки ей так понравились, что вечером, собираясь в клуб на встречу, она надела фартук поверх платья, повязала косынку «по-русски» — сзади узлом — и так поехала на собрание. И всем показывала с гордостью: «Это русские сувениры, в нашем доме — русские гости».

А какую память оставила в душе встреча с Пэт и Роландом, в семье которых мы остановились в Брэдфорде! Когда вошли в столовую, поразило: стол покрыт русской шерстяной шалью с цветами. Оказалось, они прошлым летом были в СССР — и это их любимый сувенир. Муж Пэт — пианист, у него множество русских пластинок. Он председатель секции антивоенной организации. Вечером сидели дома, пили чай, молоко с медом. Хозяйка вспоминала о поездке в нашу страну, о поразившем их русском гостеприимстве. «Мы знаем, что вы люди удивительные, с вами интересно, — говорили они. — И поэтому мы с радостью и без боязни не угодить пригласили вас к себе. Мы хотим, чтобы и наши дети своими глазами увидели русских, побыли с вами рядом и убедились, что в вашей стране мечта каждого — мир».

Помню, когда мы вернулись в дом после всех нас взволновавшего митинга, хозяин сел за рояль и долго играл. Потом завел пластинки, и мы танцевали вальс, современные танцы. И закончил: «Ну, зачем нам война, слезы? Разве нельзя вот так шутить, смеяться, радоваться тому, что мы люди Земли?»

Б. Райт. Один маленький эпизод многое мне объяснил, усилил мое понимание того, что является отражением глубинного различия между нами — различия, которое так трудно преодолеть именно вследствие его глубинности. Когда на какой-то день нашего совместного путешествия кто-то из нас захотел кофе и спросил у каждой из матерей, что она предпочитает пить: чай или кофе, — Зоя, работник умственного труда, выбрала чай. Но когда она перевела вопрос для Любы, представительницы рабочего класса, та пожалала плечами, улыбнулась и что-то ответила, разумеется, по-русски. После чего Зоя сказала с несомненной нотой гордости в голосе: «Люба будет пить то, что будут остальные. Люба у нас коллективистка». Лишь через некоторое время после того, как я услышала эти слова, я осознала, что Зоя сказала что-то очень важное. Как трудно нам, американцам, ярям индивидуалистам, признать ценность подобной черты...

Л. Парфенова. Запомнился вечер в Пиблсе. Было много споров. Затем быстро накрыли столы, как мне объяснили, на деньги тех, кто пришел сюда, по-нашему, в складчину. Стали петь песни. Спели и для нас. Затем заиграли «Калинку», я пошла в пляс. Англичане начали аплодировать. Я пригласила мужчину, он улыбнулся и вышел в круг. Потом он признался Кристине (она возглавляет здесь организацию «Матери за мир»), что плясал публично впервые в жизни. После пляски все оживились, подходили ко мне, благодарили, старались подарить что-то на память. Подошел мальчик лет 12—13, сын председателя, и сказал: «Я впервые встречаюсь с русскими. Я понял, что русские очень хорошие люди, и уверен, что они никогда не нападут на другие народы. Но в классе мне не поверят. Как их убедить в этом? Я рассказала ему о наших комсомольских, пионерских организациях. О том, как интересно они работают, о клубах интернациональной дружбы. Мальчик весь вечер не отходил от меня...

...В Брэдфорде на митинге после моего выступления ко мне подходили многие — женщины и мужчины, чтобы поговорить, познакомиться поближе. Ведь это тоже город текстильщиков, как и мой родной Калинин. Говорили о положении на их текстильных фабриках. Проблема вот в чем. Здесь живет много пакистанцев, целые кварталы. Доведенные до крайней нужды, они соглашаются работать за более низкую зарплату, тем самым увеличивается безработица среди коренного населения. Официальные данные утверждают, что в Англии 3,3 миллиона безработных. Вопрос «Где найти работу?», такой непривычный для нас, здесь возникает на каждом шагу.

В школе квакеров на встрече с нами собрались девочки 15—16 лет. Беседа сначала не получалась. Потом я задала им вопрос: «Как они

представляют советскую школу, своих сверстников?» Они ответили: «В вашей школе жесткая дисциплина, поэтому ваши дети хуже нас соображают, туповатые и неинициативные». Когда стала рассказывать им о пионерах, о кружках по интересам, о конкурсах, о походах — удивлялись и не очень-то верили. Твердили свое: «Мы знаем, что вы несчастны». Рассказала им о своей судьбе, о дочерях, о своих учениках. Привела им в пример их соотечественницу — переводчицу, прикрепленную к нам, которая, окончивая университет, не имеет гарантии, что получит работу. Та подтвердила это. Но тут же добавила: «Зато ваши студенты направляются на работу не по желанию и обязаны там работать всю жизнь по принуждению». Ну, и каша у них в голове, в их представлениях о нашей жизни!..

...Прощальная встреча в Шотландии проходила в Эдинбурге, в том самом клубе, где мы встретились в первый раз. Руководитель шотландской секции «Матери за мир» Кристина поблагодарила нас за визит, за работу, проведенную нами, и вручила прощальные сувениры — кружки и свечу. Я тоже на прощание приготовила сувенир — рушник, вытканый на нашем Калининском комбинате. Вручая его, я объяснила, что по русскому обычаю дорогих гостей встречают хлебом-солью и преподносят их на рушнике. «Пусть этот рушник вам всегда напоминает о том, что мы, русские, не хотим войны, и что мы рады видеть вас на своей земле гостями, встретим вас хлебом-солью». Когда мои слова перевели на английский, началось какое-то движение. Я даже не сразу поняла, в чем дело. Оказалось, Джорджия тут же достала из сумки дорожную солонку с американской солью, а кто-то из англичан побегал куда-то и вернулся с хлебом. Английский хлеб положили на наш рушник, а сверху поставили американскую соль. Вышло это хотя и стихийно, но очень здорово!

Б. Райт. Мы видели, что советские матери неподдельно, искренне одобряют курс своего правительства. Это было очевидно, когда они говорили о тех величайших горестях, которые принесла советским людям война, или с гордостью рассказывали нам о достижениях во время восстановления народного хозяйства в годы после второй мировой войны, рассказывали о личных вкладах и усилиях советских людей в борьбу за дело мира, знакомили нас со своими традициями, праздниками, музыкой, литературой, трудовыми достижениями; говорили о равноправии женщин, медицинском обслуживании и образовании, о любви к детям, заботе о них в СССР. Это не были слова пропаганды. В них ощущалась страстность личной убежденности — они сопровождалась легко узнаваемыми жестами и выражением гордости за свою страну, своих соотечественников, за себя самих. Несмотря на наше несогласие с действиями нашего американского правительства в военной ядерной области, мы так же, как и советские матери, с гордостью говорили о своей стране...

Л. Парфенова. Джорджия за время поездки освоила много русских слов. Когда меня представляли на одном митинге, она сказала по-русски: «Люба — Герой Труда», а потом перевела на английский и добавила: «Видите, в СССР золото дают за труд, а у нас, в США, — за бомбы». Она выучилась петь по-русски «Пусть всегда будет солнце» и учила Билли и Кэти петь эту песню по-английски. Когда она закончила свою речь на митинге в Брэдфордском университете, запела по-русски «Пусть всегда будет солнце». Мы ее поддержали. Затем стали петь эту песню на английском. И весь зал нам подпевал.

Б. Райт. В Лондоне нас привезли на пресс-конференцию в Палату общин, где мы присоединились к другим членам нашей делегации, вернувшимся в Лондон из других районов Англии. Принимал нас член парламента от лейбористской партии Джеймс Лэмон, один из тех многочисленных членов британского парламента, которые открыто выступают за ядерное разоружение. Лондонские средства массовой информации, к сожалению, очень плохо освещали работу нашей делегации.

В этот вечер участники разных групп обменивались впечатлениями о своих поездках. Хотя в деталях кое-что отличалось, мы все полагали, что миссия в целом оказалась успешной, что всех нас хорошо принимали, что многие люди искренне жаждут общения друг с другом, независимо от политических систем и всевозможных социальных перегородок. Мы пришли к выводу, что огромное число людей прекрасно понимают необходимость избавиться от привычки мыслить старыми категориями: о войне как средстве решения международных проблем. Мы также пришли к выводу, что матери (и отцы) могут и должны стать более мощной силой в борьбе за мир, так как мы заботимся при этом о детях нашей планеты, об их будущем...

...В Великобритании существует более 100 американских баз, баз английских военно-воздушных сил намного больше. Семь лагерей мира, шесть из которых расположены около американских баз, были основаны молодыми участницами женского движения в Великобритании. В последний день нашего пребывания в Англии вся наша делегация поехала в Гринхэм, где совсем рядом от главного входа на базу военно-воздушных сил США (в 40 км к югу от Лондона) развернут лагерь мира. 96 крылатых ракет были либо уже размещены, либо размещались на этой базе. 7—8 молодых женщин и их маленькие дети жили в лагере в автоприцепе или фургонах вот уже более 8 месяцев. Другие женщины сменяли их в случае необходимости или оставались на несколько дней погостить. Когда мы туда приехали, они ждали представителей суда, в связи с процессом, затеянным местными

властями. Их обвиняли в незаконном устройстве лагеря. От исхода судебного разбирательства зависело, будут или не будут они выселены оттуда. Если они проиграют дело, их могут выселить силой. Как сказала нам Элия (это ее псевдоним), уроженка Уэльса, лидер группы, решение суда не так для них важно, так как они все равно собираются «остаться жить в кустах, если будет необходимо».

...Сейчас я хочу сформулировать некоторые из моих личных наблюдений, выводов и ощущений. Я говорю здесь не от имени остальных делегатов, но только от своего собственного.

Когда Зоя и Любовь с гордостью и убежденностью говорили о стремлении СССР к миру, я слышала за всем этим правду, глубочайшую искренность, их собственную убежденность. Думать иначе — значит согласиться с утверждением, которое мы давно уже слышим о советских людях: что это они, а не мы сошли с ума, одержимы желанием властвовать и готовы разрушить весь мир.

Зоя с болью говорила о том, что в Америке представляют советских людей в ложном свете. И я должна была признаться самой себе, что, исключая время союза наших двух стран во время второй мировой войны и недолгого периода разрядки, нас систематически приучают относиться к советским людям как к служителям сатаны: агенты КГБ, де, прячутся у нас под кроватями, проникают на наши заводы и устраивают там диверсии и т.д. Таким образом, СССР начинает восприниматься как некий обобщенный образ зла. И создается удобная возможность забыть о том, что является злом у нас самих, о наших собственных неудачах и разочарованиях, о фальши нашей демократической системы, заключающейся, в частности, в том, что мы выбираем себе друзей по принципу наличия у них ресурсов, природных богатств и возможности продавать им военную технику...

Я начала все острее и острее ощущать, что существуют люди, которые получают большую выгоду, увековечивая представление о сверхдержавках как о двух врагах. Нас подводят к полному принятию мифа о том, что наше благонамеренное правительство участвует в распространении ядерного оружия только для того, чтобы защитить нас от нашего врага, Советского Союза, словно наше правительство чудотворственным образом достает эти средства «обороны» из некоего тайника в ящике письменного стола, находящегося в Белом доме. Но ведь мы, люди Америки, — все ярые сторонники свободной системы предпринимательства, в которой самым главным считается выгода, — и вот то, что более 50 процентов нашего национального бюджета уходит на подготовку ядерной катастрофы, по-видимому, очень выгодно для некоторых из нас...

Я полагаю, что наша миссия матерей — борцов за мир имела и реальное и символическое значение. Когда вот так, бок о бок гражданки СССР и США, мы участвовали в решении нашей общей огромной проблемы — проблемы будущего наших детей и сохранения нашей прекрасной планеты, которая является единственным и общим домом нашей семьи людей. Пытаясь способствовать решению этой проблемы и приблизить время запрещения ядерного оружия, мы преодолели все наши различия — различия в политических системах, в языке и культуре. Эти различия вдруг оказались не главными.

И когда я спрашиваю себя о значении нашей поездки, я вспоминаю, как в последний прощальный вечер Зоя и Любовь, мои «враги», как меня уверяют, уходя, обернувшись уже от двери, позвали меня: «Мама! Мама!» — эту маленькую и ласковую женскую шутку, символизирующую нашу решимость доверять друг другу; я вспоминаю миг перед тем, как они ушли за тот занавес, который теперь, после нашего совместного путешествия, уже кажется мне совсем не таким железным, каким пытаются представить его враги мира...

Л. Парфенова. Получила письмо из Англии, из Брэдфорда, от незнакомого мне человека. Он пишет: «Дорогой друг и товарищ! Встреча с вами и вашей коллегой Зоей Мальковой вчера в Лидсе на митинге «Матери за мир» была для меня большой радостью. Ваше выступление было хорошим — это были слова, сказанные от сердца...

Почему нам кажется таким удивительным то, что вы, советские люди, оказались на поверку совершенно нормальными людьми? Почему перед вашим приездом все ждали другого? Почему к нашим борцам за мир относятся как к «советским агентам»? Однако хватит говорить о здешней массовой пропаганде! Как вы видели, у нас очень красивая природа. В таком месте совсем неплохо жить!

Еще раз я хочу выразить то чувство радости, которое принесла мне встреча с вами, пожелать вам, вашей семье, друзьям и всем советским людям счастья, мира и хорошего настроения. Пусть всегда над вашими головами будет солнце и небо всегда будет голубым.

Я благодарю вас за вклад в дело мира во всем мире и полностью вас поддерживаю. Я бы хотел, чтобы мы навсегда остались друзьями.

С наилучшими пожеланиями, искренне ваш, Эрнест».

...Пришли фотографии из Америки и теплое письмо от Джорджии. В конверт с ее письмом было вложено послание ее квакерской общины, под которым стоит целых 46 подписей. В нем такие строки: «Сегодня Джорджия рассказала нам о вас и вашей совместной миссии мира. Мы убедились, что вместе вы сделали немало для сохранения безопасного мира. Мы хотим заверить вас, что мы и многие другие простые американцы так же, как и вы, хотим мира. Мы не хотим никакой войны ни с СССР, ни с какой-либо другой страной...».

А сама Джорджия написала очень тепло: «Учусь писать слово «мир» по-русски».

ЕСЛИ Б КАЖДЫЙ...

Они уже 15 лет вместе: эта маленькая, удивительно легкая и изящная женщина с тонким большеглазым лицом и цех-гигант, сборочный № 17 тольяттинского производственно-объединения «Трансформатор».

Когда в самый первый раз я шла за Александрой Ивановной Майоровой по цеху среди великанских «бочек» силовых трансформаторов — этой головоломки из магнитов и электрообмотки в собранном, полусобранном и разъятом виде, под катящимися над головой сто- и двухсоттонными мостовыми кранами, от движения которых сотрясались стены, контраст между хрупкостью женской фигурки и тяжело загруженным пространством был так велик, что невольно подумалось — одно может быть оправдание ее присутствия здесь: она душа этого огромного производства со всей его сталью, медью, железом и энергией электроттока. Если б я сказала ей, что подумала в те первые минуты знакомства, она бы посмеялась: «Скажите тоже! Душа... Нас тут сколько душ! В одной нашей бригаде — 30, а сколько мужчин, сборщиков!» И была б, конечно, права! И сама я знаю, что в любом производстве душа его — человек, и быть иначе не может, но мало ли что мы знаем! А все равно то первое ощущение от Александры Майоровой ударило меня, как открытие.

И пусть, читая эти строки, покачает она головой осуждающе, пусть улыбнутся вместе с ней подруги по работе. Теперь-то, когда я познакомилась с ними и с другими людьми на заводе, знаю: не обмануло меня то первое впечатление.

...Вижу их всех 15 человек первой смены (Майорова, как бригадир, всегда выходит в первую — когда можно решить все производственные вопросы, а вторую смену встречает на пересменке). Вижу, как сидят они, словно птицы на насесте, на высокой скамье с удобной подножкой, ожидая от сборщиков очередную машину — так называют здесь трансформаторы. Со стен смотрят на изолировщиц любимые киноартисты с обложек «Советского экрана». Смотрят, как бы изучая черты своих современниц...

А современники пока что беседуют. О разном. О том, что даже вот и их любимые артисты стареют. И о домашнем, конечно, говорят, о детях, о хозяйстве... И о политике — непременно: расскажут друг другу, кто что прочитал в газетах, услышал по радио или увидел по телевидению... И если бригадир с ними, не убежала, пользуясь паузой в работе, по своим многочисленным общественным делам, то растолкует и объяснит все, что непонятно. Бригадир у них человек осведомленный, начитанный, и обо всем новом, что узнает она на депутатской ли учебе или на пленумах обкома партии, — обязательно расскажет подругам.

Идут в бригадной беседе и разговоры, пока не заглянет к ним кто-нибудь из соседней — ребят-сборщиков. По давнишней молодой привычке зовут соседи друг друга «ребята» и «девчата», хоть многие уже и выросли из комсомольского возраста, а год назад расстались изолировщицы со своим дорогим званием комсомольско-молодежной бригады. Конечно, и сейчас у них звание гордое: бригада коммунистического труда, а все жалко комсомольского...

— Девчата! — позовет сосед. — Работа есть. И поднимается бригада, разбирает изоляционные материалы: шуршат пачки бумажных лент, медово-желтых, клейких на вид, лент лакоткани.

На взгляд со стороны работа у изолировщиц не сложная — закатать, запеленать бумажными лентами, а сверху лакотканью медные отводы электрообмотки трансформаторов. Быстро и легко, вроде без усилия, мелькают руки вокруг многожильных кабелей, выются концы бумажных лент, будто сами собой наматываются на отводы, ложась плотной спиралью. Точным движением руки работница уплотняет, подкручивает витки. Один слой витков, второй, третий... Работницы стоят локоть к локтю, а локти-то мелькают и как только не задевают друг друга, но приноравливаются. Смешивается дыхание склонившихся над отводами... Поистине — на одном дыхании трудятся.

Я, сколько ни приглядывалась, не могла уловить, чья пара рук живее и ловчей. Как взялись дружно, так и кончили все враз. Те, кто, как Валентина Алексеевна Чаплыгина, оказался чуть быстрее, помогали другим — подавали ленты обмотки. Девчата еще не раз вернутся к этой же самой машине. А наиболее ответственная и трудная работа у них после второго этапа сборки, когда изолируются места пайки отводов, уже соединенных сборщиками в электросхему трансформатора.

Гордость изолировщиц — надежность изоляции. Стоит представить себе, что получится, если на трансформаторе мощностью в 400 тысяч киловольт-ампер нарушится изоляция... Никакими силами потом не растащить свитые гигантской молнией кабеля электрообмотки. Но цех сборки, а значит, и весь завод 98,5 процента продукции сдает с первого предъявления.

Александра Ивановна рассказывала: разбирала как-то в цехе один пробитый трансформатор английской фирмы. Материал изоляционный — загляденье: синтетика какая-то. Нежная, эластичная и в то же время плотная и гладкая — ни ворсинки! Шура говорила с искренним восхищением, а закончила рассказ упреком английским коллегам: «Но сама обмотка много слабее нашей... И не сравнить. Если б нам такой материал...» Вздохнула она о наболевшем. Иной раз какие страдания выпа-

Александра Ивановна Майорова.
Фото Н. МАТОРИНА.

дают изолировщицам из-за этих материалов! Например, минувшей зимой. Сколько сил положила она как председатель цеховой группы народного контроля чтоб добиться замены негодной изоляции (хрупкая лакоткань) на другой материал! А шел брак. Обмотка лопалась, уже навитая на кабель. Ее меняли, она снова рвалась. А ответственные лица, которые были вправе скомандовать замену, не хотели брать на себя ответственность. Пришлось обратиться к секретарю парткома объединений — и он помог. Николай Иванович Ефремов свел друг с другом, «приободрил» ответственных лиц. И разрешили изолировщицам использовать хлопчатобумажную, киперную ленту. Но ведь пока добились, сколько времени потеряли, сколько зряшной работы сделали! Как это сбивает настроение... При напряженной работе изолировщиц, требующей внимания и терпения, настроение со счетов не сбросишь.

Кончив «мотать» свой отвод, бригадир поднялась, распрямляла спину: когда изолируют нижние отводы, изолировщицы склоняются, как жницы, до земли.

— Это что, — ответила она на мое замечание, — бывает, отводы выведены так, что «мотаем», лежа на полу.

— Почему же именно так их выводят? — спросила я.

— Мы и сами бы очень хотели знать, — нахмурилась Шура. — Вопросы возникают почти с каждой машиной. Иной раз все пальцы вывернешь — так неудобно расположены отводы. Конструкторы почему-то совсем не озабочены тем, каково нам — сборщикам, изолировщицам. А нам бы хотелось, — задумчиво продолжает она, — работать в контакте с инженерами из

нашего СКБ. Чтоб они приходили к нам, рассказывали об особенностях новых машин, которые поступают на сборку. И мы могли бы стать им полезны. Ведь нам, изолировщицам, как никому, заметны все тонкости в расположении отводов. Такое взаимное внимание могло бы всем пользу принести. И началось было это у нас, да быстро остыли товарищи из СКБ. Однако мы не собираемся оставлять их в покое. Думаю, в конце концов дружбу наладим. Да вот недавно приходит машина, в два раза более мощная, чем предыдущая. Значит, и работы с ней в два раза больше: плёк — в два раза, материалов — в два раза. А по расчетам СКБ стоимость нашей работы та же, что и за прежнюю... Спрашиваем: как так может быть? И слышим в ответ: «Я за свою машину отвечаю, а ты, менее мощную, другие рассчитывали».

Потом узнала я, что бригадир Майорова вместе с одним из технологов цеха, Е. И. Ериной, взялись сами подсчитать стоимость всех операций на этой машине. Взяли на себя чужую обязанность. А что делать? Неудобно перед своими. Перед рабочими она, бригадир, первая в ответе. За настроение в бригаде она отвечает так, как все они вместе за качество работы. А девиз их цеха: «Личный контроль — гарантия качества и эффективности труда».

Слушала я, и открывалась мне в Александре Ивановне одна черта, особенно драгоценная для командира производственного отряда: для нее органично и нерасторжимо слиты обычная общечеловеческая нравственность и то, что называется рабочей совестью. Когда она рассказывала, как совет их бригады до тонкости исследует вместе с технологом причины брака — все досконально, ни единой мелочи не пропуская, добавила как бы про себя: «Очень вредно, когда человека делают без вины виноватым. Нельзя этого допускать». А потом, называя адреса, по которым идут их трансформаторы — в 48 стран мира, на большинство самых знаменитых и крупных в нашей стране электростанций, предприятий, строек: Волжская ГЭС имени Ленина. «Атоммаш», ВАЗ и КамАЗ, БАМ, газопровод Уренгой — Помары — Ужгород, — негромко заметила: «Чувствуешь, что стоишь в цепочке...»

Вот обронит слово, даже и не договорив, а как бы приглашая собеседника вместе додумать, — и додумываешь. И открывается тебе просторность мыслей ее, основательность убеждений. И когда о качестве говорили, подытожила коротко: «Качество для нас — технологическое условие. Это понимает каждая из нас». Весомо сказала. О каждой, как о себе самой.

Ведь доверие и совесть — эти понятия связаны прямой зависимостью. Конечно, если доверие вырабатывалось в общем деле. Лучше всего видно это на истории самой бригады. До 1980 года на изолировке было четыре бригады, примерно по 10 человек. Так же в две смены

трудилась, но каждая на свой наряд. Теперь о том времени вспоминают, как о мучении: стоило кому-то заболеть, а еще кто-то в отпуске, а у кого-то ребенок болен, выходило на смену человек шесть-семь. А машины со сборки поступали так же, как и сейчас, — неровно: то пусто, то густо. Работа одной бригаде перепадала жаркая, другой — прохладная, соответственно и заработок.

Шура делилась своими бедами с мужем. Тогда он был бригадиром сварщиков на ВАЗе и удивлялся: если работа однородна, зачем дробить людей на мелкие бригады? У него, например, 60 человек на участке — одна бригада.

Начальство сборочного цеха тоже думало о вазовском опыте. Однако опасались: не было мира между бригадами изолировщиц, сама организация труда мешала дружбе. Но решились... Из четверых бригадиров выбрали Александру Ивановну Майорову, ей поручили организовать и возглавить новую, большую бригаду. Бывшая малая бригада Майоровой стала тем магнитным стержнем (если использовать «трансформаторный» образ), который соединил и умножил силы нового коллектива. Надеялись на нее и не ошиблись. После объединения в бригаде с первых же дней почувствовали: работать стало легче, ровнее. И зарплата стала образовываться ровнее. Справедливо. Известно, именно ради справедливости в начислении зарплаты работающим на один бригадный наряд вводится КТУ — коэффициент трудового участия. Чтоб лодыр, прогульщик, перекурщик не равнялся в зарплатке с человеком старательным, малоопытный с мастером.

А в бригаде Майоровой совет решил: «Будем работать без КТУ. По квалификации почти все у нас имеют высший разряд. Лодырей среди нас нет. Неужели не хватит сил воспитывать словом? Стыдно рублем наказывать».

Расчет оказался точным. И получилось у них — дружно и без обид. Между прочим, у соседей — в мужских бригадах сборщиков, которые по примеру женщин захотели работать так же, без КТУ, не вышло... Рассказывая об этом, женщины посмеивались весело... Имели право. Большая их бригада блестяще, делом, подтверждала свой почин: «Возросшую программу пятилетки — без дополнительных работников». Ведь в малых бригадах было более сорока человек, а сейчас — 30.

«Наша бригада — как одна семья», — выражение это в бригаде Майоровой неожиданно зазвучало, как говорится, близко к тексту. Когда мы знакомились, я и первая смена изолировщиц, женщины назвали Зинаиду Григорьевну Милованову и Надежду Васильевну Волкову бабушками.

— А как же! У них уже внуки, — говорят. И вдруг пошло:

— А мне она сестра, — проговорила Надя Бышова, кивнув на Надежду Васильевну...

— А сама она, — подхватил кто-то, показывая на Надю Бышову, — многодетная мать...

— Только дочки мои уж большие стали, отошли от меня, — вздохнула она.

И все почему-то засмеялись.

— Что же так? — спросила я, еще не чувствуя подвоха.

— Так ведь нынче как: вышли замуж, да и в сторону! — смиренно вздохнула Надя.

И опять хохот, а кто-то еще добавил: «У них уж свои дети!» Тут Надя Бышова не выдержала, сжалась надо мной и объяснила, что дочки ее — вот сидят: Света Бесчетвертнова, Нина Пудовкина и Зина Ганина. Была она их наставницей, когда только пришли они в бригаду, и вообще всячески их опекала. Вот и звала дочками, а они ее — мамой...

Потом уж я не удивлялась, когда Шура Майорова об одной из старых работниц, покинувших бригаду по состоянию здоровья, сказала: «Жалко-жалко, что ушла мать Антонина, Антонина наша Егоровна, Егорушкина». Мы все ее так звали: «Мать Антонина», все-то она знала, все умела. Учила нас и вязать, и стряпать, и газеты читать. И Анну Никифоровну Олейникову жалко. Она была бригадиром малой бригады, а потом в большой стала моим заместителем, опора моя... Как же я не люблю, когда люди уходят из бригады!»

Александра Ивановна борется до последнего шанса с теми и за тех, кто задумывает покинуть бригаду. Так, одна молодая и прекрасная работница вдруг однажды опоздала, потом вообще не стала ходить на работу, а бригадир признался, что ей стыдно за опоздание и она уйдет. Еле-еле ее уговорили. По-прежнему хорошо работает. Одна из тех, кому доверено личное клеймо качества.

Дочки и матери, сестры и бабушки... Сильно материнское начало в бригаде. Царит в ней дух всеобщей взаимной заботы и ответственности. Нынче у Зины Ганиной дочка пошла в первый класс. И бригада решает: пусть Зина работает в первую смену, пусть как следует направляет в учении свою первоклассницу. У Светы Бесчетвертновой сынишка заболел, ждет врача, не может выйти в свою смену. Так в другую пойдет. «Нет проблем», — как любит говорить Шура Майорова. Нет проблем ни у Шуры, ни у ее девчат, и когда бригадир отлучается. Даже если надолго. Очень беспокоилась, когда уезжала на съезд партии. Но вот пришла телеграмма: «Делегату XXVI съезда КПСС Майоровой Александре Ивановне. Твоя бригада выполнила производственное задание на 167 процентов. Поздравляем тебя с награждением Алой лентой передовика производства по итогам 1980 года. Желаем дальнейших успехов в работе. Коллектив цеха».

«Прочитала, и сердце к ним туда так и рванулось, к девчатам своим», — делилась со мной Александра Ивановна. Единомышленники... Валя Бирюкова, Валя Чаплыгина, Нина

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

«ВОКРУГ ШВЕЙНОЙ МАШИНЫ»

Во втором номере «Работницы» была опубликована статья о качестве швейной машины «Подольск-142» и неудовлетворенном покупательском спросе на нее.

Вопрос о дополнительных мерах для увеличения выпуска бытовых швейных машин — стал предметом детального обсуждения на заседании коллеги Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов, — сообщил редакция главный инженер ВПО «Союзлегмаш» С. Ф. Мякота. — Был рассмотрен комплекс мероприятий по техническому перевооружению объедине-

ния «Подольскшвеймаш», по капитальному строительству, совершенствованию технологии, повышению уровня конструктивных разработок. Принятые на коллегии решения позволят к 1988 году полностью удовлетворить потребность населения в бытовых швейных машинах, доведя их выпуск до 2 млн. штук в год».

Генеральный директор производственного объединения «Подольскшвеймаш» В. В. Любодеев и главный инженер Э. М. Зелинский в своем ответе пишут, что на Подольском механическом заводе имени М. И. Калинина для улучшения качества машин разрабатываются механизированные методы контроля; в цехе, где собираются машины класса 142, установлены стенды для проверки легкости их хода, приборы для улучшения регулировки.

Завод ведет работу по обновлению конструкции машины класса 142. Создан опытный образец машины с повышенной надежностью

под фирменным названием «Чайка-5». Выпуск «Чайки-5» намечен на 1985 год.

Учены критические замечания по поводу инструкции — руководства к машине «Подольск-142», внесенные в нее изменения помогут владельцам избежать некоторых ошибок при эксплуатации машины.

В статье «Вокруг швейной машины» отмечалось также, что слишком медленно ведется на заводе строительство нового производственного корпуса. Строители же настроены оптимистично: «План 8 месяцев 1982 года выполнен на 112 процентов», — сообщил редакция заместитель начальника Главмосбострой Ю. Н. Савин. Однако редакция разделяет тревогу руководителей объединения «Подольскшвеймаш»: за прошлый год и 9 месяцев 1982 года из 6,4 миллиона рублей, ассигнованных на строительство корпуса, освоено лишь 498 тысяч. Срок сдачи корпуса — 1984 год. Как собираются строители справиться с заданием?

НЕТ ПРАВ БЕЗ ОБЯЗАННОСТЕЙ

С. АКПЕРОВА,
мастер швейной фабрики
имени Володарского

Открытое партийное собрание в цехе было бурным. Говорили о наблевшем — о производственной дисциплине, качестве, о взаимоотношениях в коллективе.

Выступила и я. Вопрос мой был обращен к технологам: «Когда же наконец бригада будет обеспечена колодками?» Колодки — это такие специальные приспособления для отутюживания рукава. Мы шьем мужские плащи. И каждому, наверное, понятно: если рукав у плаща плохо шит, не отглажен, то и все изделие выглядит небрежным, плохо сидит на фигуре. А плохое изделие кому же нужно — оно будет висеть в магазине, пока не уенят. Так вот, с этими колодками билась я не один день. Нет их, заявляли технологи и ссылались на отсутствие деревянных заготовок. Задала я свой вопрос вслух, прилюдно. И что вы думаете? Не прошло двух дней, как все нашлось — и дерево и колодки.

Почему привела я этот пример, начиная разговор? То, что кажется порой мелочью, пустяком, если посмотреть шире, — дело государственное. И зависит от нас с вами, от того, насколько добросовестно выполняем мы свои гражданские обязанности. Хорошая есть народная мудрость: получая — отдавай. Все мы, советские люди, не хлебники у своего общества, государства. Мы его хозяева, создатели того, что составляет наше общее богатство. И каждый должен отдать обществу, народу все, на что способен, чем богат сам.

Сейчас мы стоим на пороге знаменательной даты — 60-летия образования СССР. Объединение республик в один братский союз, я так понимаю, — самое главное событие после Великого Октября. А если говорить о нас, женщинах Востока, то трудно переоценить значение этого события. Превращение рабыни стала полноправной гражданкой социалистического общества, обрела достоинство и гордость.

В нашей Конституции — самой демократической в мире — права граждан стоят на первом месте. И мы привыкли к этому, как привыкают к голосу матери, к солнцу, встающему каждое утро, к синему небу над головой. Попробуй кто-нибудь сегодня отнять у советского народа им завоеванное: уверенность в завтрашнем дне, возможность всегда иметь работу, социальное равенство, право на обеспеченную старость, на положенный отпуск, право бесплатно учиться, возможность читать книги, ходить в

Журавлева, Тамара Малашина — надежный и строгий совет бригады. Старые подруги... Да и все-все. Наташа Максимова, Рита Мишанова, Надя Бышова — мастерицы, искусницы. Оля Алехина и Люба Донецкова — совесть бригады, воительницы, не терпящие ни халтуры, ни неправды в любой малости. Работает бригада, сил своих не экономя. И если бы так каждый: в полную меру сил и ответственности. Съезд укреплял давно выношенные мысли: если б каждый...

...Мы засиделись за полночь в еще не вполне, по мнению хозяйки, обжитой квартире. А по мне — так прекрасно и в стиле самой Шуры: много пространства, мало вещей. Всего год, как получили Майоровы отдельную квартиру, 12-летняя Иришка выросла в «коммуналке». Но это — к слову. Говорили-то мы все о том же — о заботах цеховых, о личном и общественном. О рабочем самочувствии.

Шура давно смотрит на работу, на обязанности, на все окружающее глазами своей бригады. А депутатская деятельность, работа на посту народного контролера не могли не заострить ее взгляда: проблемы всегда возникают на стыке личного и общественного интересов. Тонкая, но нерасторжимая между ними связь.

— Кто у нас прекрасно понимает, что рабочее самочувствие — категория государственная, так это Николай Иванович Ефремов, наш парторг. У него и учимся, — говорит Шура. — Во всем на него можно положиться. Бывает, по цеховым делам всех обойдешь, ну, стенка! А он поможет. Как вот с той изоляцией...

Говоря о рабочем самочувствии, вспомнила Шура о руках изолирующих.

— Болят у нас руки. К тому же бумага сушит кожу, да и режется она, как осока. Нужна рукам профилактика: ванны разные, массажи, электропроцедуры. И все это есть у нас в заводской поликлинике, в профилактории. Только вот нет привычки заниматься собой. Женщины кивают на свои семьи: как, мол, уедешь в профилакторий? Но туда заводской автобус может привезти на процедуры, ужин и домой отвезти. А кое-что можно и в заводской медсанчасти оборудовать.

Нет, уж мы непременно займемся руками нашими. Так и напишите в «Работнице», чтоб отступать было некуда, — заключает Шура. Она раскрывает свои ладони — натруженные, в мозолях и старых шрамах — и вдруг смеется: — А знаете, два года назад, когда я была в Америке, мои руки помогли мне доказать американцам, что я рабочая. Не верили! «Миссис Майорова, рабочее не могут так выглядеть и так говорить...»

«Еще как могут!» — думаю я, любясь выражением ее оживленного лица. Работа мысли — вот что составляет главное в этом выражении. Золотая, нестираемая мета человека интеллигентного. За плечами у нее десятилет-

ка села Ягодное, что недалеко от Тольятти. Только в этом году, наконец, собралась Шура в политехнический институт, занимается на подготовительном отделении вечерами. Не в образовании институтском, выходит, истоки интеллигентности. Великая Шурина школа — ее завод, его люди. Так, значит, была настроена ее душа, ее мысли, что все лучшее от людей она впитывала с благодарностью, будь то старшая ее подруга по бригаде, «мать Антонина», или начальник цеха в те ее первые годы на сборке Лев Владимирович Биллио (ныне — зам. генерального директора объединения «Трансформатор»), или первая наставница — знаменитый бригадир и комсомольский вожак в цехе Нина Ивановна Уточкина, ныне член парткома. Это у нее приняла Шура бригаду в 76-м году.

— Нина — самый высокий для меня пример, — говорит Шура. Помолчав, добавляет: — После мамы... Сначала я за мамой старалась успеть, а потом — за Ниной. Все в ней нравилось. Я и в партию вступила с Ниной рекомендацией.

А муж Шуры, Вячеслав Иванович, так сформулировал главную черту Нины Уточкиной: «Она так: все — для других, для себя — ничего! — И на жену кивнул: — Моя такая же!» Глаза его при этом лучились такой добротой и нежностью, что сомнений не оставалось: тем-то и горд он, тем-то и дорога ему Шура.

Так и выходило по всему, что одни и те же принципы почитаются и в собственной семье Майоровых и на производстве — глубокое уважение человеческого достоинства, личности человека. У Майоровых и Иришка воспитана на глубоком уважении к окружающим. Как она мать понимает... Это видеть надо: не то что с полуслова, с полувзгляда. Уходя гулять, непременно спросит: «Мам, тебе ничего не надо?»

И когда сама Александра Ивановна говорит о своей маме, у нее даже голос бережнее начинает звучать. Помните: «Сначала я за мамой старалась успеть». Шура догоняла свою маму: мама — бригадир-садовод, мама — депутат районного Совета, мама награждается медалью «За трудовую доблесть». И только когда Шуру наградили орденом Трудового Красного Знамени, мама признала: «Ну, вот ты меня и обогнала, дочка...»

Дочка у Щегловых — это девичья фамилия Майоровой — Ивана Павловича, солдата, избранного на Курской дуге, и Александры Ивановны — родилась в день рождения матери, 4 мая, и назвали ее материнским именем — Александра. Ее они Александры Ивановны. И особая у них — душа к душе — связь и понимание.

— Когда я в своем родном селе рассказывала о съезде партии, больше всего волновалась, — вспоминает Шура. — И папа мой тоже очень переживал за меня. Но не мама! Она в меня верит больше, чем я сама. Я всегда помню мамин наказ: «Держись, дочка, людей!»

На конкурс.

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА «НАШ ОБЩИЙ ДОМ»

Первую премию редколлегия решила не присуждать.

Вторая премия присуждена М. Шевелеву («Хлеб на рушниках», № 4) и З. Кишинской («Стакан молока», № 9).

Третья премия — М. Коваленко («Горячее сердце Камчатки», № 6); К. Кузнецовой («Присяга сыновей», № 2); Л. Южаниновой («Расскажу о землячке», № 11).

Присуждены также две поощрительные премии: Р. Неяченко («Гордые внуки Джангарчи», № 3); В. Чеботаревой («Песни Дильбазы», № 11).

театры, музеи, кино. Попробуй лишить советского человека высокого чувства хозяина своего предприятия, колхоза, совхоза или права на инициативу и критику. Такое, согласитесь, нельзя даже предположить.

Но, пользуясь всеми благами, предоставленными нам Конституцией, мы не должны забывать, что прав без обязанностей не существует, они взаимно обусловлены.

Конечно же, первое, самое дорогое наше право — право на труд. Работай на совесть, творчески, с полной отдачей — и к тебе придут почет, уважение, слава.

Но есть еще, к сожалению, люди бесчестные. Что им до почта? Лишь бы денежки шли. Им бы работу полегче, повыгоднее. И «летают» с предприятия на предприятие в поисках «длинного рубля». И мечтают об одном — отбыть положенное время, не слишком утруждая себя. Забыв про рабочую совесть, они трудятся кое-как, гонятся только за количеством. У моей знакомой новенький телевизор на второй день вышел из строя. И всего-то перегорела радиолампа. Монтажник на радиозаводе сработал небрежно, припаял детали «на живинку». А человек теперь мается, бегаёт по мастерским, теряет время.

Вот уже больше тридцати лет работаю я на швейной фабрике имени Володарского. Люди у нас в большинстве своем трудолюбивые, ответственные. Но бывают и накладки. Все заготовки для плащей получаем из кройноного цеха. И вот... На потоке — 48-й размер, второй рост. Проверю партию подкладки, а она на сантиметр короче, чем положено. Иду к кройщикам. «Подумаешь, — говорят те, — мелочь какая. Ну, будет плащ чуть-чуть короче — не беда». «Как это не беда! — возмущаюсь я. — А что скажет покупатель? Нет, такой товар я не приму». «Ох, Суграханум, — вздыхает мастер кройноного цеха, — всегда вы придираетесь». Верно, придираюсь. Только ведь по справедливости. На наших изделиях стоит почетный пятиугольник. Стыдно нам выпускать продукцию с изъянами, пусть даже незначительными. Любая маленькая уступка рабочей совести дорого стоит государству. За одной маленькой уступкой последует вторая, третья, а там, глядишь, совесть совсем замолчит...

С поставщиками мы, как нитка с иглкой, связаны. Взять фурнитуру. Плащи шьем из синей ткани, а пуговицы могут быть коричневыми. «Нет других», — объясняют. Иду на склад. Спрашиваю: «Вы своим мужьям такой плащ купите?» Молчат. Смотрю — через некоторое время пуговицы нужные находят. Ссылки на объективные причины — это, я считаю, не что иное, как безответственность.

У меня в бригаде по штату 25 человек, а в июле, например, оставалось всего десять. Коллектив комсомольско-молодежный. Многие в вузы поступают. У них экзамены. Зейнаб Али-

ева — мать двоих маленьких детей, ей положен отпуск летом, пускай отдыхает. Шахла Саламова, хорошая швея, золотые руки, замуж вышла, уехала с мужем в дальние края — счастливой семейной жизни! Поредела бригада, а план-то нам никто не уменьшит. Вот и стали девочки работать за двоих, а то и за троих: освоили смежные операции, четче организовали свой труд — и ничего, справились. Не пострадало и качество.

А соседний участок уже несколько месяцев подряд ходит в отстающих. Я не понимаю, как может руководитель спокойно получать зарплату, если видит, чувствует, что не справляется со своими обязанностями. Мне кажется так: не тянешь — имей мужество признаться в этом и уступи место другому, более способному человеку.

Вернусь к разговору о личной ответственности, об отношении к труду, о рабочей совести... В бригаду после окончания профтехучилища пришли новенькие. Проработали несколько дней, и вот уже одна как-то утром подходит ко мне:

— Сугра-хала¹, можно уйти пораньше?

— А что случилось, если не секрет?

Девушка мнется.

— Подруга в кино приглашает, на четыре часа.

— А что, позже сеанса нет?

— Есть, но...

— Вот что, дочка, — перебиваю ее, — ты уже не школьница, рабочий человек. Значит, должна ценить каждую рабочую минуту. Это — наше общее богатство. А в кино можно сходить в свободное время...

Ну, скажите, откуда у некоторых молодых людей этакая легкость в мыслях, отношение к труду, как к танцам: хочу — пляшу, а не хочу — сижу! Наверное, истоки нужно искать прежде всего в семье.

Была у меня в бригаде хорошая работница Умханум Дадашева. Пришла она на фабрику восемь лет назад. Проработала каких-нибудь три месяца — и вдруг: «Не могу больше, шумно, голова болит». «Хочешь, отдохни, — предложила я. — Отпуск за свой счет дадим». «Да нет, родители настаивают: увольняйся». И смотрю — взяла расчет. Я не выдержала, пошла к Умханум домой. «Зачем, — говорю родителям, — девочку с работы сняли?» «Молодая она, пусть отдохнет», — отвечают. Я-то знаю: не хотят у нас иные родители, чтобы их дочери на фабрике трудились, ищут им работу почище, полегче. А сама Умханум плачет: «Хочу обратно на фабрику». Долгим был тогдашний разговор. Удалось убедить их, что нужно девушке вернуться в коллектив. И вернулась, стала отличной мастерицей. Была победителем в фабричном соревновании по профессии. Теперь окончила политехнический институт. Хо-

¹ Хала — тетя.

рошо — девушка сама с характером, а другая и рада, что ее от трудной работы берегают. И сидит — здоровая, ловкая, сильная — где-нибудь в канцелярии, бумажки с места на место перекладывает.

...У соседей единственный сын, студент. А у него уже своя машина. Папа подарил. Как-то я заметила отцу: «Не слишком ли балуете сына?» Обиделся, даже здороваться перестал. А паренек-то — оболтус, дома часто не ночует (мать жаловалась), занятия в институте пропускает, сессии заваливает. Вот чем оборачивается безоглядная родительская любовь.

Мой принцип — растить детей в скромности, в привычке к труду. Их у меня девять. И все до одного, дочери и сыновья, когда учились в школе, приходили на фабрику: «Дай, мама, ножницы, помоги». Бахтияр на свою первую зарплату драповое пальто мне купил, Эльдар — стиральную машину. Были у нас и трудные времена, дети маленькие, один портфель на двоих, одна линейка на троих. Но жили дружно. Муж мой никогда не позволял говорить ни со мной, ни с детьми в повышенном тоне. Если дочери или сыновья шли к нему за советом, он прежде всего интересовался: «А маму спросили?» Потому, наверное, от детей вижу я только уважение. Сейчас все они поднялись, встали на ноги, имеют свои семьи. Живут в достатке. Но не в роскоши. Скромно и честно, на трудовую копейку.

Я вообще удивляюсь тем, кто из кожи лезет вон, стараясь обрасти имуществом, дорогими вещами, драгоценностями. И в погоне за всем этим «богатством» не замечают, как переступают порог дозволенного, пятнают свою честь. И еще что возмущает: живет иной человек явно не по средствам, все догадываются, откуда у него лишние деньги, но никто пальцем не тронет — не имеют, говорят, права, пока не попадетсся с полициным. Я читала в газетах мнение многих: пора заняться такими вот «жучками», которые точат здоровое, крепкое дерево нашего общества. И полностью с этим согласна.

Великое право предоставлено нам, советским людям, — быть избранными в руководящие органы, принимать участие в управлении государством. Одиннадцать раз уже избирают меня депутатом Насиминского районного Совета. Сейчас возглавляю постоянную комиссию по вопросам труда и быта женщин, охране материнства и детства. Немало времени отнимают общественные дела. И как обидно было однажды услышать за спиной: «Она заседала, а за нее другие работают». Скажу на это так: мои дела никто за меня не делает. Кончается сессия к обеду — я спешу на фабрику, и за оставшееся время можно многое успеть. А надо — задержусь подольше. Сознание, что приносишь пользу людям, прибавляет и сил и энергии. А ведь бывает нередко: подежури человек где-нибудь в общественном месте два часа — будьте любезны, предоставьте отгул, задержится на работе час-полтора — давайте денежную компенсацию. Конечно, трудовое законодательство надо соблюдать. Но негоже, по-моему, советскому человеку вести мелочные счеты, во всем искать выгоду да корысть.

В семье у нас часто ведутся разговоры о производственных делах, о проблемах, которые нас волнуют. Дети мои имеют профессии разные. Есть художник, офицер, водитель, музыкант. Две дочери работают со мной на фабрике. Сакина — член ЦК ЛКСМ Азербайджана, была делегатом XVII и XVIII съездов комсомола, начинала у меня в бригаде. Мы нередко рассуждаем о том, что слава, почет — это своего рода аванс, выданный человеку. Слава ставит человека у всех на виду. Поэтому он еще строже должен относиться к себе, еще требовательнее. Счастлив тот, кто живет всегда на полном дыхании, отдавая Родине все, на что способен. А Родина в долгу не останется.

г. Баку.

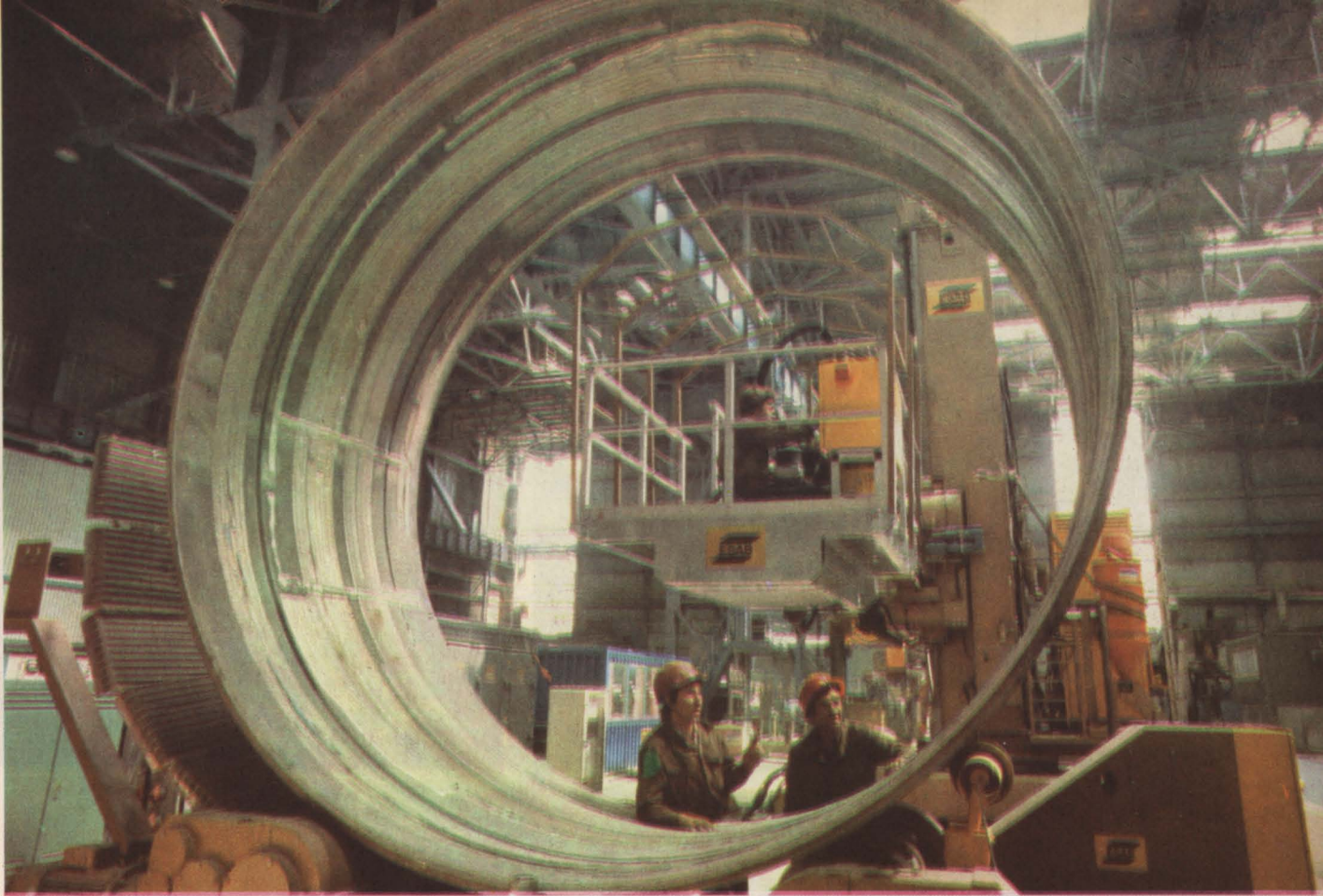

Фото В. МАРИНЬ.

Семья Акперовых.

60 лет СССР

Атоммаш. Сварочные работы на корпусе атомного реактора.

Фото ТАСС, В. ЗАМАРАЕВА,
И. КОНСТАНТИНОВА
и А. СМЕЛЯКА.

Вечер в Запорожье.

*В сборочном цехе
Минского
автомобильного
завода.*

*Ночная жатва
на полях
казахской целины.*

*Узбекистан.
Сбор хлопка.*

*На чайных
плантациях Грузии.*

Торговый порт
в Клайпеде.

«Шельф-1», буровая
установка на Каспии.

Молдавский виноград.

Рижский ВЭФ может гордиться своей продукцией.

Туристы на озере Иссык-Куль.

Таджикская свадьба.

ФАЗУ АЛИЕВА,
народная поэтесса
Дагестана

Я ДОЧЬ ТВОЯ, ОТЧИЗНА!

Не знаю, сколько мне было лет, когда впервые я подумала о Родине. Помню, что бегала я тогда босоногой девчонкой по росистой траве. Я думала, если мама разрешит мне подняться на гору Акаро, которая величественно возвышалась над нашим аулом, я смогу подкараулить солнце на заре, схватить один из его лучей и сделать из него себе ожерелье. И вот однажды, хотя это и было очень нелегко, мне удалось подняться на грудь горы. Аул мой, что остался позади, словно ягненок, попавший в пасть волка, висел между громадными скалами. От высоты захватывало дух. Неожиданно я подумала: а кто первым пришел сюда, построил саклю? Уже взрослой, вспоминая свое первое восхождение на гору Акаро, я осознала, что в тот день ко мне пришло чувство Родины. Пришло, чтобы уже никогда не покидать меня, прорастая все новыми и новыми побегими.

Сколько в моем горном крае камней, столько и легенд. Все они рождены мечтою о свободе и дружбе, о хлебе и умении владеть тайнами природы. Я счастлива, что родилась и живу в то время, когда эти легенды превращаются в быль. А быль стала возможна благодаря Октябрю, благодаря нашему великому братству—Союзу Советских Социалистических Республик.

Что видели мои предки, безграмотные, угнетенные люди? У каждого аула были свои границы, и если корова из одного пересекала черту другого, начиналась междоусобица. Многие аулы имели даже свой язык. Позором считалось, если человек говорил на языке соседнего аула. Об этом мои дети знают только из рассказов стариков. Но они свято чтут имена мужественных сынов Дагестана—Уллубия Буйнакского, Махача Дахадаева, Кази-Магомеда Агасиева, Султан-Саида Казбекова, Зайналабида Батырмурзаева, Гаруна Саидова и многих других легендарных героев, что отдали жизнь за победу новой, светлой жизни. Ее свет горцы называют светом Октября, язык которого сегодня понятен всем народам Дагестана. Это язык дружбы людей всей нашей большой страны.

...Играя с девчонками на улице, я слышала, как разговаривали старики на годекане—так называлась сходка мужчин аула. «Пока есть дрова—огонь не погаснет; пока есть друзья—огонь не погаснет в сердце». А Омардада, дядя моего отца, часто повторял: «Вода,

столкнувшись с водой, набирает силу, человек, подружившись с человеком, становится сильным». Его уроки навсегда остались у меня в памяти сердца.

Это было перед самой войной. Мы поссорились с подругой Симисхан из-за маленького медного кувшина. Каждая хотела взять его себе. На крик прибежал Омардада. Он вытер слезы Симисхан, отнял у меня кувшин и отдал его ей. А меня отвел в сторону, посадил к себе на колени и, глядя по волосам, сказал:

— Не забывай, доченька, что дружба—лучшая крепость, лучшая защита от всех невзгод. Дружбе надо всегда уступать...

— А кувшин, Омардада, мне очень нужен,—всхлипывала я между тем.

— Вот именно, доченька, по-настоящему добрый человек уступает другу нужную ему самому вещь. Послушай, что я расскажу. В давние времена, когда на земле свирепствовал голод, одному старику в руки попала связка пшеничных колосьев. Это тогда, когда каждое зернышко ценилось больше бриллианта. Но старик не спешил есть, он думал: «Лучше пошлю колосья своему другу: он моложе и больше сможет сделать для народа». Получив подарок, тот горец тоже не поспешил съесть их, а в свою очередь, подумал о друге. Так и прошли колосья через многие руки. И все чувствовали себя так, словно наелись досьята.

Я слушала Омардаду затаив дыхание, но не могла понять, почему голодный старик послал зерна своему другу, а не съел сам. Впервые я это поняла, когда грянула война. В тот день, услышав страшную весть, женщины забыли про свои домашние заботы, а мужчины взяли в руки не молотки и лопаты, а отцовское оружие. И табуны коней покинули горы в тот день, и

тысячи юношей попрощались со своими родными в тот день. И Омардада провожал двух сыновей своих. «Помните, мои дорогие, что слава длиннее жизни, герой умирает однажды, а трус тысячу раз»,—напутствовал он их.

Вечером приходила из госпиталя уставшая мама—она работала там санитаркой. Доставала кусок хлеба, и четыре пары наших сиротских глаз следили за ее руками. Потом мама доила корову, и четыре кружки тянулись к ней. В один из таких вечеров у нас в воротах появилась закутанная до бровей женщина в черном мужском пальто. К груди она прижимала что-то завернутое в лохмотья. Женщина обратилась к маме на непонятном языке, но мама ее поняла и, взяв за руку, повела к очагу. Там они вдвоем освободили от тряпья опухшую больную девочку. Очаг в тот вечер горел ярче, чем когда-либо. Молока в наших кружках было меньше обычного, но никто из нас этого не заметил—все были поглощены горем женщины, бежавшей от врагов со своей родной Украины.

Вскоре в нашем доме собрались все соседи. Кусок сахара, ложка меда, чуток сливочного

масла, платок—каждый приходил не с пустыми руками. Омардада тут же ночью отправился в район за медицинской помощью. Однако спасти девочку не удалось. Ее хоронили всем аулом на нашем кладбище, а ее мать осталась в нашей семье. Из куска хлеба теперь мама нарезала шесть тоненьких ломтиков. По утрам тетя Надя заплетала мне косы, по вечерам купала. Может быть, именно тогда до меня начал доходить смысл легенды Омардады,—что значит уступить свои колосья другому.

Новое несчастье посетил наш дом—заболела мама. Помочь ей пришла врач Раиса Петровна Сенткевич. Уже уходя, она увидела наши зареванные физиономии и приказала ласково: «Живо собирайтесь!». А через час мы сидели у нее в комнате за угощением—пили кисель. Домой вернулись со сказочными дарами—елкой и ящиком игрушек. Раиса Петровна, думаю, подарила нам нечто большее, чем просто блестящие шары, хлопушки, она подарила нам праздник. И опять я вспомнила рассказ Омардады о колосе.

Есть пословица: друг познается в беде. Советский народ умеет сплотиться в единый могучий кулак, когда нужно защищать Родину, в могучую, добрую руку, когда нужно помочь другу. Об этом я пишу в своих стихах, поэмах. Это было главной темой творчества аварского поэта Мухтара Абакарова. Не могу сегодня не привести выдержку из его письма домой с фронта: «Весна на берегу Днепра. Никогда я не видел такой красивой весны, и никогда мне так не хотелось жить! Но нужна ли она мне, жизнь, если по этой прекрасной земле пройдет враг, если эта синяя влага легендарного Днепра будет принадлежать не мне, а моему врагу,

ВСЕ КНИГИ МИРА...

если я буду не гордым горцем, а униженным рабом?! Нет! Еще раз нет!»

Мухтар погиб, но его гордые песни живут, их знают и любят, они вселяют в молодые сердца любовь и преданность дружбе.

...Одна из четырех сирот, воспитанных безграмотной горянкой, санитаркой больницы, я по горной тропе вышла на большую дорогу жизни. На ней — и в годы учебы в Литературном институте и позже — я встречала немало людей, которые готовы были уступить мне свои заветные колосья.

Как члену Советского комитета защиты мира и Всемирного Совета Мира мне приходится бывать в разных странах, разговаривать со многими людьми. Когда, отвечая на их вопросы, рассказываю о нашей стране, о дружбе и сплоченности между всеми нациями и народами, когда привожу пример моего горного края, где говорят на тридцати шести языках, а литература издается на одиннадцати, — мне верят с трудом. А когда я говорю о маленьком коллективе журнала «Женщина Дагестана», где работают женщины одиннадцати национальностей и никогда не возникает нужды спросить, какой национальности наш коллега, — это воспринимается как самая невероятная легенда.

Много легенд, поэм, стихов, повестей и романов написано о дружбе, но самая вдохновенная, умная, содержательная поэма — сама наша жизнь, наша нерушимая дружба. И сегодня, в дни, когда мы отмечаем 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик, я не могу не думать о Владимире Ильиче Ленине.

У народного писателя Дагестана Ахмедхана Абубакара есть маленький рассказ о Ленине. Лаконичнее, глубже, шире вряд ли можно сказать, передать мысли всех дагестанцев. «В первые годы Советской власти в Кубачах оказался один иностранный турист. С живым интересом и вниманием следил он за работой мастера Уста-Тубчи, вырезающего на слоновой кости барельеф В. И. Ленина.

— Тонкая и очень кропотливая работа! — заметил иностранец. — Наверное, уже несколько месяцев вы работаете над этим?

— Почти год! — не отрываясь от работы, ответил мастер.

— Тем более! А скажите, какую благодарность ждете вы за свою работу? — продолжал расспрашивать иностранный турист.

Уста-Тубчи обернулся к гостю, снял очки и, показывая на барельеф дорогого ему человека, сказал:

— Это я его благодарю!»

«Это я его благодарю!»... Думаю, что сегодня так же ответил бы каждый советский человек, так же ответили бы и мы, писатели и поэты, ощущающие на себе ежедневно, ежечасно ленинскую заботу нашей Коммунистической партии.

Мы еще не нашли настоящее слово о Ленине, о Партии, о Родине, о Дружбе народов Советского Союза. Самое прекрасное слово впереди. А пока, точно опять я очутилась на высокой горе Акаро, горный ветер доносит мне строки:

Везде — под сводами отеческого крова,
Иль там, где так шумны чужие мне края, —
Мне слышится твое напутственное слово,
О, Родина моя!

Фазу Гамзатовне Алиевой — нашему другу, постоянному автору, народной поэтессе Дагестана, главному редактору журнала «Женщина Дагестана» исполняется пятьдесят лет. От имени миллионов своих читателей «Работница» шлет ей сердечные поздравления.

Ленинская библиотека. С утра родившийся людской поток не иссякает до вечера. Приходят сюда за знанием, за опытом, воплотившимся в книгах, — что может быть понятнее и выше такого стремления, такой жажды?

...Более ста лет назад были заложены основы одной из крупнейших библиотек мира. В дни открытия публичной читальни весь штат ее состоял из четырех сотрудников — сейчас в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина трудится около трех тысяч человек. Первоначальный фонд насчитывал сто тысяч томов, сегодня он равен 31 миллиону — книг, журналов, нот, карт и т. д.

Старые стены «дома Пашкова», прекрасного творения русского зодчего Баженова, давно стали тесными. Но даже если мы возьмем в расчет весь

библиотечный комплекс в центре столицы с гигантским корпусом основного книгохранилища и два новых десятиэтажных здания, недавно вы-

росших в подмосковной Левобережной, то и тогда мы не сможем сказать: это и есть наша национальная библиотека. Потому что к десяткам читальных залов, указанных в справочниках, мы непременно должны прибавить еще один. Самый большой. Величиной... во всю нашу страну, с ее республиками, краями, областями, самыми далекими поселениями на севере и юге, на западе и на востоке.

...Одному из жителей Сыктывкара, столицы Коми АССР, понадобилась для научной работы книга, изданная в начале века в Харькове. Ее не оказалось в книжном собрании республиканского педагогического института, нет книги и в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Заказ переслали в Москву, в Ленинку. Как поступают здесь в подобных случаях? Если в книгохранилище два экземпляра нужной книги, один из них очень скоро отправится в Сыктывкар. Если кни-

3

4

га единственная, она будет перенята на пленку, и тогда тот же путь совершит микрофильм.

Рабочая комната группы иногороднего абонента напоминает упаковочный зал — стопки книг, картонные коробочки с микрофильмами. Руководитель группы Алла Николаевна Винокурова и библиотечкарь Елена Васина готовят к отправке литературу (снимок 1).

Абонентная форма обслуживания не дешева: почтовые расходы, содержание аппарата, фотоматериалы, электронные устройства, с помощью которых ведется учет... Но читателю это ничего не стоит — он пользуется книгами бесплатно. Больше того, микрофильмы, снятые с небольшой статьи из газеты или журнала, он получает в безвозвратное пользование.

Знания окупаются всегда, обратившись в научные труды, открытия, профессиональный рост людей. Свет знания... Он нужен каждому, кто хочет

стать умнее, искуснее в своем деле, нравственнее. Свет знаний помогает человеку обрести мировоззрение, стать настоящим гражданином.

Поэтому-то сотрудники библиотеки не просто предоставляют право пользоваться несметным книжным богатством, но и стремятся приблизить его к читателю, помогают найти нужную литературу.

Крупнейшие библиотеки, считающиеся миллионы изданий, есть в республиках и во многих областных центрах. Но в главную библиотеку страны поступают все издания, выходящие в стране и за рубежом. И потому именно ей часто приходится брать на себя заочные межнациональные контакты. Нефтяника из Тюмени может заинтересовать опыт коллег из Баку, метростроевца из Киева — работы москвичей. В Ленинской библиотеке всегда можно встретить командированных из разных краев Родины. Так в один из дней за соседними столами оказались аспирантка МГУ Екатерина

Меньшенина, аспирантка Института истории Академии наук Азербайджанской ССР Нигяр Агамалиева, ассистент кафедры высшей математики Ташкентского сельскохозяйственного института Муяссар Шамуратова (снимок 2).

Основное книгохранилище. 165 километров — такова общая длина книжных полок, размещенных в 19-ярусном корпусе. Сотрудник библиотеки Оля Попова, получая по пневмопочте требования читателей из различных залов, легко находит по шифру нужную книгу. Полтора яруса занимает литература на языках народов СССР (снимок 4). Вот литература Грузии. Это Эстония. На той полке книги на селькупском, юкагирском языках, на саами. И каждая из этих книг прошла через отдел каталогизации, побывала в секторе литературы на языках народов СССР (кроме русского). В секторе каждая республика имеет своего «полномочного представителя». Вот уже 30 лет издания на украинском языке проходят через Марию Антоновну Даныко. Алла Аркадьевна Галстян вносит в каталог описание книг на грузинском языке. Парвис Аббасович Ахундов — тюрколог. Илга Робертовна Деглава с Иреней Быстрицкайте — прибалтийская группа.

Язык музыки понятен всем. В зале нот и звукозаписей студентка Московской государственной консерватории Ляззат Копбаева может познакомиться с наследием Шостаковича, читать партитуру и слушать его симфонию одновременно (снимок 3).

Библиотека — большой, сложный организм. Вычисли-

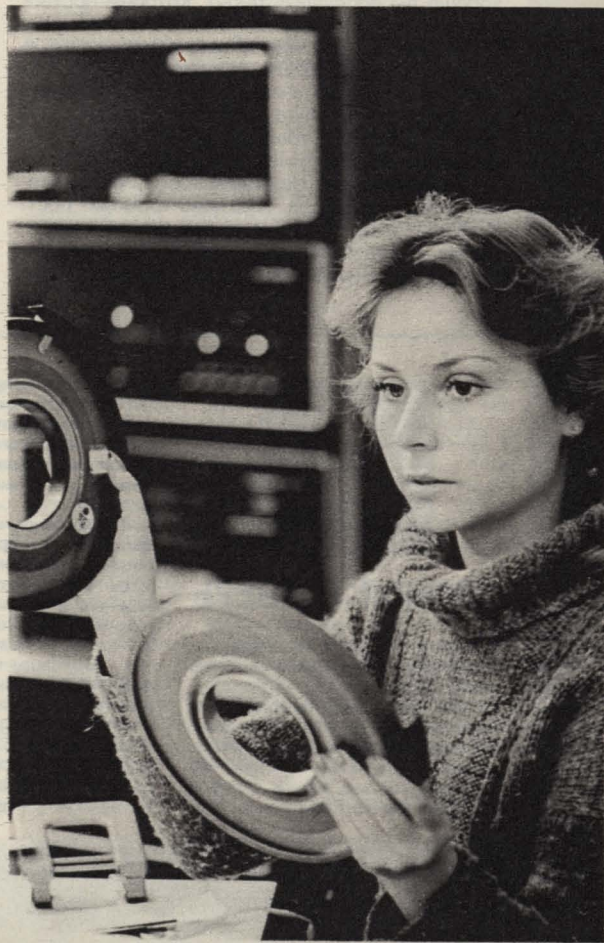
тельный центр — электронный мозг, созданный для того, чтобы службы, звенья крупнейшего книжного хозяйства работали четко и согласованно. Марина Фищева (снимок 5) — одна из многих операторов, обслуживающих ЭВМ.

Специальным постановлением ЦИК СССР от 6 февраля 1925 года библиотеке имени Ленина был присвоен статус государственной. Националь-

ное книгохранилище страны, национальная библиотека... В нашем Советском государстве это значит: библиотека для всех народов, хранилище всех литературных памятников национальных культур. Национальная — значит интернациональная...

**Фоторепортаж
И. КОШЕЛЕВОЙ
и Н. МАТОРИНА.**

5

2

● ЛЕГКИЕ ПЯТЕРКИ
● ИЛИ ТРУДНЫЕ ЧЕТВЕРКИ.
● ЧТО ЗНАЧИТ
● СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК?
● ВОКРУГ ЛТО.
● САМ СЕБЕ ВОСПИТАТЕЛЬ.

Сразу представим наших собеседниц:

Владлена Ходжер, нанайская школьница из поселка Найхин, Хабаровского края;
Фируза Буриева, второкурсница СГПУ № 33 города Душанбе, член ЦК комсомола Таджикистана, ленинский стипендиат;

Татьяна Баринава, секретарь комитета комсомола 121-й средней школы города Горького;
Оксана Егорова, девятиклассница из якутского поселка Бердигестях;
Ирина Соболевская, учащаяся Вильнюсского железнодорожного техникума, награждена медалью «За отвагу на пожаре».

Очень далеко друг от друга, на противоположных точках нашей огромной страны — у Тихого океана и на Балтике, на самом юге, в Таджикистане, и в уходящей за Полярный круг Якутии — живут наши героини. А собрало их вместе событие, которое стало для каждой самым знаменательным и памятным, — XIX съезд комсомола. На съезде мы познакомились и условились в канун Нового года встретиться на страницах нашего журнала, поделиться тем, что больше всего волнует их ровесников и что может стать темой для разговора в «Подружке»-83.

О ЧЕМ ДУМАЕМ, О ЧЕМ СПОРИМ

Владлена Ходжер. Что волнует меня? Может быть, потому что я председатель учкома, меня очень огорчает, что многие наши ребята ленятся учиться. Мы живем в школе-интернате, а это значит, что знаем друг о друге все: характеры, интересы, привычки, способности. У нас, как и везде, за ребятами, которые отстают в учебе, закреплены сильные ученики. Они иногда, как пастухи, бегают с учебником за своими подшефными, но бесполезно. «Подшефные» гоняют по улице, готовы заниматься

чем угодно, только не уроками. Но ведь человека насильно ничего не заставишь делать. А как его убедить? Как повернуть к учебе? Тут хорошо бы послушать ребят, которые постарше, и взрослых людей.

Я понимаю, что главный враг всему — лень. А как с ней бороться? Это не простой вопрос. Мы вон как боимся быть маленького роста, следим все время, на сколько сантиметров выросли. А как мы растем внутренне, как изменились, что нового узнали, чему научились — об этом даже не задумываемся. Не видим порой, что поднялись-то совсем мало. Что лень тормозит рост. Приучает жить беззаботно, без всякого напряжения, довольствоваться малым. Это мы поняли однажды на собственном примере. К нам

пришла новая учительница литературы и русского языка Любовь Ивановна Бельды. В классном журнале замелькали двойки и тройки. Мы стали обвинять преподавателя — раньше, мол, за такие ответы «4» и «5» ставили. А когда подумали хорошо, поняли, что просто не привыкли к строгим требованиям, а потому и работали не больно-то добросовестно. Взялись покрепче за книги. Первая четверка (скажу, не хвальнось, — ее поставили мне, хотя раньше и пятерок полно было) обрадовала весь класс. Уроки литературы стали постепенно одними из самых любимых. Значит, можем мы трудиться.

У нас ребята хорошие, веселые, верные товарищи. По национальности большинство нанайцы, ульчи, удэгейцы. Родители наши занимаются рыбной ловлей, охотой, животноводством. Мы живем вдаль от дома, поэтому для нас особенно важно помогать друг другу во всех делах, как в одной семье помогают друг другу братья и сестры.

Фируза Буриева. Не могу терпеть, когда девочки ценят длину каблук выше, чем ум человека...

Еще тысячелетия назад мудрецы мира вывели истину, что главное в человеке — духовная жизнь, интеллект, все, что возвышает его в мире природы. Мы это хорошо знаем. Но вот приходит момент, и нужно сделать очень простой выбор: что купить на деньги, оставшиеся от стипендии, — книжку или импортную тушь для ресниц? Куда пойти в свободное от занятий время — на дискотеку или серьезный концерт? Чему отдать выходной день — музею или беготне по галантерейным магазинам? Как часто выбор делается не в пользу книги, концерта, музея...

У нас в училище не так давно был диспут: «Что значит современный человек». Знаете, к

чему он свелся? К спору: нужен ли женщине широкий кругозор или достаточно быть хорошей работницей и хорошей хозяйкой дома. Представляете, находились такие, кто считал знания, не связанные с непосредственной работой, лишними. А ведь для некоторых этот разговор о будущем — хорошее оправдание для духовного безделья сегодня. Для того, чтобы сосредоточить свое внимание на каких-то чисто внешних вещах. Помните известные стихи Николая Заболоцкого?

...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Я, как и мои подруги, буду закрывщицей легкого женского платья, и никак не отрицаю естественного стремления каждого человека к внешней красоте. Совсем нет. Я только считаю, что главное — это содержание: знания человека, широта его интересов, увлеченность, любовь к искусству, способность мыслить. К такому человеку тянутся. С таким интересно общаться. Такой человек никогда не будет чувствовать одиночество, скуку, на которую порой жалуются девочки. А бедность

ЗВОНК В ДВЕРЬ

Тебя не ждали, а ты явилась, и всеобщему ликование не было конца. Приятно.

Тебя не ждали, а ты зашла — не на блины, не на обед — по делу, всего на две-три минуты, и, уходя, не могла отделиться от странного чувства — словно кошки скребли на душе. Да что, собственно, про-

изошло? Не получила приглашения прийти в комнату, присесть? Но все свои дела ты с успехом решила на пороге. Не увидела в глазах хозяйина радости, но, может быть, в этот момент ему было не до тебя?..

«Не поговорить ли нам о гостеприимстве?» — предлагает девятиклассница Виолетта. Причем не о тех гостях, которых приглашают заранее и к их приходу дряют квартиру, моют шею, пекут пироги, — о гостях незваных и неожиданных. «Однажды я зашла к одной девочке — она была больна — передать ей дневник, — пишет Виолетта. — Приоткрыв дверь и не поздоровавшись, моя одноклассница сразу спросила: «Тебе что-то надо?» — и, взяв дневник, сразу же захлопнула дверь.

К другой девочке я зашла за книгой. «А, это ты?» — произнесла она тоскливым голосом. — Сейчас, подожди, — и закрыла дверь. Я решила, что она снимет цепочку и тотчас впустит меня. Но ждать пришлось довольно долго. Когда я попала в прихожую, то не могла не заметить следов мгновенных преобразований. Из-под шкафа торчала обувь, видимо, наспех спрятанная, хозяйка успела сменить платье. Двери в комнаты были закрыты, и, держа меня на пороге, подруга принялась обсуждать последние школьные новости...»

Можно было бы предположить, что одноклассницы плохо относятся к Виолетте, но она говорит, что никогда этого не замечала, обе девочки с ней всегда приветливы в школе. И вообще слывят добры-

ми, отзывчивыми. Но вот стоило заглянуть к ним в дом...

Внезапный звонок как маленький экзамен на вежливость, тактичность, доброжелательность, аккуратность. Да-да, аккуратность. Можешь ли ты сразу открыть дверь, если после школы облачилась в старые брюки, которые расплзаются по швам, а зашить все недосуг, и мятую кофту — не хотелось после стирки гладить. Что и говорить, показываться в таком виде посторонним неприлично, тем более что ты пришла быть безупречно одетой на людях. Только не уважающая себя девочка. считаешь ты, ходит в нечищенных туфлях и колготках со спущенной петлей. Отчего же самоуважение кончается дома?

интеллекта, ограниченность, узость кругозора, они рождают и бедность отношений. Мне кажется, никогда умный парень не будет дружить с девушкой, с которой и поговорить не о чем.

В общем, тут много всего. Давайте вместе подумаем, поспорим о том, что такое духовность? Что значит духовно богатый человек?

Татьяна Баринова. ЛТО—что это такое? Летний лагерь труда и отдыха—это, если хотите, целый мир, непохожий на обычные школьные будни, который входит в нашу жизнь и делает ее намного серьезней и полезней.

Вот уже два раза мы были в нашем ЛТО, помогали совхозу «Ждановский» Кстовского района вести прополку, собирать урожай огурцов, укропа, кабачков, редиса. Можно вспомнить много интересного: как мы трудились, как соревновались и дружили с бригадами еще из двух школ, как спорили и делились опытом комсомольской работы. Но я хочу сказать о другом. Вот уже десять лет существует на свете понятие «летняя трудовая четверть». А много ли старшеклассников знают практиче-

ски, что это такое? К сожалению, нет. Почему? Чаще всего потому, что вместе со своими родителями считают, что лишний месяц на море, в горах или на реке—дело более увлекательное, чем дергать морковку из пересохшей почвы. Об этом особый разговор. А сейчас хочу обратиться к взрослым.

У нас в Горьковской области десятки тысяч ребят выезжают летом в лагерь труда и отдыха. А сколько настоящих баз, которые должны принять школьников? Всего 19. Наша областная комсомольская газета писала как-то, что большая группа ребят летом жила в помещении бани с цементным полом, узкими окошками под потолок, паром, который валил из соседних дверей. Поедут ли эти ребята или их друзья, с которыми они поделаются своими злоключениями, помогать совхозу в следующий раз? Не уверена.

Мы, горожане, часто завидуем сельским ребятам, как интересно они трудятся в своих производственных бригадах. В Бутурлинской школе, например, разработана своя «пятилетка»: сделать свинарник, оборудовать поливальную установку, заложить ягодный участок,

построить теплицу и гараж. Представляете, как это здорово будет—подвести итоги и ощутить вес своего вклада в государственное дело.

А нам, городским отрядам, руководство совхоза порой даже не удосужится рассказать, что выращивает их хозяйство, почему нам нужно полоть, предположим, два раза, а не один, и что вообще даст наша работа. Кому это интересно—механически выполнять то, что тебе прикажут.

Мы, старшеклассники, уже взрослые люди. И раз нам поручается взрослая работа, мы бы хотели и строить ее по-взрослому. Правильно говорилось на комсомольском съезде: нужно уточнить правовые основы деятельности трудовых объединений школьников. Нужно разработать типовой хозяйственный договор. Нам интересно вместе со старшими планировать свою работу и учитывать не только ее качество и количество, но и денежное ее выражение. Этот интерес бескорыстный. Ведь все, что мы зарабатываем, идет в фонд школы, совхоза, определенную часть мы переводим в Фонд мира.

Оксана Егорова. Давайте поговорим о счастье.

Мы в школе на диспутах и просто так с подругами часто спорим на разные темы. И о том, что такое счастье, тоже. Только к одному мнению никак не придем. Я считаю, что счастье—это когда ты нужен. Нет, не думайте, что повторяю чьи-нибудь слова. Я сама это поняла. Мне приятно, что мои подруги все время обращаются ко мне и по комсомольским делам и по делам КИДа и просто делятся своими секретами. А если бы я была никому не нужна, я просто бы не знала, как жить на свете. Дома я тоже стараюсь быть первым помощни-

ком. Нас у мамы с папой шестеро—пять девочек и один, самый маленький, мальчик.

Когда я окончу десять классов, я пойду туда, где меня больше всего ждут—на животноводческую ферму. Работа будет нелегкая, но я в ней не новичок: уроки труда и летняя производственная практика дали нам основы сельскохозяйственных знаний. Поработаю в совхозе, а потом буду поступать в Якутский универ-

ситет на факультет сельского хозяйства, мечтаю стать зоотехником.

Ирина Соболевская. Мне кажется, очень интересно поговорить о воспитании характера. Можно ли воспитать в себе смелость, волю, надежность, чтобы люди могли рассчитывать на тебя, или все это дано от природы? Можно ли научиться управлять собой? Можно ли изменять характер, какие-то его черты? Вот о чем так интересно поспорить.

Вы спрашиваете, что произошло со мной осенью прошлого года? Да рассказывать осо-

Фото В. МАРИНЬО.

бенно нечего. Как-то днем, часа в два, мы пришли с мамой, и она заметила: «Что-то,—говорит,—гарью пахнет, выйди во двор, посмотри». Я ничего не чувствовала, но на улицу вышла. Навстречу Вадимка, 6-летний мальчик из соседнего дома. «Что,—спрашиваю,—у вас там варится или жарится?» «Ничего,—отвечает он,—у нас дома никого нет. Тетя Валя ушла в магазин, пока Наташка спит, не ревет». И побежал дальше.

Я на всякий случай пошла к ним в дом—он рядом с нашим, старый, деревянный. Поднялась на второй этаж, смотрю, что-то дымится. Знаю, что у нас во дворе всегда вода в бочке стоит. Схватила ведро, наполнила его, плеснула, дым только сильнее повалил. Обежала дом—с другой стороны горел второй этаж. Тут стукнуло: ведь Вадимка говорил про сестренку. Не помню, как снова влетела наверх. Дернула дверь в комнату. Годовалая Наташка спала. Я схватила ее, бросилась назад, к выходу, а лестница уже вся в огне. Я—к окну. Распахнула его. Внизу люди. «Бросай,—кричат,—ребенка». Я было не решилась: внизу асфальт, Наташка маленькая... Люди руки протянули. Ну, я и бросила ее. А потом и сама из окна, со второго этажа... То ли поймали меня, то ли просто повезло—ушиблась только.

Всего лишь пять коротких монологов. А вопросов в них, тем, поводов для обсуждений, раздумий хватит на целый год. Давайте продолжим начатый разговор.

Давайте думать и спорить вместе.

А можешь ли ты пригласить нежданного гостя в свою комнату? Вряд ли: на столе, где ты делаешь уроки, со вчерашнего дня немая чашка, остатки бутербродов, расческа, стулья завалены одеждой. А на требования мамы прибраться в комнате ты обычно отвечаешь: у меня свой порядок. Но порядок явно не для постороннего глаза. Вот и приходится держать гостя на пороге...

Бывает, кто-то позвонит в дверь в тот момент, когда в квартире уборка. Ничего страшного, можно извиниться—гость поймет. Если он сразу же сообщает, что забежал лишь на минуту, все равно стоит предложить ему раздеться, присесть, пусть он сам решит, принять или не принять твое предложение. Явились друзья послушать му-

зыку—это час, два, не меньше,—а у тебя много уроков, разных хозяйственных поручений. Объясни это, скажи, что рада будешь видеть их вечером или завтра. Правда, если они не из соседнего подъезда, не из соседнего дома, а приехали издалека, то ничего другого не остается, как перенести собственные дела на вечер.

Гость некстати. Все равно постарайся скрыть досаду, не ставь человека в неловкое положение. Он зашел потому, что хотел тебя видеть, не предполагал, что мешает.

Человек пришел не к тебе—к родителям, их нет дома, но они должны вот-вот вернуться. Сообщи об этом и спроси, не хочет ли гость подождать. Он тебе мало знаком, ты не знаешь, о чем с ним

говорить,—в таком случае можно предложить ему посмотреть журналы, какую-нибудь домашнюю коллекцию—марок, значков—и, извинившись, вернуться к своим делам.

А как быть, если на пороге незваная гостья, к которой ты не очень хорошо относишься? Такие обстоятельства все равно не освобождают от элементарного долга гостеприимства. Помогите ей повесить пальто—если человек не заведет в доме, предупредительность нужна особая.

Есть старая русская пословица: «Рад не рад, а говори: «милости просим». Доброжелательность способна исключить все обиды и недоразумения.

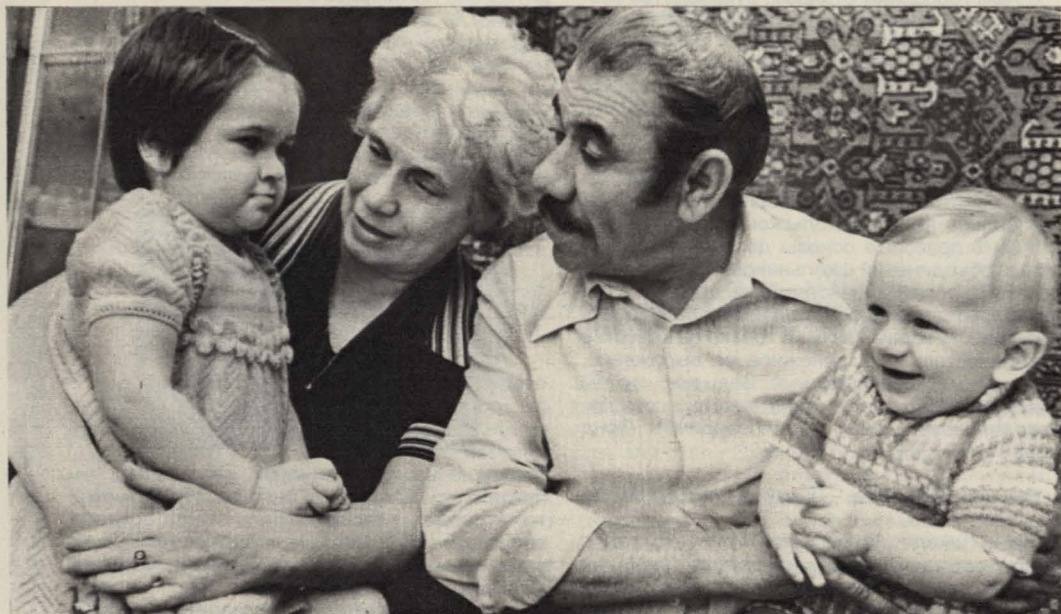
Тут нам стоит, вероятно, сказать несколько слов и самому не-

званому гостю. Дом друзей тем нам и дорог, что там всегда нам рады и сам наш приход—подарок. Но если собираешься забежать к подруге не на полчаса, а посидеть подольше, стоит все-таки заранее поинтересоваться, удобно ли время, которое ты выберала, не ломает ли твой приход ее планов.

Обязательно ли чем-то угощать нежданного гостя? Смотря по обстоятельствам. Если знаешь, что он давно из дому, или вы засиделись, заговорились, очень кстати спросить, не хочет ли он чая.

Звонок в дверь. Кто бы это? Почтальон, соседка, подруга, мама знакомая? Ты готова их встретить?

Главное богатство семьи, считают Валентина Викторовна и Георгий Амаякович Симонян, — дети.

Фото Г. БАГДАСАРЯНА.

Подружки обмахивали у порога снег с валенок, стыдили Валю:

— Бесчувственная! Одевайся да беги к нему в общежитие. Человек за десять километров спешил, обморозился!

За окном бесновалась сахалинская вьюга. Еще на рассвете, когда объявили, что по погодным условиям на работу не выходить, у Вали мелькнуло опасение: не усидит Георгий в поселке, куда отправили его бригаду. Неужели пойдет пешком в Оху? И уже не сомневалась, что пойдет — посидеть молчком у печки, помочь девочкам в нехитром хозяйстве, просто побыть рядом с ней.

— Жар у него. Зовет в бреду: «Валя! Валя!»...

В Оху Валю Доманину привела комсомольская путевка: стране нужна была нефть Северного Сахалина. И с первых же дней Валя почувствовала: к ней небезразличен замкнутый, немногословный армянин в заношенной гимнастерке. Специалистом он считался классным — хоть на тракторе, хоть на бульдозере, хоть на машине. Не раз доводилось слышать: «Симоняна надо позвать. Кто сделает лучше Симоняна?» Втайне гордилась: вот какой человек выделяет ее среди других!

Объяснение в любви было лаконичным. Спросил: «Поработаешь здесь, поедешь со мной в Армению?» Отшутилась: время, мол, на размышления есть, через два года дам ответ... Носил воду, помогал рубить дрова, покупал билеты в кино. Спокойный. Сильный. Надежный. Почему же она медлила с решением? Разница в возрасте пугала? Да нет, мужчина и должен быть постарше, пусть и на десять лет. Валю тоже заставила война повзреть раньше срока: в четырнадцать лет встала к станку на Московском станкостроительном заводе имени Орджоникидзе, дежурила при бомбежках на крыше, недоедала, рыла противотанковые окопы, выцарапывала из мерзлой земли картошку... Оттого, наверное, и решительность в характере и самостоятельность. Мама с плачем отпускала на Сахалин: «Доченька, да на край земли!» Но Валя была комсомольским секретарем и призыв считала обращенным к ней лично.

И все-таки собственный жизненный опыт

ощущала Валя ничтожно малым в сравнении с тем, что выпало Георгию. Вот уж кого помотала война! Бои с белофиннами. Потом Одесса, оборона Севастополя... Оставался среди последних защитников города, был ранен и захвачен в плен на госпитальной койке. Фашистские лагеря, издевательства, каторжный труд, побег. Во Франции удалось примкнуть к отряду Сопротивления. Вернулся в ряды Красной Армии, успел повоювать и на Дальнем Востоке.

Со временем узнала Валя и романтическую историю родителей Симоняна. Мать у него, оказывается, не армянка, отец привез ее после первой мировой войны из Польши. Чуть ли не графского рода, знает несколько языков. Бросила богатство, бросила родню и отправилась за крестьянином-армянином в его проклятое солнцем село. Нарожала ему детей, не роптала, не хныкала, научилась печь лаваш и стирать, ходить за скотом, полоть, мыть, стирать. И при всем этом оставалась изящной и загадочной. Польское имя Альбина переименовали односельчане в Бину, ее полюбили, потому что она стала для всех и писарем, и учительницей, и модисткой, и акушеркой.

Как было Вале не понять: рассказы про юную польку в укор ей. Вот какой бывает женская самоотверженность — разделить с суженым его судьбу безоглядно и целиком, не пугаясь возможных превратностей... А она готова уехать в неведомый край, где другой язык и чужие обычаи? Да ведь рядом будет Георгий. Но что-то он умалчивает. Почему после демобилизации не вернулся в родную Армению, а остался на Дальнем Востоке? Валя не знала тогда, что случайно встреченный в конце войны земляк рассказал Симоняну: дома его считают погибшим, оплакали похоронку, мать получает за него пенсию, а жена ушла к другому, там дети...

Валентина Викторовна считает, что решила выйти замуж именно в тот вьюжный день, когда прибежала в мужское общежитие и увидела большого и сурового мужчину беспомощным. Положила ладошку на воспаленный лоб. Пожалела. А у русской женщины это извечно рядом: «жалею тебя» значит «люблю».

Рассказываю знакомому журналисту о семье, ради которой прилетела в Ереван.

— Симонян? — переспрашивает он, наморщив лоб. — А что в семье особенного? Муж кто по профессии?

— Бульдозерист.

— А-а, это тот, что нашел недавно клад золота и отдал государству? Я в газете читал.

— Да нет, — говорю, — не тот. Бульдозерист знатный, орденносец. Больше тридцати лет в тресте «Ерпромстрой», они промышленное строительство ведут, и автозавод строил, и алюминиевый, и газопровод прокладывал... А жена — диспетчер цеха на «Электроточприборе». Хорошая рабочая семья.

— А-а, это та семья, где двенадцать детей? — Собеседника снова тянет в сторону сенсации.

— Нет, тут поменьше — пятеро. Сейчас взрослые уже, обзавелись своими семьями. И что интересно — повезло с зятьями, с невесткой.

Собеседник пожимает плечами: мало ли хороших семей... Вот клад отдаст государству — это, выходит, подвиг, тут есть что прославлять, а создать крепкую семью и вырастить в ней пятерых тружеников, пятерых добрых и честных людей — это менее ценно для страны и для будущего? По-моему, куда более ценно.

На улице Комитаса отыщем девятиэтажный дом, поднимемся на лифте и нажмем кнопку звонка. Услышим ликующий детский голосок, потом женский: «Уля, не лезь к двери!» — и в проеме двери внучка и бабушка. Внучка совсем кроха, в брючках и жилетике, чубчик прихвачен модной заколкой. Валентина Викторовна тоже нарядная, седые волосы уложены. «Проходите, пожалуйста!» Заочно мы давно знакомы с нею: она из тех читателей, что откликается на статьи журнала, бывает, и спорит, особенно если разговор на семейную тему. «Мы читали в цехе, и мнения женщин разошлись...»

...Появляются в прихожей и другие домохозяйки: красивая, словно из индийского фильма, дочь Оля, высоченный сын Виктор и его маленькая, быстрая, как ртуть, жена Таня. Из глубины квартиры гулкий бас: «Валя, кто там?» Невестка шикает: «Батя, ну что ты трубишь? Сережка же спит», — а Виктор встает на защиту отца: «Это у бульдозеристов профессиональное, ведь мотор перекрикиваешь». Миротворец.

Выходит хозяин. Широкоплеч и подтянут. Загорелое до бронзовости лицо. Крепко пожал руку, но разговор не поддерживает. «Валь, ты сама, ладно?» «Поручаешь, значит, беседу мне? Ох, батя, батя!»

Для начала показывают квартиру, это уж как заведено у новоселов. Большая прихожая, четыре комнаты, в гостиной книжные шкафы, цветной телевизор. Застекленная лоджия превращена в зимний сад. В кладовке многоцветье компотов, солений, варений — ощущение подспорья для зимнего стола... «Экскурсия» вовсе не выглядит так, что люди хвалятся достатком. Кого удивит сейчас ковер или цветной телевизор? Но радость от простора и комфорта понятнее, если учесть, что первым ереванским жильем Симонянов был в самом прямом смысле «угол». С Сахалина они приехали уже с двумя дочками — Женей и Олей, и до получения собственной комнаты приютит их товарищ Георгий по бригаде.

Квартиру, в которой мы сейчас, предоставил Валентине Викторовне завод «Электроточпри-

СЕМЬЯ КРЕПКА

Татьяна РЯБИКИНА

бор», с которым сроднилась, на выучку к которому приводила всех своих пятерых ребят. Женя почин положила, перейдя после восьмого класса в вечернюю школу и оформившись в сборочный цех. А сестры привыкли брать пример со старшей, так и потянулись гуськом. Даже Витю на время сманили, хотя для него с детства привычной была кабина отцовского бульдозера.

Для Валентины Викторовны незабываемо: перед получением ордеров будущих новоселов волновало, какой этаж достанется. Во избежание обид решили устроить жеребьевку. «Теть Валя, а какой бы ты хотела этаж?» — спросил председатель завкома. Она за столько лет работы уж и для него и для начальника цеха стала тетей Валей: совсем еще мальчишками, до институтов, осваивали они сборку под ее руководством. «Пятый», — помечтала она. И перед жеребьевкой выносятся предложение: Валентине Викторовне Симонян, ветерану труда, лучшей наставнице молодежи и неутомимой общественнице, да к тому же многодетной матери и бабушке, дать этаж по желанию. И не было возражений. Справедливо!

...Сидим в гостиной. У деда на коленях восьмимесячный Сережка. Дед демонстрирует госте Серезжину привязанность: пускай кто-нибудь мальчонку позовет. Протягивает руки мать — ноль внимания, ее целый день видит. К тете Оле тоже не идет, даже к отцу не тянет ручки, улыбается, но пржимается к деду, и Георгий Амаякович совершенно по-детски торжествует. Но вдруг он обнаруживает: жены нет в поле зрения. «Валя! — кричит он раскатиго (потом окажется, что ее на минутку вызвала соседка). — Валя, где ты?» И уже вскопил, и отдал внука, и побегал разыскивать жену...

— Вы поверите, — говорит дочь, — в село приедем к родственникам, ну, мужчины сойдутся своей компанией — поговорить. А бате обязательно, чтобы его Валя была с ним.

— Потому что разбаловала! — Реплика бойкой невестки. — Мы уж и не рады, когда ее нет дома. Объясню бате: «Звонила. У нее заседания женсовета». Или цехком. Нет, он места себе не найдет...

Считается, что супруги, прожившие вместе долго и дружную жизнь, становятся похожи даже внешне, а уж тем более привычками и взглядами. Тут же — единство противоположностей. Георгий Амаякович молчун, а Валентину Викторовну хлебом не корми, дай пообщаться с новым человеком, обсудить фильм или статью, рассказать о заводе и его новых приборах. Муж — человек застенчивый, не любит привлекать к своей персоне внимания. А Валентина Викторовна ярко и доказательно выступит на собрании и так прочтет на заводском вечере стихи собственного сочинения, что все в зале растроганы до слез... Он закоренелый домосед. После работы нигде не задержится, и друзья привыкли встречаться у Георгия дома. Дочери, живущие сейчас своими семьями, не дозвонятся отцу в гости. До Жениной квартиры одна автобусная остановка, но бату если и вытащишь, будет сидеть как на иголках: «Валя, надо домой!» Собирайтесь все в отчем доме, места хватает. Вот тут уж он в своей стихии, обожает сидеть во главе большого стола. А Валентина Викторовна в гости ходить любит, девочек своих навещает — она вырастила их кулиначками, понимает, как им охота похвастать мастерством. Да и по душам надо с каждой поговорить, ведь все торопимся, все наспех. Но... «Валя! Где ты? Засиделись!» Супружество, единая упряжка, которую дви-

гать многие годы вместе... Как же удастся это при «разнополюсности» характеров? Как удастся избежать ссор? А не удастся, говорят мне спокойно, бывают и ссоры и обиды.

Возьмем, к примеру, зимний сад в лоджии. — Как придет с работы, так и колдует тут, — объясняет дочь. — Меняет землю, рассказывает. С ребятишками стирки полно, а он: «Осторожно, бельем не затеняй цветы!»

— Красоту вам развел, — снова встает на защиту отца Виктор, чувствуется, мужчины действуют тут единым фронтом. — Имейте совесть, человек с рыбами расстался.

Оказывается, на прежней квартире у Георгия Амаяковича было несколько аквариумов, устроил все на научном уровне: и отстойники, и фильтры для очистки воды, и «инкубатор» с подогревом. Любители со всего города съезжались. Но на новой-то квартире не предвиделось такого помещения, и женщины начали потихоньку на бату наседать. Сначала баты и слышать ничего не хотел. А потом согласился: рыб не будет. И тем самым продемонстрировал всем членам семьи: нельзя не считаться с теми, кто рядом. Ведь жизнь в семье, даже в самой дружной и здоровой семье — это непременно компромиссы, уступки.

Понаблюдаешь — а разве Валентина Викторовна не подлаживается к мужу? Пошли с нею на выставку, а она поглядывает на часы. Муж, конечно, о выставке предупрежден, но задержись — будет волноваться. «А кто же и поберезет его здоровье, если не жена?»

Такая вот бережность друг к другу. И еще я отметила: хоть и хотел бы Георгий Амаякович видеть жену домоседкой, он ведь гордится ее общественной активностью, ее знаниями. Если на завод приезжают гости, кого просит начальство сопроводить их по историческим местам Армении? Валентину Викторовну. Потому что никто лучше ее не расскажет: у нее и книги собраны по архитектуре и искусству и вырезки из газет.

Удивляет ее начитанность. Да как время выкраивалось при такой семье? Научная фантастика. Философия. Любимая телепередача — «Очевидное — невероятное». Она остается арбитром в спорах и источником информации для бывших своих учеников, получивших уже высшее образование, и для взрослых детей. Приходят дочери в отчий дом — и с порога: «Мама, что дашь новенького почитать?..»

Идет день за днем, и ты вникаешь в уклад семьи. Чем же она держится? Что скрепляет людей воедино, согревает их, делая каждого сильнее, защищенной, интересней?

Непростые это вопросы. И вовсе я не уверена, что все у Симонянов поняла и разгадала. Да и как сформулируешь словами тот стиль взаимного уважения, доверительности и в то же время мягкого подтрунивания, который царит в доме?

Невестка Таня, что называется, вписалась в семью. Таня русская, познакомилась с Виктором в Москве. И знакомы-то были час! Переписывались, потом он прилетел представиться ее родне, она гостила в Ереване. И переманил Виктор в Армению москвичку с мальчишечьей стрижкой и веселыми серыми глазами.

Жить со свекровью и свекром, с незамужней золовкой. Мало ли поводов для недоразумений? И не такая уж Таня тихая, в карман за словом не полезет.

— На свадьбе жених и невеста должны сидеть с постными лицами, не пить и не есть, — рассказывает она мне и давится сме-

хом. — Наша Сатик замуж выходила, такая счастливая, сияющая, а женщины ей шепчут: «Опусти глаза! Не нарушай обычай!» Дескать, рабыня.

— Не рабыня, — возражает Виктор, — просто в девушке ценится скромность.

— Ну что ты защищаешь? — горячится Таня. — А приданое? Собираются кумушки и пересматривают по одной вещичке. Не унизи-тельно?

Зато Тане нравится обряд обручения, когда с невестой и ее родителями знакомятся самые старшие из рода жениха. Сатик знакомили сначала со стареньким дедушкой, он поговорил с нею и одобрил выбор внука... А еще восхищает Таню, как дружны тут соседи. Вот свекровь рассказывала, что младшую дочь Сатеник назвала она в честь соседки по коммунальной квартире. В Новый год весь дом перебивает в гостях друг у друга. То же самое — если вернулся парень из армии, родился ребенок, защищен диплом. И горе разделяют. Собирались свадьба, и вдруг за неделю до назначенного срока в соседнем доме умер старик. Так специально пошли в ту семью попросить разрешения на веселье. Трогает эта чуткость к чужим переживаниям, так...

Да, Таня тут уже своя. Я говорю не об умении пройти в армянском танце или приготовить национальный суп «спас». Согласитесь, этому научиться нетрудно. А вот влести свои планы в планы окружающих, принять законы другой семьи труднее. Тем более что ты оторвана от рабочего коллектива. Таня тоскует без Москвы и каждый отпуск тянет Виктора с ребятишками в свое тенистое Люблино. Тане бы вернуться на работу, к счету-вычислительным машинам, но Серезке всего восемь месяцев. Сложно ли материально? Сложно, хотя муж зарабатывает хорошо. «Увижу модные сапоги — купить не решусь, потому что бюджет у нас общий с родителями и на себя много тратить мне вроде бы неудобно». Спрашиваю, устает ли за день. Если «по науке» для двоих ребят варить, выжимать соки, стирать, гладить, мыть и чистить, весь день как заведенная. Нежданное везение — Ольга. Не человек, а золото! Придет усталая из своего Госстандарта, но и минутки не посидит. Улья так и поглядывает на дверь: «Где моя тетя Ольга?»

У Оли эта потребность нянчиться, жертвовать своими желаниями ради младших с детства. Когда они оравой выходили гулять, во дворе знали: Женя и Оля играют по очереди, малыши под их присмотром. Мать и не беспокоилась, во двор не выглядывала. А иначе ей бы не переделать после работы домашние дела. Муж, конечно, помогал, помогал и до сих пор, его так и зовут «отдел снабжения». Кое-что поручается и сыну. Вечером идет Виктор с Таней и малышами на прогулку (это традиция, не нарушаемая и в непогоду), так обязательно спросит: «Какой хлеб нужен? А песок?»

Спокойное, без упреков распределение обязанностей. Никто не доказывает, что труд у бульдозериста тяжелый: это близким известно. И можешь не сомневаться: они гордятся трудовыми достижениями каждого из членов семьи. Если сильно устал, если плохо себя чувствуешь — отдыхай, тебя никто не потревожит. Свою долю домашней работы сделаешь потом, но она останется за тобой. Так заведено отцом. И интересно, что зятя, выросшие в разных семьях, тоже не бунтуют против такого порядка.

Секреты семейного лада. Непостижимые и простые. Вот один из них. С малолетства дети знали: если ты опоздал к ужину, отдельно

ТРИУМФ ПО-ЖЕНСКИ

мама кормить тебя не будет, ей некогда, разогревай себе сам. Об этом не забывали в азарте игры, спешили домой с занятия кружка или секции. Неизменно во главе большого стола — отец. Неизменно расставляет красивую посуду мама. Ежевечерний праздник общения. Ты узнаешь все, что произошло за день у отца на стройке и у мамы в цеху. И чувствуешь, что рядом родные и любящие люди, которые рады тобою гордиться.

Мне довелось увидеть семью в полном сборе на дне рождения Виктора. Квартира ходила ходуном! Магнитофон то выбивал современные ритмы, то выводил народные мелодии. Ну, скажу я вам, и танцоры собрались! Да что удивляться: Женя и Зоя учились в хореографической школе, от них и сестренки все переняли. Семеро малышей тоже крутятся здесь, их не трогают, не дергают, хотя кто-то ревет, кто-то дерется. Пускай учатся сами разбираться... Валентина Викторовна разругалась, зятя не дают ей сидеть. И даже Георгий Амаякович усмешливо потоптался в кругу. Но ему особенно-то плясать некогда, поглядывает в окно. Там, во дворе, оборудовано специальное место для шашлыка, и сейчас мужчины пойдут разжигать костер. А у женщин пока время поговорить.

«Хотите, объясним, почему нас много? — смеялись сестры. — Родители за сыном охотились, за продолжателем рода». «Но ведь после Виктора еще дочь?» «Да, Сатик проскочила под горячую руку...»

Виктор не только продолжатель рода, но и продолжатель отцовского дела. Вот уже шесть лет работает в том же тресте. Начальство хвалит его, правда, с оговоркой, что до старшего Симоняна пока еще никто из его учеников не дорос. Тот любой несправности диагноз ставил и во многих случаях сам делал ремонт. Одно слово — танкист, знает механизмы до тонкостей. Ничего, опыт и у Виктора копится.

Спрашиваю у Жени: это родители посоветовали ей перейти в вечернюю школу? Ой, что вы, родители даже обижались: «Мы что, прокормить вас не сможем? Ну, не так модно одеваем, не это ж главное». И в институте Женя училась вечером, еще до защиты диплома ее перевели на инженерную должность. Сегодня Женя — заместитель начальника планово-экономического отдела производственного объединения «Электроприбор», коммунист, уважаемый работник, про которого мне говорили: «У нее талант вникать в суть явления». Старшая, она привыкла к тому, что с нее берут пример. Радовалась, что Оля тоже быстро освоилась на сборке приборов и успешно окончила вечернюю школу, что Зюю выбрали депутатом районного Совета, наконец-то ее портрет в газете, что Сатик в первый же месяц работы в ОТК справилась с нормой. Привыкли к любому делу относиться серьезно. И как же эта черта помогает теперь совмещать работу и заботы о семье!

Если полученные каждым из нас по наследству гены определяют рост или продолжительность жизни, не передаются ли генами и такие свойства души, как преданность в любви, самопожертвование? Или эти свойства воспитываются? Не знаю.

Но вот перед нами три поколения одного армянского рода: дед, отец, сын, — и как хочется верить в наследственность! Хочется верить, что передаются из глубины веков по мужской линии готовность защищать родную землю и трудом своим делать ее краше, уважение к старшим и нежность к детям. А женщинам этой семьи наготовили приданое и предки-армянки, и стойкая бабушка-полька, и русская бабушка Ксения Дмитриевна, в юности батрачка, а потом работница «Парижской Коммуны», которая полетела к дочке на Сахалин нянчить внучек, хотя до того даже на поезде не ездила...

Какие необыкновенные судьбы переплелись в истории одной обыкновенной семьи!

Сильнее всех городов на свете она любит свой небольшой южный город: здесь родилась, выросла... Но главное — здесь море и долгое-долгое лето. А летом ходишь полуголая, в легких платьях и чувствуешь себя шестнадцатилетней. Это ли не блаженство? Это ли не подарок судьбы? И в двадцать пять, как шестнадцатилетняя, и в тридцать, ну и так далее...

В этом году тепло где-то там подзадержалось, но в конце концов вспомнило о своих обязанностях и прихлынуло к их городку, сработав первый по-настоящему летний, купальный денек.

И она пошла. Нет, полетела. В ярких клеенчатых босоножках, в цветастом платье без рукавов, в соломенной шляпе, с мохнатым полотенцем и Аленом Делоном, который улыбается направо-налево. Ален Делон припечатан к холщовой сумке достаточно скверной краской, и оттого его патентованная улыбка малость размазана, словно Ален ел вишни и измазюкался. Но это-то и хорошо и бесценно: дрянная вишневая краска, едва похожий на себя красавец француз, сварганенный энтузиазмом неких предприимчивых артельщиков. Это-то и прекрасно, что можно лишний раз усмехнуться и подумать, что жизнь, в сущности, довольно забавная штука и не следует ее постоянно принимать всерьез. Ее, а значит, и себя в ней. Во всяком случае, паузы уместны, такие вот небольшие передышки...

Итак, она летит к морю. И прилетела и принялась пробираться между лежащими, стоящими, сидящими, тучными, костлявыми телами туда, где публика молода и обворожительна, словно сотворена только что, где, несмотря на густой, одурманивающий зной, энергия бьет ключом.

Она предпочитает молодость. Впрочем, это только одна и не основная причина, почему она раздевается среди молодежи. Основная же причина...

Да нет, ей вовсе не шестьдесят, как, может быть, вы подумали... Она вовсе не старуха, хотя время ее идет, бежит, несется, черт его побери! Но и ваше тоже ведет себя не лучше...

Ей сорок. Ну какая же это старость? Но вы сами знаете, как иные выглядят в этом возрасте. Серая кожа, тусклые волосы, кое-как замотанные на затылке, шершавые руки, живот торчком, обвислые плечи. Чур меня! Чур!

Так вот, в свои сорок она выглядит как надо. Она выглядит так, что ей нисколько не совестно раздеваться среди молодых. Стремительно, беззаботно скидывает в песок шляпу, платье, босоножки и остается в голубом купальнике. Кудри у нее рыжие. А голубое освежает рыжину, как известно. Все обдуманно, как видите. И пусть ее рыжина искусственна, на пятьдесят процентов усилена лондатомом, маскирующим седину, но общий вид-то все равно что надо.

Живот? А у нее нет никакого живота. Хоть стучите. Упруго и крепко. Грудь? Тоже в приличном состоянии. Ну, ясно, это не совсем то, что было когда-то, но все-таки далеко не худший вариант.

Вы хотите сказать, что в наши дни при отсутствии военных бедствий не такая уже это и невидаль — хорошо сохранившаяся сорокалетняя женщина? Мол, подумаешь, в период неуклонного роста благосостояния трудящихся, когда кругом столько кремов, шампуней всяких...

Погодите. Не торопитесь. Не уподобляйтесь Мише Подрезову. Миша Подрезов вечно наспешит и наоставляет в гранках тьму ошибок. За ним глаз да глаз! Но ладно бы грамматических! Выручим. А то ведь умудряется фамилии своих героев переворачивать и не заметить! И пошла машина тиражировать его жутких «блех!» Корректорам откуда же знать, правильно или нет он выписал фамилии из блокнота? Все равно обижается, будто это мы его и подвели. Из-за нас редактор — на ковер его и разговор в приказе... Легкость на обиду необыкновенная. Как же! Будущего великого писателя по пустякам дергают! Да как они смеют? Мелочь, мелюзга!

...У моря, у самого синего моря. В голубом купальнике. Достаточно стройная. Не лежит — стоит. Но эти, молодые, прекрасные, сколько их ни есть — на нее ноль внимания, разумеется. Плевать им на нее — вот что она отчетливо читает в их мимолетных, рассеянных взглядах.

Все правильно. Молодые и должны заниматься молодыми. Да и как бы она ни сохранилась, разве можно хоть на миг поставить ее в один ряд с этими очаровательными девчонками, у которых такие окладные, ломкие фигуры. Ей ли конкурировать с ними? Экая глупая самонадеянность! Экий несурзанный риск!

И все-таки не торопитесь, не торопитесь...

— Мамаша, подвиньте, умоляю, свои вещички! Джю-джю.

Она не вдруг соображает, что обращаются к ней.

«Мамаша»... Юный Гераклес в черных очках и оранжевых плавках желает растянуться на песке во весь свой замечательный рост.

«Мамаша»... Ах ты, свиненок!» Подвинула, однако. «Джю-джю». Что по их, по-сверхсовременному, означает, должно быть, «чуть-чуть».

«Свиненок» раскинулся блаженно, забыв про «спасибо».

Обидеться? Упрекнуть? Размитинговаться на тему, до чего ж неуважительная молодежь пошла? Еще чего! Дешевизна! Она стоит,

как стояла, «руки в боки», как говаривал учитель физкультуры. Она уверена в себе вопреки очевидному. Она знает: ждать остается недолго. Вот сейчас, сейчас, в ближайшие минуточки, она задаст всем этим беспечным юным, самовлюбленным дикарям! Они свое получат! Небольшой такой, нечаянный урок.

Что? Она не имеет права покушаться на их безмятежный покой? Не имеет права слегка подрасстроить эту трогательную, затянувшуюся идиллию? Это почему ж? У них — все права, а у нее, выходит, — никаких? Робеть и смущаться своего возраста — только это и обязана она испытывать в их присутствии? Завидовать их юности и восторгаться их юностью? Пожалуйста! Завидуйте, робейте, восторгайтесь, если вам это нравится! Если вам от этого одно сплошное удовольствие! А она не хочет! Не желает! И не будет!

— Ма-ма-а-а!

Вот оно, начинается!

— Ма-ма-а-а! — крик требовательный, азартный, командирский.

Она поворачивает голову и вскидывает руку. Перепрыгивая через чьи-то конечности, головы, разноцветные тряпки, к ней мчится мальчишка, крепенький, смуглый, как представитель братского кубинского народа. Алешка-Киношка, Дай на Морожко, Лексей-Чумазый, Лешик-Хорошик. Он прижимается к ее щеке горячим, залыхавшимся ртом. Не подтягиваясь на цыпочки, как прошлым летом. Не сын, а целый сынище. Она чмокает его в бедовый карий глаз и кладет руку на его стойкое, друженное плечо.

А юные рыцари? А их прелестные дамы? Юные рыцари не сводят закабаленных глаз со своих нарочито скучающих красавиц. И тем и другим до лампочки все остальное.

Ничего, ничего! Это, как говорит Миша Подрезов, только проба пера. Продолжение в следующем номере! И мы посмотрим, кто кого.

— Ма-ма-а! — звенит над пляжем тонкосенный страдальческий голосишко, умоляющий вернуть былое счастье, не меньше того. И через минуту к ее коленям прижимается изо всех своих глупых, ревнивых сил самое голубоглазое, самое невозможно какое вздорное существо в мире. Девуца Анастасия. Туся-Туся-Плакуся-Крикуся, Тася-Тасюха-Муха-Цокотуха.

Ну и как там, в публике? Ага! Объявились первые любознательные взгляды, полетели шепотки:

— Это ее дети? А с виду такая молодая... Надо же так сохраниться...

Девушки как проснулись. Еще недавно вконец зачарованные собственной молодостью, казавшейся им могущественной и всепобеждающей, насторожились и заглядывали на нее. «Джю-джю» зависимо, конфузливо и с некоторым испугом даже. Сдаются потихоньку, голубушки, готовятся, без особой охоты, разумеется, признать ее «ужасные», «унылые» сорок лет (знаю я вас, не отпретесь, сама такая была!) достойными соперничать с их персиково-миндальными восемнадцатую.

Однако что вы, милые? Разве ж это все? Легко отделаться соборисью, прелестницами! А ведь не выйдет! Не дам! Я еще только набираю высоту.

— Эге-гей! — басово гремит над пляжем. Как бы боевой клич, призыв сражаться до победного конца.

— Сюда, Коля! Сюда! — отзывается она незамедлительно, а попутно рекомендует, усевествливает: «Не надо, не самообольщайтесь, милые, не шепчитесь, что, может, это всего-навсего мой младший брат. Ну и что ж, что ему двадцать, ну и что ж, что он выше меня в полтора раза... Тем не менее это просто Кокоша-Тотоша, Колюша-Крикуша, Воеводин Николай Михайлович, баскетболист-разрядник, будущий кораблестроитель, пожиратель пирогов с капустой, мой старший сын».

— Квартиру заперли? Свет выключили?

— Все о'кей, ма!

«Ну как? Получили? Здорово я вас? Ага! Притихли, призадумались...» Юнцы наконец-то оторвали рабские взгляды от беспечных подружек, к ней присматриваются, соображают и, возможно, сравнивают. Ее — с ними, со своими бесподобными девочками... Ну и как? В чью пользу счет? А, дети мои? В их или в нашу? Проверим и уточним...

Нет, нет, никакого подсуживания. Что, мы уж такие слабаки, что ли? Наша окончательная победа должна быть убедительной. Или — или...

Ага! Робкими, совсем детскими стали глаза у девушек. «Вот это женщина! — отчетливо читаю я в ваших присмиривших взглядах. — А я? Что есть у меня, кроме молодости и упоения молодостью? А дальше? Когда эта драгоценная горстка просеется сквозь пальцы, как песок? Ведь просеется же... Что обрету? Смогу ли преодолеть и преодолеть? Или быстро увяну, сойду с беговой дорожки? Что-то будет со мной в ее возрасте? Что-то будет?»

Наша взяла, дети мои! Полный триумф! Помудрели, голубчики, повзрослели даже, можно сказать! И переоценили ценности. На негласном, грозном конкурсе победила она, сорокалетняя, так уверенно и чисто, как побеждает тренированный пес в расцвете зрелых сил среди грациозных, шаловливых, бестолковых щенков.

Да нет, она вовсе не разыгрывает здесь, на пляже, заранее отработанный спектакль. Просто, уходя из дому в этот первый по-настоящему летний денек, предложила детям, которые, гремя ступнями, усаживались завтракать:

— Жду вас у Круглого камня. Начнем купальный сезон. Как вы?

— Вот здоровско! Мам, ты гений, — заорали они, потому что им привалило счастье: во-первых, получили официальное разрешение лазать в море, во-вторых, возможность плавать вместе с ней.

Как ни странно, они предпочитали ее компанию. Впрочем, ничего странного, она же «здоровско» плавает, ну прямо чемпионски, ее даже отец Генки Гусакова догнать не смог. Детям, представьте, необходимо знать, что их родители в чем-то превзошли всех прочих родителей. Ух, какие они бессовестные хвальбушки! А может, тут весь секрет в том,

Рисунок В. СКРЫЛЕВА.

что вера в возможности родителей укрепляет их собственные силы? Как бы то ни было, приходится соответствовать.

Николай, разумеется, слушает вопли младших с улыбочкой. Брось, Колька! Не возносьтеся уж очень-то! Сам-то какой был не очень уж и давно? Да и сейчас,—давай без дураков, мой большущий сынище,—разве тебе так уж безразлично, как смотрится твоя мать со стороны? А не ты ли заставил меня засунуть подальше выцветший сатиновый купальник и раскошелиться на этот голубой «эластик», «чтоб не хуже, чем у других»? Ну то-то... Пристрастен, еще как пристрастен... «Шире грудь, ма! Подбородок вперед, ма! Парадным шагом марш!» Слушаю и повинуюсь! Все-таки родимый сын. Он плохого не посоветует... Тут уж хочешь — не хочешь, а победишь.

...До капли испив чашу своего торжества, она натягивает резиновую шапочку и в окружении детей бросается в море. Не отставая от них, плавает наперегонки, ныряет, куврыкается, брызгается, дразнится и смеется. А потом уходит с пляжа под окончательно сраженными взглядами будущих мужчин и будущих женщин.

Куда уходит? Если бы ответа требовал личный листок по учету кадров, она бы написала в нем: «Держать корректуру в городской газете «Знамя труда».

Вроде бы и правда. А на самом деле — так, ее краешек, уголок. На самом деле она уходит слушать обиженное, монотонное сопрано подчитчицы Оленьки Сидориной, случайного человека в их деле, и сдерживаться, сдерживаться из последней мочи, чтобы не послать ее к черту. Ловить «блех» в свеженалеленном на бумагу петите, пачкающем пальцы и голые локти. Бегать с выправленными, шелестящими на сквозняке лентами гранок в типографию. По металлической лестнице с поручнями, похожей на корабельный трап. Напряженный, тугий гул типографских машин и впрямь вызывает удалое ощущение хода наперекор упорствующей водяной стихии курсом куда-нибудь на Гавайские острова или на Лазурный берег. И дышать запахом типографской краски, вкусным, вечно свежим запахом новизны, открытий, внезапностей. И вспоминать, когда вдруг вырубится пустое время между гранками, а Оленька Сидорина сунет в рот сигаретку и отправится в коридор изображать из себя непонятую кинодиву из очередного заграничного фильма.

Оленьке мерещится, что она на верном пути к сердцу Миши Подрезова, будущего величайшего романиста всех времен и народов, когда на ее искусно подрисованном, смазливом личике заодно с гримом наложен слой безмерной печали и немножко брезгливого снисхождения к окружающему. И Миша вроде бы уже клонул на эту нехитрую приманку. А если еще не клонул, то клонет обязательно. Миша из тех мужчин, кого хлебом не корми, а только поощряй их неиссякаемую веру в собственную исключительность. Оленька и поощряет, терпеливо, добросовестно изо дня в день...

...Бог мой, чего только не знаешь, чего только не понимаешь в сорок лет! А чему удивляться-то? Что только не произошло с той поры, когда сама впервые села на бархатную, залощенную подушечку подчитчицы! Есть что вспомнить. Есть...

Она знает, как вибрирует от нежной растерянности мужской голос, когда произносит словно последние свои, предсмертные слова: «Я люблю тебя...»

...Как не тесно и весело спать с любимым на ухабистом, продавленном диванчике, просыпаться от щекотки поцелуев и смеяться без удержу хотя бы потому, что уже полдень, а в доме ничего, кроме скисшего молока и зачерствевшей булки, которые, впрочем, оказываются исключительно аппетитными.

...И как потеют корни волос, и шея, и ладони, когда тужишься, стараясь, а старая, усталая акушерка ворчит: «Не кричи! Не маленькая. Работать мешаешь».

...И как одинок и потерян в высокой, деловой пустоте родильной палаты первый заносчивый вскрик новорожденного.

...И как милы до слез кривые строчки на листке: «Женушка, родная! За сына во-о-о какое спасибо!»

...И как отравленно бьется сердце, когда шестнадцатилетний сын не вернулся домой до полуночи.

И так далее и тому подобное... А если вспомнить, как они болели...

В корректорскую входит Оленька Сидорина с ворохом свежеепеченных гранок. И хорошо, что входит: о болезнях лучше не вспоминать.

— О, Ольга! Ты мне навязываешь прямо-таки олимпийский темп! Все премии за полугодие наши!

...После работы, уложив очки в футляр, а футляр — в сумку, так, чтобы ненароком не выронить, не раздавить, — основное оружие производства как-никак, — она бежит по магазинам, в кулинарию, варит, жарит, кормит всех троих, распределяет вечерние обязанности, пускает в ванной воду на замоченное с утра белье. И между делом спрашивает у Алешки, с кем подрался, откуда синяк, где взял волейбольный мяч с импортным клеймом, почему не сказал соседке «здрасьте», объясняет, какой общественный резонанс получают грязные уши, перочинный нож в кармане, мятый бант: «Это уже к тебе относится, Анастасия!» — и наоборот, чистые уши, обстриженные ногти, глаженный бант, вынесенное по собственной инициативе ведро с мусором.

Николай домывает посуду, надевает белую рубашку, с приятным шорохом расклеивая крахмальные складки. Он идет на танцы в пансионат «Голубая волна».

— Коль, ты уж смотри там...

— Опять, ма... Ты погляди, погляди! — Он сжимает кулак и с усилием пригибает к плечу. Бицепс встает бугром. — И пожалей тех хулиганов, которые решатся полезть. Пожалела? Ну и молодец!

Чмокает ее в макушку и пропадает за дверью. Алешка вытирает кухонный стол, раскладывает марки, выискивает те, которые стоит обменять, вздыхает, сопит, елозит по табурету — менять охота, а все равно жалко. Безумная, неистребимая борьба страстей.

Туська пока обходится без хобби и, несмотря на то, что читать уже умеет, предпочитает слушать, как это делают другие.

— Мам! Когда кончишь картошку чистить, прочитаешь мне про Мюнхгаузена? — каночит она. — Мам! А у меня зуб шатается. Потрогай!

— У меня руки грязные. Потом. Когда дочисти.

— Все потом да потом. А он потом перестанет шататься и выпадет, а ты так и не потрогаешь. Я же тебя по-человечески прошу.

Туськина логика сокрушительна. Ты на миг локтем прижимаешь к себе ее восторпанную голову с сократовским лбом и квелым бантом и покорно идешь к крану...

Наконец, все: кастрюля доверху полна голеньких картофелин, чудесно белеющих сквозь прозрачную воду, Мюнхгаузен прочитан почти до половины, Туська спит, подсунув ладошку под подушку, там припрятана книжка-фаворитка, так надежнее, знаете ли, а то мало ли что может случиться до утра.

Алешка тоже уснул. Лег поверх одеяла в одних трусах и как окаменел. К Алешкиному оттопыренному уху можно приставить трубу и дунуть — не проснется. Но стоит прикрыть его ноги легкой простыней — заворочается, собьет простыню на пол.

А ведь все! Финиш! Она отбегалась и свободна, как бабочка! Самое время пожить для себя, в полное свое удовольствие.

Снимает платье, надевает ночную рубашку, забирает волосы под широкую резинку, присаживается к зеркалу, открывает баночку с кремом и тщательно, осторожно, как рекомендуется в бумажке, вбивает крем в кожу лица подушечками пальцев. Затем наматывает волосы на бигуди. Потому что, если уж со всей откровенностью, кудри ее создаются ежедневно с помощью крепкой накрутки.

Засыпанное прежде бигудями письмо лежит теперь в дне коробки избранно, запылено и многообещающе, как вдруг обнаруженный клад. Оно лежит не тронутым со вчерашнего вечера... Какая выдержка у этой женщины! Какая железная выдержка! Не так ли? Самое лучшее, правильное, достойное — никогда не распечатывать это письмо, а разорвать и выбросить. И все предыдущие письма тоже в клочки и по ветру.

Но куда ей! Она ни разу не поступила столь разумно и справедливо. И опять вот дотерпела какие-то сутки и все-таки не одолела соблазна, потянулась к конверту. Глянула на Алешку, который продолжал спать поверх одеяла. «Да отстаньте вы от меня! Не надо мне вашего одеяла! Я теплокровный, как папа. Папа тоже не любил спать под одеялом. И сон у меня каменный, как у папы». И снова, как много раз до этого, ей почудилось, будто не конверт взяла, а плеснула ей в руки теплая, легкая, дальнего разбега волна.

«Помню, помню! — samozабвенно вторит Алешке Туська. — Я всего папу помню! Папа не любил! Папа всегда без одеяла!»

«Вот завралась! — обрубает брат-правдолюбец. — Откуда ты-то все это знаешь? Это все еще до тебя было. Ты еще на свете как следует не объявилась! Вот врет, вот врет!»

Теплая волна откатилась, белый конвертик потяжелел, оттянул руку камнем. «Дура! Дуреха! На что надеешься? Чего все еще ждешь? Ведь не на что! Нечего! Ясно тысячу раз!» Но когда развернула письмо, теплая волна — раз! — и окатила ее всю с головы до ног, ослепила, так что не сразу глаза нащупали первое слово. А как только нащупали — помчались опретью от строчки к строчке... А вдруг?

«Приветствую тебя Света! Ну и как? Все еще считаешь себя лучшей из лучших и что поступила правильно дав мне от ворот поворот а сама тянешь ляжку и делаешь вид что тебе легко как птице в небе. Давай давай. Ты ведь у нас гордая. Только непонятно чем тебе особенно гордиться. Семью не сберегла и туда же. До тебя все еще не доходит что поступила глупо нерентабельно людям на смех. Эх ты. Другие женщины еще с какими алкоголиками живут и ничего не фыркают а ты расплевалась со мной со своим мужем отцом своих детей. А разве я пью? Я выпиваю. И умная бы женщина не портила бы из-за такого пустяка мужу кровь а детям жизнь. Но меня не проведешь. Ты свое получила. Наревелась в подушку когда меня разогнала и продолжайешь реветь. А я ничего. Меня с руками женщины рвут. Тут на Севере мужчины особый дефицит. И никаких нотаций не читают. В настоящее время живу с такой красавицей что тебя с ней рядом смешно поставить. Сама машину водит сама мне коньячишко покупать рада. А ты перемудрила как последняя истеричка и вышла полной дурой со знаком качества. С чем тебя и...»

И дальше все в таком же роде. Без запятых, как бы на одном

дыхании, залпом, словно это возможно. А все от неуверенности, что на этот раз уж наверняка разнесет вдребезги... Вот глупый.

Но он, конечно, не преувеличивает, когда говорит, что тоже много чего знает и понимает. Однако не все. В том-то и горе, что есть такое, чего он не понимал и не понимает.

Сколько способен проглотить человек? Ой-ей! Особенно, если у него двое детей, а потом трое. Особенно, если девочка еще не выучилась говорить «мама», но вот-вот выучится, а по правилам, как известно, за словом «мама» ее следует научить слову «папа»... Мать, женщина может очень-очень многое проглотить. Вы даже и не представляете, чего и сколько. И «дуру», и «истеричку», и «пошла ты к...».

И она глотала. Добросовестно и неумолимо. С того самого дня, когда ее сильный, красивый, удачливый муж впервые нетвердо перешагнул порог, швырнул чемоданчик, рванул китель так, что разлетелись сияющие гербовые пуговицы, и фальшиво-торжественно возвестил:

— Аут! Приземлились! Кончился командир корабля, летчик первого класса Михаил Воеводин, списан на землю согласно заключению медкомиссии! Изжеван и выплюнут! Ур-ра!

— Миша! Что с тобой? За бутылку... Но ведь это же не выход... Сядем, подумаем... Миша! Родной! И на земле люди живут, между прочим... И неплохо... Тот же Игорь Рукавишников. Когда списали — как переживал. А теперь работает на междугородном «Икарусе», веселый ходит, довольный...

— Рукавишников! А я — Воеводин! Есть разница? И вообще — необразованность твоя... бр-р... В России, милая, порядочные люди издавна при давлении обстоятельств... бутылку на стол! Обижен! Низринут! К черту нравоучения, поучения, инструкции, кодексы! Буду веселиться! Не хочешь? Хочешь речи толкать? Ах, ты, оказывается, из тех, которые думают, что все знают, кому чего вредно, кому чего полезно? А я с тобой сиди, выслушивай? А ежа жареного не хочешь?

Женщина, мать, может столько всего проглотить... И во имя того и во имя этого. Но в конце концов наступает момент, когда — все, больше не глотаешь. Ты бы с радостью, может быть, и еще, а только некуда, с верхом, через край...

Вот этого он и не учел. Потому и не ленится, пишет письма, повторяется... А она давным-давно сыта-пересыта.

Идет в кухню, рвет письмо, а клочки сжигает в пепельнице.

За окном — квадрат темени. Памятник тому, что было да сплыло. И где-то там, в неизвестности, — Николай. Сколько раз он уходил и возвращался безо всяких историй! Взрослый же парень, вполне сознательный, достаточно собранный, а не какая-нибудь размазня и тряпка. Можно же прилечь и хотя бы подремать?..

Где там! Вроде штопаешь Туськины колготки, вроде вдеваешь новую резинку в Алешкины плавки, вроде «Роман-газету» почитываешь, а на самом деле ждешь и не веришь, что и на этот раз все обойдется, и каждый твой жалкий нервик на карауле, каждая жилочка на пределе. Как с фронта ждешь, с театра боевых действий. Смешно? Смейтесь...

И вот он — еле слышный поворот ключа.

— Коля! Пришел...

Срываешься со стула, бросаешься навстречу, готовая то ли смеяться, то ли реветь в голос, и хватаешь его, и обтрагиваешь, чтобы всем телом, а не только глазами, убедиться, что в целостности и сохранности.

— Ма! Ну разве можно уж так, ма? — ворчит он, глядя на нее сверху вниз с искренним соболезнованием и таким же искренним раздражением. — Я, получается, ни много ни мало — преступник. Не даю родимой матери-труженице выспаться. Ну жизнь...

— Тихо! Тусю разбудишь! — шепчет она ему расслабленными, счастливыми губами. — Чайник горячий, пей.

Девушку Анастасию разбудить никак нельзя. Девушка Анастасия — существо ужасно чуткое. Вскочит и с закрытыми глазами лепечет вздор. И потому она, мать, проходит в спальню без единого звука, забирается в постель осторожно, как, положим, опытный минер или разведчик в тылу врага. В последний раз прислушивается к Туськиному дыханию, убеждается — не сопит, не подхрапывает, значит, нос сухой, простудой не пахнет, пронесло...

...Засыпая под дальний, в кухне, шелест газеты, которую Николай вздумал читать по обыкновению среди ночи, припомнила, как сегодня выставлялась у Круглого камня. Подумала: «Хо-хо... Если бы те, на пляже, молоденькие-премолоденькие, персиково-миндальные, знали обо мне все? Вот бы вытаращили глазки! Ой-я-я-я! Только зачем им знать все? С какой стати? Всею свое время...»

И вдруг, вроде вовсе без причины, под закрытые веки набежала горячая влага, по горлу прокатилась судорога готового вырваться наружу рыдания. Но — Туська... Но — Николай... Зажала горло рукой, подождала, проморгалась и то ли попросила, то ли потребовала: «Не надо! Не надо им знать все-все, что знаю я! Они же так верят! Надеются! И мальчишки... Мальчишки тоже хотят быть счастливыми. И чтобы рядом с ними было хорошо, надежно, поправимо. Не всегда знают, как, что, каким путем, вспыхивают, гаснут, взлетают, падают, отчаиваются, но опять рвутся, надеются... Им надо помогать... Им! Очень и очень! А женщины как-нибудь сами себе помогут...»

НАТАЛЬЯ ГУНДАРЕВА: В ГРИМЕ И БЕЗ ГРИМА

Когда мы начали ходить в кино на Гундареву? Кто-то запомнил ее дебют — буфетчицу Надю — в «Здравствуй и прощай». Кто-то стал ждать ее нового появления на экране после «Осени». Фильм заметный, нашумевший, только сейчас напрягаешься, вспоминая: что же там происходит с главными героями? А память невольно проявляет образ не главный — хозяйку деревенского дома — прекрасное лицо в рыжих веснушках. То недоумение на нем: какие-то непонятные люди поселились в доме. То огорчение: не так все у них, плохо. А вот оно

все светится — рядом муж, можно прижаться к плечу. И мы слышим тихий переливчатый смех, так умеют лишь дети смеяться в своей безотчетной радости. Совсем нелегкая жизнь у доярки Дуся. Но, видно, одарена умением чувствовать то, что испокон веку наречено счастьем, а мы порой вроде и не замечаем его, утрачиваем в мелких передерягах, журавля непременно хотим, того, который в небе.

После «Осени» приходили на «Мосфильм» письма: спасибо режиссеру Андрею Смирнову, что снимает не только артисток, но и простых наших колхозниц. Так естественна, так органична Наталья Гундарева, что кажется, всю жизнь прожила в деревенском доме, что от ее деревенского опыта такой характер.

А какой опыт? Родилась и выросла в Москве, на Таганке. Бегала в кружок художественного слова, в театр-студию при Дворце пионеров. Пошла работать в КБ учеником чертежника, сменив дневную школу на вечернюю, готовилась в строительный институт, но вот уговорили ее — «Не беги от себя» — поступать в театральную. После училища имени Б. В. Шукина была приглашена в Театр имени Вл. Маяковского. Честь, когда приглашает Гончаров. Мастер. Скоро и кино вошло в ее жизнь. «Отними у меня сейчас кино или театр — страшно», — услышу от Натальи Георгиевны.

И все-таки в работах Гундаревой чувствуешь то, что дается не просто хорошей актерской школой, но всем лично пережитым, накопленным. Без этого, кажется, не заставишь поверить зрителя в реальность своих героинь. А гундаревские женщины прежде всего реальны.

Реальна Анна Доброхотова из «Сладкой женщины». Роль заострена порою до гротеска, но это тоже работает на ощущение «все по правде». Оглянитесь и увидите рядом Доброхотову. Точное социальное попадание! Мало ли таких женщин, работающих, энергичных, а все помыслы — устроиться «по-людски», «по-людски» обставиться, украсить; если прибил из деревни — разом получить все заманчивые городские блага, разом все нажить, а потому, где можешь, урви, не стесняйся. Сына побоку, чтоб не мешал. Голос мужа, прекрасного, доброго человека, лучше не слышать, мешает приобретать, потреблять. Вот уже все желанное — мое! Но с чем остается Анна? Заменят ли вещи духовные потери, духовный недобор?

Реальна Катя из картины «Вас ожидает гражданка Никанорова». Несамостоятельная, беспутная в глазах односельчан, летит, как мотылек на огонь, навстречу любви. Все ей кажется: вот она, любовь, настоящая, единственная, вот она, пристань. Обжигается, мучается, чтобы снова лететь. Не дает покоя нерастратенная женская нежность.

Реальна Надя Круглова из «Однажды, двадцать лет спустя». За Надю, за лучшее исполнение женской роли, актриса получила приз на IX Международном кинофестивале в Варне.

Заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР (удостоена за работу в «Осеннем марафоне»), лауреат премии Ленинского комсомола — все это за одиннадцать лет работы в театре и кино. Актерское мастерство — это и стихия таланта, и способность слышать режиссера, и личностная позиция: что я хочу сказать каждой своей ролью? Мелькают в газетах интервью с популярной актрисой, и из ее ответов стараешься понять: какая она, Наталья Гундарева, что за человек, что за личность.

Однажды (еще до знакомства) еду в троллейбусе, поднимаю глаза, передо мной — сама Гундарева. В платочке, в шубе, на лице никакой косметики, поэтому сразу видишь — устала. Так, наверное, все мы, женщины, выглядим после работы. А она скорее всего из театра возвращается — именно в этот час заканчи-

ваются утренние репетиции. Троллейбус притормозил у зоопарка, и Гундарева «прилипла» к окну. Осень уже совсем раздела деревья, открылся глазам пруд: на черной осенней воде — лебеди, ослепительно белые на черноте. Мы поехали, и она подалась вперед, вытянув шею, провожая глазами лебедей.

Тут пришлось себя одернуть: «Подсчитываешь? Не стыдно?» Какую непереносимую жизнь создаем мы актерам! Увидим знакомое по экрану лицо, и весь такт вон, как пар из пробирки. Чувствуешь: неуютно знаменитым от «глазеныя». Но порой другое увидишь — суетное беспокойство: заметили тебя, не заметили, отметили, не отметили? А здесь ни первого, ни второго, едет себе спокойно и едет, как все.

И потом, общаясь с Гундаревой, удивлялась: нет в ней той особой нарядности, которой, по утверждению Немировича-Данченко, и самый интеллигентный актер не избежит. Вся повадка актера — повадка существа особой касты. Потому что и голос у него хорошо поставлен и жест «какой-то более законченный или, наоборот, как-то красиво недоговоренный»... Правда, объясняя все это, Владимир Иванович добавлял: «чем меньше у него искренности на сцене, тем искусственнее он и в жизни»...

— Трудно быть знаменитой? — не удержалась от этого вопроса.

— Не знаю, — повернулась ко мне от зеркала. Без зеркала, одним движением, пригладила прямые на пробор волосы, стянула сзади заколки. — Не чувствую себя знаменитой. Хотя, бывает... Плохое настроение, а тебя, как нарочно, взгляды пронзают. Дышать некогда, а тебе письма летят: «Сколько вам лет? Ваше семейное положение? Давайте переписываться»... Забежишь в ресторан — есть хочется, — и вдруг обнаруживаешь: за тобой следят. Ну все, сейчас помидор будет на платье...

Мы разговариваем в маленькой артистической уборной под гул динамика. Это сцена гудит: перестук молотков, скрежет, команда за командой. «Попробуйте ветер!» И вдруг:

— Наталья Георгиевна! Наталья Георгиевна!

— Пора! — взлетела со стула.

И теперь перебивает все голос Андрея Александровича Гончарова, громовой, раскатистый в пустом зрительном зале.

— Наташа, Наташа, торгуйтесь! Важно не продешевить...

— Наташа! Наташа! Проверьте реакцию. Вы предлагаете — а вам что в ответ? Проверяйте!..

— Именно так, Наташа! Волнуйтесь! Молодец!..

Идет прогон спектакля «Молва» по пьесе Салынского. Анонс в театральной витрине давно обещает нам: скоро! А маленькое расстояние до премьеры требует больших сил. Все выложи — выложись! Может, поэтому никак не может разделить Гундарева свои роли на любимые и нелюбимые, на дорогие и недорогие. Что ни новый спектакль, «Гончаров не жалеет своих мозгов и нервов, товарищи сердца тратят, и я вместе с ними. Фильм уйдет, оторвется. Можно совсем со стороны на себя взглянуть. Присядешь у телевизора — это я? А глаза у меня теперь совсем не такие, как меняет глаза возраст! На спектакль со стороны не глянешь. В сотый раз играешь — волнуешься, как в первый».

...Утренняя репетиция окончена. Вечером снова прогон. Только и успеешь съездить домой, в магазин забежать по дороге, и снова — пробуй жить по Садофьевой. Интересно, какую Садофьеву покажет нам Гундарева? Полудлинная юбка, деловой жакет — приметы двадцатых годов. Лариса Максимовна Садофьева — управляющий лесоторговой базой. Лихая баба, бывшая кавалеристка. Рука еще помнит шашку — именное оружие, но уже ловко тран-

жирит государственное добро, под себя гребет, для красивой жизни.

— Вы смотрели «Молву» в ЦТСА?
— Нет. И не буду пока, не могу. Когда мы работали над булгаковским «Бегом», пошла в «Сатиру», они уже поставили этот спектакль. Люську, походную жену генерала Чарноты, играла Таня Васильева, хорошая актриса. Но вижу, так много у нас с ней похожего! Вероятно, оттого, что образ Люськи у Булгакова вполне определенный. Расстроилась! Роль у меня уже выстроена, выстрадана. Что же делать? Менять? Лишь бы было непохоже? Органичность разрушится — с холодной головой не войдешь в роль, не проживешь в ней.

— А как это получается — «войти»?

— Завтра «Леди Макбет», а я уже не в себе, подавлена. В день спектакля — еще хуже. Пыталась разобраться: отчего такое? Все сделано, все знаешь, но рызет неуверенность: как кривая вывезет? И спектакль прокручивается в голове. Нет, думаю, так нельзя, с чем после этого выйдешь на сцену? Кому-то перед спектаклем необходимо сосредоточиться, отдохнуть, а я поняла, что мне лучше устать в этот день, нагружая себя до предела. Устала — успокоилась. Теперь можно настраиваться на выход.

Спектакль «Леди Макбет Мценского уезда» по одноименному очерку Лескова и в самом деле завтра. Как на кустодиевской иллюстрации, выгляет в узорчатое окошко Катерина Измайлова, жена купеческая, краса, взперти томлящаяся, изнывающая от скуки. Сбежит грациозно по лесенке, еще не подозревая, что вот-вот попадет в объятия к молодому приказчику. Не жалеет актриса красок для Катерины — вальяжная, нежная, задыхающаяся от любви, защищающая ее, как тигрица, не дрогнув, управляет на тот свет свекра, мужа, больного мальчишка. Нет, не будем мы страдать такому чудовищу в час возмездия. Но Катерины муки отзываются в нас ощутимой, физической болью — каково же актрисе, несущей нам это?

После спектакля мысленно возвращаемся к Лескову, его очерку. Он написан сдержанным пером. И, может быть, как раз безыскусность, с которой рассказано про Катерину Измайлову, поднимает ее историю до высокой трагедии. Видишь жертву среды, где один закон: не ты — так тебя. Но вот не помнится той боли, которую оставляет Катерина — Гундарева. Может, это уже не по Лескову?

— По Лескову. Я шла от Лескова. Кстати, у него в переписке нашла прямые слова о том, что Катерину надобно не только осудить, но и пожалеть. Не могу я, да и нельзя выступать прокурором по отношению к своим героиням.

В «Подранках» — помните, фильм Николая Губенко — у Натальи Гундаревой была эпизодическая роль. Две минуты она на экране, не больше, а перед нами судьба. Дебелая, сытая, от сытости самодовольная, Тася, жена инвалида, брезгливо поглядывает на мальчишка-сироту, который ест, никак не может наесться, стесняется этого: «Мне капелюку, только капелюку». Она размешивает половником, явно издеваясь, густой суп, и одна-единственная капля падает в тарелку.

Символ зла. «Мне и нужен символ», — убеждал актрису Губенко. А Гундаревой надо было понять, отчего же Тася так зла. У нее, видно, своя горечь. Какая? Муж — инвалид. Может, поэтому нет детей. У одних женщин от тоски по ребенку — готовность любить всех детей вокруг, у других — раздражение до ненависти: путаются под ногами чужие — не свои. Именно это раздражение в Тасиной истерике после упрека мужа. И мы чувствуем, что и по ней, сытой, война прошла, проехала.

Интересно, кого из актеров больше всего

чит Наталья Гундарева? Засмеялась, услышав вопрос: «Начну перечислять — не кончу!» Но начала: Ульянов, Калягин, Ефремов, Алиса Фрейндлих...

Неудивительно, что Фрейндлих. И все-таки за что — Фрейндлих?

— За внимание, интерес, любовь к людям. Сужу об этом по ее работам. Она не несет себя — погружается в роль, живет в ней...

Но и сама Гундарева умеет отказаться от себя, создавая чужой, доселе незнакомый, а порой чуждый характер. Иначе невозможно была бы галерея таких разных портретов. Липочка из спектакля «Банкрот, или Свои люди — сочтемся!», красавица Мирандолина из телевизионного спектакля «Трактирщица», Дульсиня из телефильма «Дульсиня Тобоская»...

Но, отказываясь от себя, надо сказать свое. Почему, например, она взялась за Надю Круглову? Поначалу не соглашалась, увидела «розовую конфету в золотой бумажке»: ах, как легко и замечательно живет многодетная семья! Потом уже многое было доработано, изменено сценаристом Аркадием Ининим и режиссером Юрием Егоровым. Но все равно сама Гундарева считает, что ее героиня отчасти из сказки.

— Друзья шутили: «Снялась в фантастике». Но разве не нужна людям такая фантастика? Пусть они увидят, что кто-то может позволить себе много детей, кто-то все успевает в наш быстрый век. Может, успевает оттого, что любит? Любовь к мужу, детям определяет жизнь Нади Кругловой, любовь не из сказки. А вокруг видишь других мам. Вот мама деловая, интеллектуальная. После работы ей надо в театр или в кино. Что ж, надо. Надо забегать к подруге, покурить, поболтать... Ребенка из садика бабушка взяла, накормила, но ведь маму свою он ждет! А мама все не успевает к нему, не успевает...

Любовь определяет характеры многих гундаревских героинь. Кажется, что у актрисы чет-

кая версия: от умения или неумения любить — и полнота жизни и опустошенность.

Растворяется в любви Нада.

Ждет любовь Катя Никанорова, пряча от людей боль. Какой жест нашла актриса! Голова чуть откинута назад, веки полуопущены — это чтобы слезы на виду у всех не пролились.

А «сладкая женщина» Анна Доброхотова любить не умеет. Потеряла эту способность, гоняясь за коврами и хрустальными... Жалка, нелепа в любви.

Любит Нина, обманутая жена из «Осеннего марафона».

— Муж моей героини Бузыкин поздно возвращается домой. Был у своей любимой. Я догадываюсь об этом. Что я должна делать — плакать? Я плачу, так всегда в жизни. Но не у Володина! Володин не пишет об одной семье или многих похожих, он всегда — о человечестве. Мы с Данелией ищем. Что, если закрыться? Вот я и делаю вид, что ничего не знаю. Значит, совсем не люблю? Люблю! Мучаюсь. Но я должна обрести чувство достоинства, только тогда сохранишь в душе любовь, должна сыграть достоинство.

— С кем из режиссеров было интересней всего работать?

— С Данелией было интересно. Режиссер волевой. Кажется, заранее все определил, будет гнуть свою линию, но все время сомневается, ищет. Иногда день пройдет — ни метра отснятого. Со Смирновым, Егоровым с удовольствием работала. С Фетиним, с Марягиным... Каждый художник что-то тебе и в тебе открывает. У Рязанова сниматься — праздник. На съемках телефильма «О бедном гусаре замолвите слово» свобода была полная! Теори, придумывай! Я резвилась, фантазирую, кажусь себе талантливой. Рязанов хохочет до слез. Отхохотался и: «Так не надо, не пойдет».

— Нет, все не так, — сказал Эльдар Александрович Рязанов, когда я передала ему

слова актрисы. — Гундарева слишком скромна. На самом деле она чувствовала, что надо сделать, и из мелочи — роль ведь была маленькая — сумела создать замечательную работу. Талант недюжинный, природа не поскупилась. Наталья Гундарева много играет, всегда в форме. И всегда нам интересна. Почему? Многие актрисы естественны, правдивы, но видишь: уже достигли своего потолка, все последующее идет на повтор. У Гундаревой полифонический актерский и душевный запас. Ей все подвластно — от высокой трагедии до фарса. Казалось бы, не идеальная актерская внешность — не стройна, не изящна, не старается похудеть, но и это хорошо: позволяет ей, молодой, играть разновозрастные роли. И в каждой ее роли проявляется социальное чутье, играет ли простую, малообразованную женщину или интеллигентного человека. Ее талант несет и подлинную народность. Она способна создать русский национальный характер. А национальное в искусстве очень важно. Словом, колодец глубок. Насколько хватит воды — жизнь покажет. Но прекрасно уже то, что дна пока не видно. Потому мы так ждем встреч с ней, так верим в нее, так ее любим.

...Закончился в театре вечерний прогон. Задержавшись с коллегами у темного театрального подъезда, Наталья Георгиевна говорит озабоченно, как ей пока еще неудобно, психологически неудобно, в некоторых мизансценах. «Я понимаю, что вот именно тут мне надо отреагировать. А как? Может, так?» Большие глаза озорно блеснули из-под белой шапочки, надвинутой на лоб, и дробь чечетки понеслась по гулкому каменному переулку под общий смех...

Когда мы снова встретимся с Гундаревой? Где увидим ее? В бытовой драме, в комедии нравов, в трагедии или в мюзикле, в водевиле? Ее таланту многое дано.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

КОЛОБОК

Валерий ШУМИЛИН

МЫ ЖИВЕМ НА БАМЕ

Рисунок Э. РАПУТОВОЙ.

Алеет, как знамя,
заря над тайгой.
Живем мы на БАМЕ,
над Тындой-рекой.

Природа, как в сказке,
какая краса:
в багульнике — сопки,
густые леса.

Крутая дорога
петляет в горах.
И песня на разных
звучит языках.

Жалейка, гитара,
домра и гармонь —
все вместе в душе
разжигают огонь.

На БАМЕ — посланцы
всей нашей страны.
Великою дружбой
в работе сильны.

И с песнею рельсы
на шпалы кладут
бурят, украинец,
литовец, якут.

В бригаде одной —
и таджик и казах.
И песня на разных
звучит языках.

Проходят ребята
над Тындой-рекой:
один в тубетейке,
в кубанке другой.

Папахи, черкески,
халаты пестрят.
У каждого свой
необычный наряд.

И песня на разных
звучит языках
в палатках,
вагончиках,
новых домах.

СЛАДОСТИ НА СТОЛЕ

Большим своеобразием отличаются национальные кухни народов нашей страны. Попадая в другую республику, мы с удовольствием лакомимся непривычными для нас блюдами, интересуемся тем, как они приготовлены, включаем их в свое домашнее меню. Предлагаем рецепты сладких блюд, которые готовят в разных концах нашей страны.

ЧЕРНЫЕ ПРЯНИКИ (из русской кухни)

Сироп от варенья и мед перемешать и прогреть, не доводя до кипения, добавить молотые пряности и замесить на этой смеси со ржаными сухарями крутое тесто. Хорошо промесить его, раскатать слоем в 1 см, просушить на листе либо в предварительно нагретой, но выключенной духовке, либо наверху плиты, в которой зажжена духовка. Затем нарезать в теплом состоянии выемкой и глазировать. Глазурь делается из 500 г сахара и 0,75 стакана воды. Сахарный сироп уваривают «до средней нитки», то есть до такой густоты, пока он не будет тянуться «ниткой». Предварительно снять пену.

Пряники помещают в широкий эмалированный таз одним слоем и равномерно обливают сахарным сиропом, а затем перемешивают деревянной ложкой, чтобы глазурь покрыла их равномерно. Пряники кладут на лист и просушивают в духовке не более 1 минуты.

На 3—4 стакана ржанных толченых сухарей (сухарной пудры) или ржанных сухарей наполовину со сдобными (крошка от печенья): 2—3 стакана сиропа варенья (смородинового, клюквенного, брусничного) или смеси смородинового и малинового сиропа, 2—4 столовые ложки меда, 1—0,5 чайной ложки аммония или пекарского порошка (смесь: аммония 40 процентов и соды 60 процентов), 2 желтка, 1 столовая ложка муки. Если делать все по правилам — понадобятся такие пряности: 1 чайная ложка корицы, 0,5 ложки бадьяна, 0,5 ложки имбиря, 3 бутона гвоздики, 1 щепотка мускатного ореха, но можно ограничиться и неполным набором.

ЯБЛОЧНЫЕ ОЛАДЬИ (белорусская кухня)

Яблоки испечь, протереть через сито (или отжать в соковыжималке). В полученное пюре добавить муку, соль, дрожжи, сливочное масло, сахар. Замесить тесто и выпекать оладьи на сковороде.

На 1 стакан яблочного пюре: 0,5 стакана муки, 0,5 стакана сахара, 50 г масла, 10 г дрожжей, 0,5 чайной ложки соли.

ГОГОШЬ (молдавская кухня)

Желтки, масло, сахар растереть добела, смешать с мукой. Тесто хорошо вымесить, раскатать в пласт толщиной 1 см и вырезать круглой формочкой печенье диаметром 2,5 см, в центре каждого продавить пальцем небольшое углубление.

Печенье смазать яйцом, посыпать дробленым орехом и выпечь в духовке на среднем огне, а затем положить в углубление по ягодке вишневого варенья.

На 240 г пшеничной муки: 150 г сливочного масла, 100 г сахарной пудры, 4 желтка, 100 г очищенных грецких орехов.

СЕМИЛУНЭ (молдавская кухня)

Муку, растопленное масло, сахар, крутые желтки, предварительно протертые сквозь сито, а также лимонный сок и тертую цедру смешать и растереть вначале ложкой, а затем руками до образования однородного теста. Тесто раскатать в пласт толщиной 3—4 мм, стаканом вырезать из него печенье в форме полумесяца и выпечь на противне в духовке на слабом огне. Затем печенье по две склеить мармеладом и покрыть лимонной глазурью.

На 320 г муки: 280 г сливочного масла, 280 г сахарной пудры, 10 желтков, 200 г мармелада, 1 лимон (сок и цедра).

Для глазури: 100 г сахара, несколько капель лимонного сока, 2 чайные ложки сухой лимонной цедры или цедра с 1 лимона.

КОВРИЖКА «МОСКОВСКАЯ МОСТОВАЯ»

К тесту для черных пряников добавить изюм, промытый в горячей воде и нарезанный пополам. Тесто раскатать в жгут, нарезать кусочками, раскатать из них шарики величиной с грецкий орех и плотно уложить на листе, обрामляя жгутиком из теста каждые 10—20 штук (блок). После выпечки эти блоки покрыть глазурью.

СОЛОЖЕНИК СМЕТАННЫЙ (украинская кухня)

Сметану сильно взбить и только потом смешать с другими продуктами. Ванильный сахар положить последним. Выложить в форму и запечь в духовке.

На 1/3 стакана муки: 6 яиц, 1,25 стакана сахара, 3 стакана густой сметаны, 25 г масла на смазку формы, 1—0,5 чайной ложки ванильного сахара или ванилина (по вкусу).

ГОЗИНАКИ (грузинская кухня)

Орехи слегка прожарить на сковороде на слабом огне, затем нарезать небольшими кусочками, но не очень мелко. Миндаль и фундук следует предварительно ошпарить и снять кожицу, затем обжарить.

Мед прокипятить в алюминиевой или медной миске (тазике) и уварить его до такого состояния, чтобы капля, взятая на пробу, не растекалась на блюде.

Всыпать в мед орехи и продолжать варить, непрерывно помешивая, пока не появится аромат и вкус поджаренного, то есть пока не начнется карамелизация. Но еще перед этим всыпать сахарную пудру, которая придаст гозинаки хрупкость.

Выложить массу на деревянную доску, предварительно смоченную холодной водой (или на мраморную, смазанную маслом), и раскатать в пласт толщиной 1 см скалкой, также смоченной в воде. Остудить, нарезать на квадраты (5×5 см), просушить до затвердения.

На 1 кг очищенных орехов: 1 кг меда, 0,25 стакана сахарной пудры.

БАГАРДЖ (армянская кухня)

Багардж — одно из немногих кондитерских изделий, приготовляемых из так называемого сахарного теста, то есть теста масляного типа с очень большим содержанием сахара. Такое тесто требует особого замеса и продолжительного времени для его разрыхления (подъема).

В теплой воде развести дрожжи и соль. Взбить яйцо, отделить половину и растереть с сахаром добела, затем добавить растопленное масло и снова растереть. Соединить эти продукты. Потом замесить тесто, постепенно прибавляя муку, вымесить (выбить) его в течение 20 минут и оставить на 1 час подходить, затем вновь вымесить и оставить на 1,5 часа для подъема.

Готовое тесто разделить на два куса (один несколько больше другого). Из большего куска раскатать лепешку, нанести на нее вилкой пере-

крещивающиеся полосы, смазать яйцом. Из меньшего куска раскатать жгутики толщиной 0,5 см, скрутить их по два в шнуры и обложить ими края лепешки, как бордюром, но не смазывать яйцом, а густо посыпать маком, предварительно распаренным и растолченным. Выпекать на листе, смазанном маслом, в хорошо нагретой духовке (около 20 мин.).

На 450 г муки: 150 г сахара, 50 г сливочного масла, 1 яйцо, 15—20 г дрожжей, 5 г соли, 0,5 стакана теплой воды, 2—3 столовые ложки мака.

КУРАБЬЕ (азербайджанская кухня)

Сливочное масло растереть до пенистого состояния, добавить сахарную пудру, мед, молотые пряности и вновь растереть в однородную массу. Затем все развести в молоке, взбить и замесить на этой основе тесто.

Тесту дать выстояться 10—15 минут в холодном месте, затем раскатать в пласт толщиной 1 см. Вырезать тонким стаканом круглые печенье и выпекать его на сухом листе в течение 3—5 минут на слабом огне в предварительно нагретой духовке.

После выпечки дать печенье слегка остыть и еще теплое посыпать сахарной пудрой, смешанной с ванильным сахаром или ванилином. Иногда курабье глазируют сверху постным сахаром, смешанным с кислым фруктовым соком — гранатовым или лимонным.

На 500 г муки: 250 г сливочного масла, 200 г сахарной пудры, 50 г меда, 2/3 стакана молока, 8 бутонов гвоздики, 1 чайная ложка молотой лимонной цедры, 3 штуки кардамона, 1 пакетик ванильного сахара.

ХАЛВАЙТАР (узбекская кухня)

Халвайтар — это жидкая халвоподобная смесь.

Вначале перекалить жир или масло, охладить его, всыпать в него муку и, размешивая, вновь поставить на огонь, осторожно подогреть, пока мука не приобретет коричневатый оттенок (но не подгорит!). После этого влить разведенный в кипятке сахар и кипятить на слабом огне, все время помешивая, доведя до густоты сметаны. Незадолго до готовности в халвайтар добавить орехи, а после готовности — ванилин. Подавать халвайтар в пиалах, есть в горячем виде с чаем.

На 100 г бараньего сала или топленого масла: 100 г орехового ядра, 1 стакан муки, 1 стакан сахарного песка, 1—3 стакана воды, 0,25 чайной ложки ванилина.

ЛИМОННЫЙ ШЕРБЕТ (таджикская кухня)

С лимонов снять цедру, измельчить, подсушить; сок из лимонов отжать в отдельную посуду. Из воды и сахара сварить сироп, опустить в него цедру, проварить 2—3 минуты. В готовый некипящий, но еще горячий сироп влить сок лимонов, хорошенько размешать, охладить.

На 3 лимона: 2 стакана сахара, 3 стакана воды.

ЧАК-ЧАК (казахская кухня)

Приготовление тестяной основы. Растереть желтки с сахаром и маслом добела, посолить, добавить взбитые отдельно белки, молоко, все хорошенько перемешать и замесить на этой основе крутое тесто, всыпав половину муки, добавив в полужидкое тесто водку. Если тесто будет недостаточно крутым — добавить еще муку. Тесто завернуть в чуть влажную салфетку и дать полежать 15 минут, после чего раскатать в пласт толщи-

ной 2—3 мм и нарезать, как лапшу, полосками шириной 0,5 см. Эту лапшу либо нарезать кусочками длиной 2—2,5 см, либо скатать в жгутики, которые нарезать кусочками длиной 1,5 см.

Обжаривание лапши. Масло распустить в казане, хорошо нагреть его (перекалить), затем обжарить в нем полученное измельченное тесто, используя при этом сепку, чтобы одновременно вынимать чак-чак и не давать тесту обжариваться сильнее, чем до светло-желтого цвета. Обжаренный чак-чак высыпать на решето или в большое сито, дать стечь лишнему маслу и остудить.

Приготовление маково-ореховой смеси. Орехи обварить кипятком, снять кожуру, крупно нарубить. Мак залить крутым кипятком на 3 минуты, после чего слегка потолочь в ступке, перемешать с орехами и дать постоять в закрытой посуде.

Приготовление медового сиропа. В небольшом казанке или в эмалированной миске растопить мед, добавить в него сахарный песок, дать прокипеть так, чтобы выделилась пена, которую необходимо снять, затем уварить сироп до пробы полутвердого шарика.

Приготовление чак-чака. Снять сироп с огня и засыпать в него подготовленную обжаренную лапшу и тотчас же — маково-ореховую смесь: все быстро и равномерно перемешать. Переложить горячий чак-чак в смазанные маслом тарелки или на металлический лист слоем 1 см (это можно сделать руками, смоченными в холодной воде, или широкими ложками, смазанными маслом). Когда чак-чак остынет, нарезать его ромбиками или квадратиками.

Для теста: 500 г муки, 5 яиц, 3—4 столовые ложки молока, 2 кусочка сахара-рафинада, 1 столовая ложка сливочного масла, 1 столовая ложка водки, 1 щепотка соли (менее 0,5 чайной ложки).

Для сиропа: 500 г меда, 0,5 стакана сахарного песка, 0,5 стакана мака, 0,5 стакана любых орехов.

РОЗИНМАЙЗЕС (латышская кухня)

Муку, соль, сахар перемешать. Дрожжи развести в полстакане теплого молока. Масло подогреть, смешать с остальным молоком. Из всех подготовленных компонентов замесить тесто, закрыть крышкой и выдержать 1 час. В подошедшее тесто замесить промытый в горячей воде, нарезанный на кусочки и обваленный в муке изюм.

Тесто разделить на 24 одинаковых кусочка, скатать из них круглые булочки, положить их на смазанный маслом лист, дать подняться в течение 15 минут, обмазать взбитым яйцом и выпечь в течение 30 минут на умеренном огне в духовке.

На 500 г муки: 1 стакан молока, 50 г масла, 25—30 г дрожжей, 10 г сахара (1,5—2 кусочка рафинада), 50 г изюма, 1 чайная ложка соли.

ЯБЛОЧНОЕ ПИРОЖНОЕ (литовская кухня)

Желтки растереть с сахаром добела. Яблоки испечь в духовке, отжать из них пюре в соковыжималке, смешать с желтками и картофельной мукой. Добавить к смеси взбитые белки и пекарский порошок и выпечь в духовке в форме.

На 10 яиц: 5 крупных яблок, 1 столовая ложка картофельной муки, 3—4 столовые ложки сахарного песка, 0,5 чайной ложки пекарского порошка.

Из книги В. В. ПОХЛЕБИНА
«Национальные кухни
наших народов».

ховские три сестры или дама с собачкой. Просто и женственно, к лицу любому возрасту.

Да, в моду стремительно входят так называемые «антипрически», максимально естественные и практичные.

Но для того, чтобы добиться такой естественности, нужна уверенная и опытная рука мастера. Основа современной прически — хорошая стрижка. Раньше — в период господства «гаврошей» — мы стригли в основном бритвой. Потом «сэссун» вернул ножницы. Для современных стрижек нужно и то и другое. Их отличие от стрижек прошлых лет — очень короткие, сходящие на нет волосы на затылке. Впереди может быть густой «ежик», кудри, челка, но сзади шея обычно открыта.

Однако эти самые модные стрижки, к сожалению, далеко не всем идут, требуют правильной овала лица, красивой шеи. Тех, у кого тяжелый подбородок, широкие скулы, крупный нос, такая стрижка не украсит. Поэтому подавляющее большинство женщин сохраняют верность полудлинным волосам, закрывающим уши, шею. Эти прически тоже обычно пушистые — мы называем их «шарик», «одуванчик», они идут почти всем. Для гладких густых волос по-прежнему рекомендуем ровные геометрические стрижки с четкой выделенной формой, высоко поднятой линией над висками, называют их «каре».

Еще совсем недавно увлекались прическами плоскими, как бы сглаженными наверху, на темени, с кудрями и валиками у шеи. Сейчас волосы, особенно в нарядных прическах, стараются всеми способами поднять.

Снова возвращается начес. Не тот твердый, упругий, превращающий голову в шар, как было лет 15 назад, когда все носили «бабетты». Волосы теперь начесываются чуть-чуть, только у корней, чтобы стать более пушистыми, как мы говорим — приобрести объем.

Короткие повседневные прически не выглядят круто завитыми. Кажется, они сами по себе ложатся естественными волнами, так, как им самим заблагорассудится. Изменилась техника создания таких кудрей. Прядь волос теперь не всегда накручивают на бигуди или круглую щетку (бигуди используются главным образом для создания причесок из длинных волос). Главным парикмахерским инструментом стали руки. Локоны накручивают на пальцы, потом высушивают феном. Их взбивают, мнут, поднимают пальцами, а когда волосы высохнут, сбрызгивают лаком и чуть начесывают, чтобы получить нужный объем и пышность. Попробуйте, если сделана хорошая стрижка, все остальное получится без труда. Правда, волосы красиво лягут лишь в том случае, если они сами по себе являются или предвременно была сделана химическая завивка.

«Антипрически» — последнее слово моды. Но, как известно, мода предлагает, а выбираем все-таки мы. Хороша лишь та прическа, которая идет вам, отвечает вашей индивидуальности, возрасту, образу жизни. Так что выбирайте!

Записала Т. КОСТЫГОВА.

НОВИНКИ ФИГАРО

Что предлагает парикмахерская мода в новом году? С этим вопросом мы обратились к известному мастеру прически, модельеру столичного салона «Волшебница» Эдуарду Юрьевичу Веселову.

— Позвольте начать издадала... Несколько месяцев назад в Москве гостили ведущие специалисты знаменитой западногерманской фирмы «Шварцкопф» (продукция этой фирмы — всевозможные средства ухода за волосами — уже несколько лет поставляется в нашу страну и завоевала популярность у покупателей). В салоне «Чародейка» собрались московские парикмахеры, технологи, просто зрители, и мастера «Шварцкопфа» продемонстрировали свое искусство: новейшие методы стрижки, укладки, самые последние модели причесок. Манекенщица не было — приглашали желающих зрителей и тут же, на глазах у зала, колдовали над их волосами.

Причесали одну, вторую, третью... Зрители аплодируют. Специалисты удивленно переглядываются. Наконец кто-то не выдержал: «Простите, а когда же вы будете показывать настоящие прически?»

Причесок в нашем традиционном понимании — гладко уложенных, волосок к волоску, с аккуратными волнами и завитками — и вправду не было. Трудно было представить, что женщины только что побывали в искусных руках парикмахера: волосы пушистые, свободно выющиеся, даже вроде бы чуть-чуть растрепанные. Совсем короткие или подлиннее. У молодых более небрежные, у взрослых — поаккуратнее, но тоже без тщательной прилизанности. Длинные волосы зачесываются вверх, так, что они пышно обрамляют лицо, и забирают в небольшой пучок на темени — в таком стиле, наверное, причесывались че-

КАК БЫТЬ КРАСИВОЙ

Бывают в жизни ситуации, когда очень хочется — просто необходимо! — хорошо выглядеть, а времени, чтобы заняться собой, мало, в обрез. Могут вас научить, как выйти из положения. Попробуйте — результат будет заметный. На один ответственный вечер вы сможете быстро приобрести хорошую форму.

Итак, ставим кипятить воду для компресса в большой кастрюле, а заодно и чай. А пока принимаем душ, чередуя горячую и холодную воду. Потом очищаем кожу лица, взяв на влажный тампон немного лубокого жидкого крема («Утро», «Бархатный», «Миндальное молоко», можно и остатки сметаны, простокваши, кефира, майонеза).

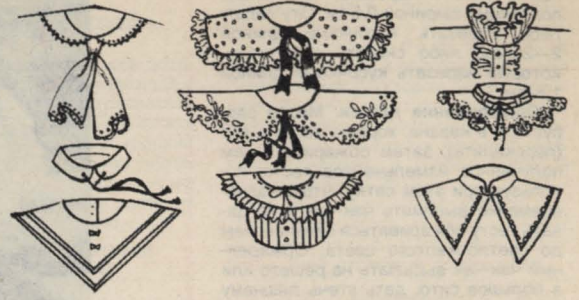
Через одну-две минуты этим же тампоном смачиваем лицо горячей водой и на влажную кожу густо наносим жирный питательный крем («Восторг», «Нектар», «Люкс»). К этому времени вода закипит. Возьмем за края мягкое махровое полотенце, середину его опустим в кипящую воду, отождем, расправим и осторожно поднесем к лицу. Вначале к подбородку, затем на щеки (при этом немного запрокидываем голову), на лоб и в заключение на глаза. Концы полотенца заводим так, чтобы оно имело форму клювика с отверстием для дыхания. Держим горячий компресс на лице ровно столько времени, пока будем испытывать приятное ощущение тепла. Повторяем процедуру два-три раза, каждый раз добавляя на лицо немного крема. Крем на веки наносим понемногу, осторожно, стараясь не попасть в глаза. В завершение процедуры ненадолго кладем на лицо холодный компресс (лед), после чего протираем лицо лосьоном, кусочком лимона или ополаскиваем подкисленной водой. Протираем еще раз куском льда. На влажную кожу лица и шеи наносим крем, похлопываем руками щеки и под подбородком, делаем несколько глубоко давящих и взбивающих движений, затем излишки влаги промокаем полотенцем. Кожа, насыщенная влагой и кремом, становится розовой и упругой.

И, наконец, последняя процедура. Завариваем свежий чай, добавляем 1—2 чайные ложки меда, кладем кусок лимона. Пьем чай не торопясь и чувствуем, как окончательно уходит усталость.

Конечно, можно этим и удовлетвориться, но небольшой грим еще не повредил ни одной женщине. Никто не осудит нас, если в торжественный вечер мы сделаем его несколько более заметным, чем обычно. Цвета грима подбираем к цвету волос, можно и к цвету глаз, кожи, но не забываем при этом о цвете одежды — все должно быть гармонично. Хорошее настроение, радостно блестящие глаза, улыбка... Право же, вы сегодня красивы!

И. КОЛЬГУНЕНКО,
главный врач Института красоты

НАРЯДНЫЙ РЕБЕНОК

ИЗ КОПИЛКИ МОДЫ

Даже самое скромное платье можно сделать нарядным, не похожим на другие с помощью яркой шелковой косынки, шарфа или лент. Косынку, например, не обязательно набрасывать на плечи — можно завязать вокруг талии, положив уголком на бедро. Можно перевить ее с одним или несколькими шарфами — контрастно цвета, набивными — и этот мягкий жгут завязать на шею. Из такого жгута получится и пояс — яркий, необычный.

Из атласной или прозрачной ленты, шитья кружев нетрудно собрать розетку, прометав ее по краю. Середину розетки украсить брошью или маленьким бантиком, цветком. Розетка может быть многослойной — из разных лент и кружев. Носят ее, приколов к платью.

М. САБЛИНА

Приятно, когда дети одеты нарядно, празднично и по моде. Да, детская мода существует, даже нередко влияет на то, как одевается солидные люди. Вспомните хотя бы туфли без каблука, которые и мы, взрослые, с удовольствием носим, матроски, брюки с грудкой — все это пришло из детской моды.

Модные тенденции распространяются и на детскую одежду. Прежде всего принцип комбинирования, комплектования единичных изделий, при котором вещи подбираются по цвету, рисунку, фактуре. Самые модные ткани — одноцветные, но и с рисунком — в клетку, полоску, с мелкими цветами, ветками, бабочками, морскими мотивами.

Традиционные пальто вытесняются куртками — от легких штормовок до стеганых, на искусственном меху или синтепоне, имеющих «дутую» форму. Куртки хорошо сочетаются с комбинезонами, брюками, юбкой-брюками. Брюки, как правило, свободные в бедрах, по талии — резинка или мягкие складки. Низ брюк собирается на резинку, манжету, перехватывается патями. Их носят с теплым, толстым свитером или жилетом, вязаной яркой шапочкой, шарфом, носками — с геометрическим орнаментом или в полоску. Жилеты же и всякого рода безрукавки не только вяжут, но и шьют из самых разнообразных тканей.

Платья и блузки часто носят с большим съемным воротником, который шьют из той же ткани или белого репса, атласа, пике, сатина, шитья. Платья, блузки украшают драпировками, оборками, защипами, сборками, воланами, плиссировкой, иной раз вышивают в тон ткани. Края воротников отделяют фестонами, узкими ленточками. Воротники застегиваются на пуговицу или завязываются бантом.

Н. КОЗЛОВА, искусствовед.
Рисунки автора.

Главный редактор **В. Е. ВАВИЛИНА.**
Редакционная коллегия:
В. М. БАШАРИНА (отв. секретарь),
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Л. А. ЛЕСОВАЯ,
М. И. РОЖНЕВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; публицистики и международной жизни — 250-44-80; коммунистического воспитания — 212-22-23; литературы и искусства — 250-12-30; семьи и быта — 250-11-93; науки и атеистической пропаганды — 212-22-03; художественного оформления — 212-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 212-23-73; «Подружка» — 212-22-03; зав. редакцией — 212-20-39.

Сдано в набор 25.10.82.
Подписано к печ. 18.11.82. А 00434.
Формат 60×90/16. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,34. Уч.-изд. л. 9,56.
Усл. кр.-отт. 12,84. Тираж 13650000 экз.
(1-й завод: 1—8890481 экз.).
Изд. № 2816. Заказ № 3378.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени
В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

Главный художник
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Оформление
Т. Р. ГОРЕЛОВОЙ.
Технический редактор
Г. Н. СИДОРОВА.

На первой
странице обложки:
Москва — столица СССР.
Фото
Д. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В приложении
к этому номеру:
Модели и выкройки
делового платья,
стеганых жакета,
жилета,
гамаш и сумки;
вязаные шапочка
и шарф;
новгородные
подарки-самоделки.

В издательстве «Молодая гвардия» подготовлен очередной выпуск сборника «Парус». В нем собраны стихи известных поэтов наших республик. Некоторые из них мы предлагаем вниманию читателей.

Твое мое отечество

Александр ПРОКОФЬЕВ

РОССИЯ

(Отрывок из поэмы)

Сколько звезд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколько гроз.
Соловиное горло — Россия,
Белоногие пуцци берез;

Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек и троп
Сразу брызнувшая в поднебесье
По-родному, по-русски — вздох;

Да какой-нибудь старый шалашик,
Да задумчивой ивы печаль,
Да родимые матери наши,
С-под ладони глядевшие вдаль;

Да простор вековечный, огромный,
Да гармоник размах шире плеч,
Да вагранки, да краны, да домны,
Да певучая русская речь!

Каждый день был по-своему громок,
Нам войти в эти дни довелось.
Сколько ливенок, дудочек, хромок
Над твоими лугами лилось!

Ты вовек не замолкнешь, родная,
Не померкнут веснянки твои,
Коль сейчас по переднему краю
Неумолчно свистят соловьи!

Все равно на тропинках знакомых
И сейчас, у любого крыльца,
Бело-белая пена черемух
Льетса, льетса — и нет ей конца!

ГУЛЬЧЕХРА

НЕБО

С тех времен, когда мир наш был создан,
Нам с высот улыбалось ты, небо,
И таило далекие звезды,
Точно шахи — красавиц в гаремах.

Недовольные сказками дедов,
Мы идем к тебе запросто в гости,
Силу рук наших юных изведав,
Вновь сегодня для нас родилось ты.

Мы чадру с тебя сняли, не каюсь,
Как землячки — одежду неволи,
И, на землю с небес возвращаясь,
Твои звезды на грудь прикололи.

Перевод с узбекского Вл. ДЕМИДОВА.

Платон ВОРОНЬКО

* * *

Я в Киев путь держу, пройдя по многим
Дорогам, селам, городам и странам,
По разным — то роскошным, то убогим —
Кафе, тавернам, чайным и духанам.

Увидев лица всех оттенков кожи,
Изведав и вражды и дружбы меру,
Везу домой всегда одно и то же:
Великую, незаблемую веру.

Я верю, что на душах добрых, ясных
Крепится человечества громада —
И не на слабых, а на смелых, страстных,
Которым в жизни очень много надо.

Им нужен хлеб,
Им нужен свет свободы
Во всех краях — и ледяных и знойных —
Им требуются песни, земли, воды,
К небесным недрам новые проходы, —
Чужда им лишь потребность в новых войнах.

Перевод с украинского В. КОРЧАГИНА.

Оразгулы АННАЕВ

* * *

Я не журавль, чтоб звонко вскинуть крылья
И улететь в далекие края.
Ни выюга, ни буран с песчаной пылью
Не разлучат нас, Родина моя!

Люблю тебя: и плеск рязанских речек,
И зной степей, и привкус черемши...
Любовь к тебе — не достоянье речи,
А право сердца и удел души.

И как бы ни качался месяц утло,
Какая бы беда ни пронеслась,
Мы, вглядываясь в будущее утро,
С прошедшим днем не порываем связь.

Покамест в сердце Родины есть место
И для меня —

я этим дважды жив.
Любовь к Отчизне — только этой меркой
Годится измерять души порыв.

Любовь к Отчизне — среди всех причалов
Она одна извечно манит нас.
У нас и в черный час одни печали,
И радости одни — в рассветный час!

Перевод с туркменского А. ЩУПЛОВА.

Хута БЕРУЛАВА

ПОЭТАМ РОССИИ

Извечно в Грузии, отчизне дружелюбья,
Встречали гостя, как явленье чуда.
Его приветствовали всей сердечной глубио,
Не спрашивая, кто он и откуда.

Его встречали у ворот и на пороге,
Уж коль он добр, добро его не тчетно.
Его приветствовали, стalkerивая роги,
Вином любви наполненные щедро.

Но ваш сегодняшний приход еще дороже,
Он наш особый праздник.

В дни любые
Мы пламя бережем в сердцах одно и то же,
Прошли мы вместе бури боевые.

Мы одинаково свою Отчизну любим.
У нас одно и то же вдохновенье.
Слова, как золото, мы дарим нашим людям,
Их находя в сердечном откровенье.

Друзья, поэты, мастера и побратимы,
Добро пожаловать! Примите этот
Восторг мгновенный и неукротимый,
Как мой подарок, стих сердечно спетый.

Долины Грузии прекрасной обойдите,
Страны моей вершины оглядите.
В их многоцветном, многокрасочном
пыланье
И вашей славной лирики сиянье.

На поле, в доме, на лугу, в его цветенье
Вас встретят ваши же стихотворенья,
На миг замолкнут, вас увидев, и, как лозы,
Тепло уронят радостные слезы.

Давайте ж встречу эту все благословим,
Цена союз собратства и искусства.
Примите ж, как порой мы в тостах говорим,
Стих небольшой, большого полный чувства!

Перевод с грузинского В. СОКОЛОВА.

Дворец молодежи в Ереване.

Туркмения. Ученые определяют скорость движения барханов.

Праздник песни в Таллине.

